В. Е. СНАПКОВСКИЙ

ПУТЬ Беларуси в ООН

1944—1945 гг.

АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт истории

В. Е. СНАПКОВСКИЙ

ПУТЬ Беларуси в ООН 1944—1945 гг.

Под редакцией
доктора исторических наук
профессора А. С. Протопопова

МИНСК
«НАВУКА I ТЭХНIКА»
1994

ББК 63.3(2Б)
С 53
УДК 947.6 : 327.7 ООН«1944/1945»

Рецензенты:
С. С. Огурцов,
канд. ист. наук Л. В. Языкович

С $\frac{9470600000—014}{М 316(03)—94}$ 13—93

ISBN 5-343-01290-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопрос о включении БССР и УССР — двух советских союзных республик — в число первоначальных членов ООН является одной из интереснейших страниц истории дипломатии завершающего периода второй мировой войны. С августа 1944 г., когда Советский Союз в Думбартон-Оксе впервые выдвинул предложение о включении в состав Международной организации безопасности всех 16 советских союзных республик, до мая 1945 г., когда учредительная конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско приняла решение о включении БССР и УССР в число учредителей новой международной организации, вокруг вопроса о представительстве советских республик, получившем на Западе название «проблема множественного представительства СССР», или «дело икс», шла напряженная дипломатическая борьба между Советским Союзом и его американо-английскими союзниками по антигитлеровской коалиции. Основные вехи этой борьбы — конференции в Думбартон-Оксе, Ялте и Сан-Франциско. Юридической основой для допуска союзных республик в проектируемую организацию стал принятый Верховным Советом СССР в феврале 1944 г. закон «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании в связи с этим Народного комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский народный комиссариат», согласно которому республики получали в области международных отношений право устанавливать дипломатические и консульские отношения с иностранными государствами.

Перипетии дипломатических переговоров и дискуссий между СССР, США и Великобританией о представительстве Украины и Беларуси в международной организации достаточно хорошо известны в зарубежных странах, прежде всего в англо-американской и польской

историографии. Эту проблему не обходит ни одно солидное западное издание по истории дипломатии периода второй мировой войны. Между тем в советской исторической литературе вопрос о том, как и почему Украина и Беларусь оказались в ООН, раскрыт фрагментарно [1]. Восполнить этот пробел, объяснить причины конституционных изменений в СССР в 1944 г. и советского требования о допуске к первоначальному членству всех союзных республик, мотивы его сокращения затем до двух «основных советских республик», осветить подоплеку действий советской, американской и английской дипломатии и призвана настоящая работа.

Монография написана на основе документов советской, американской и английской внешней политики, переписки между И. Сталиным, Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем, воспоминаний политических деятелей и дипломатов СССР, США и Великобритании, отечественных и зарубежных исследований и периодики.

Глава I

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ СОЮЗНЫМ РЕСПУБЛИКАМ В ФЕВРАЛЕ 1944 г. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПОЛНОМОЧИЙ: СОВЕТСКИЕ НАМЕРЕНИЯ И ЗАПАДНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В конце 1943 г., когда произошел коренной перелом в ходе второй мировой войны, в Советском Союзе активизировалась разработка планов послевоенного устройства мира. В сентябре 1943 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) при Наркомате иностранных дел СССР были созданы Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства (председатель заместитель наркома иностранных дел, посол СССР в США М. М. Литвинов) и Комиссия по вопросам перемирия, которую возглавил член Государственного комитета обороны К. Е. Ворошилов. На них возлагалась подготовка документов по вопросам мирного урегулирования и послевоенного устройства мира. Ранее, в январе 1942 г., решением Политбюро ЦК при Наркомате иностранных дел была образована Комиссия по проектам послевоенного государственного устройства стран Европы, Азии и других частей мира во главе с наркомом иностранных дел В. М. Молотовым. Перед ней была поставлена задача — собирать и изучать материалы по вопросам послевоенного устройства, включая различные схемы межгосударственных федераций, блоков и союзов, выдвигаемые иностранными правительствами, политическими партиями и отдельными политическими деятелями. Особое внимание предлагалось обратить на проекты, касавшиеся непосредственно Советского Союза и зачастую направленные против него [1].

Правящие круги западных держав, в первую очередь Великобритании, полагая, что к концу войны СССР окажется ослабленным и не сможет противостоять единой линии США и Великобритании, замышляли создать

«Соединенные Штаты Европы». Используя естественное стремление малых государств Европы к обеспечению после войны условий для мирного и безопасного развития, британская дипломатия поощряла организацию блоков этих стран. Согласно планам официального Лондона, послевоенная Европа должна составить систему федераций, которые осуществляли бы политику «сдерживания» в отношении Германии, а по мнению некоторых европейских эмигрантских правительств — и Советского Союза [2].

На Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г. английские представители пытались добиться одобрения планов создания федераций малых государств в Центральной и Юго-Восточной Европе, но получили отпор советской делегации, которая заявила, что подобные проекты напоминают политику «санитарного кордона», направленную против Советского Союза и воспринимаемую поэтому в СССР отрицательно [3].

Участники Московской конференции единогласно высказались за создание в послевоенный период Международной организации для поддержания мира и безопасности, основанной на принципах суверенного равенства всех миролюбивых государств, членами которой могут быть все такие государства — большие и малые [4]. По предложению делегации СССР конференция приняла решение об образовании комиссии для подготовки к созданию Международной организации безопасности. Решения Московской конференции были подтверждены на Тегеранской конференции 1 декабря 1943 г. С начала 1944 г. развернулась подготовка к созданию новой международной организации.

Опубликованные советские и зарубежные внешнеполитические документы не дают ответа на вопрос, когда и при каких обстоятельствах у советского руководства появилась идея предоставить союзным республикам внешнеполитические полномочия. Но очевидно, что эта идея была непосредственно связана с планами послевоенного устройства мира, в частности со стремлением И. В. Сталина добиться представительства всех союзных республик как в проектируемой Международной организации безопасности, так и в других послевоенных международных организациях и форумах. Натолкнувшись на старые планы возрождения «санитарного кордона» во-

круг СССР, советское руководство также стало искать возможности для обеспечения своих преимущественных интересов среди окружавших Советский Союз государств Восточной Европы и Азии, тем более что на повестку дня уже встал вопрос об освобождении Красной Армией восточноевропейских стран от фашизма.

С весны 1943 г. советское руководство стало заниматься практической работой, связанной с возможным выходом союзных республик на международную арену. В марте 1943 г. СНК СССР назначил заместителем наркома иностранных дел СССР видного украинского драматурга А. Е. Корнейчука. Как указывал советский дипломат Н. В. Новиков, главной из причин, вызвавших реорганизацию НКИД СССР, являлся наметившийся проект создания в союзных республиках наркоматов иностранных дел [5].

Сделанное американской администрацией еще до Московской конференции заявление о том, что решения на послевоенных международных конференциях будут приниматься предпочтительнее большинством голосов, чем консенсусом, вызвало большую тревогу в Кремле. Перед СССР вполне реальной стала опасность оказаться в одиночестве или в лучшем случае иметь несколько союзников как в будущей Международной организации безопасности, так и на международных форумах по проблемам послевоенного мирного урегулирования. Такая ситуация побудила И. В. Сталина как наркома по делам национальностей в первом советском правительстве и его ближайшее окружение «вспомнить» о федеративном характере Союза ССР, в частности о том, что до образования СССР Украина, Беларусь, закавказские и другие советские республики самостоятельно развивали отношения с иностранными государствами. Исходя из этого, руководство СССР начало готовиться к легализации «множественного представительства» союзных республик в международных организациях и ассамблеях [6]. Так возник вопрос о «множественном» («плюральном» или «сепаратном») представительстве союзных республик в международных организациях.

Советский Союз впервые предпринял попытку «множественного представительства» союзных республик в конце 1943 г. 10 декабря 1943 г. британское правительство информировало государственный департамент США о том, что СССР попросил индивидуальное представи-

тельство в Комиссии Объединенных Наций по военным преступлениям (образована 20 октября 1943 г. в Лондоне), для Украинской, Бело-Ливонской (так в тексте.— *В. С.,* неправильное название Белорусской ССР), Молдавской, Литовской, Латвийской, Эстонской и Карело-Финской республик. При этом советское правительство указало, что союзные республики не менее суверенны, чем британские доминионы, и что их военные жертвы дают им моральное право на представительство [7]. Но союзники отклонили просьбу СССР, мотивируя это отсутствием у союзных республик статуса субъектов международного права. Отказ союзников явился причиной того, что Советский Союз решил не вступать в состав Комиссии по военным преступлениям. Однако советское правительство вплоть до 1947 г. не оставляло попыток добиться включения семи союзных республик в состав этой комиссии. Все эти попытки оказались безуспешными [8]. Характерно, однако, что уже в начале февраля 1944 г. в связи с предоставлением союзным республикам внешнеполитических полномочий английская газета «Дейли геральд» писала о том, что будет вполне обоснованно, если сильно разрушенные западные республики СССР захотят иметь специальное представительство в любом органе, занимающемся военными преступлениями Германии [9].

Отказ США и Великобритании признать индивидуальное членство союзных республик, не обладавших конституционными полномочиями для ведения внешнеполитической деятельности, в Комиссии по военным преступлениям, по всей вероятности, подтолкнул советское руководство к тому, чтобы вернуть республикам внешнеполитические права, которые они добровольно делегировали Союзу ССР в 1922 г. 27 января 1944 г. Пленум ЦК ВКП(б), созванный впервые после начала войны, рассмотрел предложения Совнаркома СССР о расширении прав союзных республик в области обороны и внешних сношений и одобрил их для внесения на предстоящую сессию Верховного Совета СССР [10]. 1 февраля 1944 г. на 10-й сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва с докладом «О преобразовании Наркомата Обороны и Наркоминдела из общесоюзных в союзно-республиканские наркоматы» выступил заместитель Председателя Совнаркома СССР, народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов. В связи с тем что доклад В. М.

Молотова являлся первым и единственным (поскольку материалы январского Пленума ЦК ВКП(б) не опубликованы) официальным изложением позиции СССР по вопросу расширения внешнеполитических полномочий союзных республик, а также потому что он вызвал широкий и неоднозначный международный резонанс, данный документ заслуживает специального рассмотрения.

В начале доклада В. М. Молотов отметил, что Совнарком СССР считает вопрос о преобразовании наркоматов обороны и иностранных дел из общесоюзных в союзно-республиканские наркоматы «вполне назревшим». По его словам, речь шла не об обычном преобразовании двух наркоматов, а о постановке новых ответственнейших задач и о предоставлении новых прав союзным республикам в области обороны и внешних сношений, что говорит о важных преобразованиях в Советском государстве [11].

Коснувшись истории вопроса, докладчик сказал, что до образования СССР наркоминделы существовали в РСФСР, Украине, Белоруссии, Грузии, Армении и Азербайджане и в определенных случаях поддерживали внешние сношения с другими государствами. После создания Союза ССР внешнеполитические связи были сосредоточены целиком в общесоюзном НКИД, которому союзные республики передали свои внешнеполитические полномочия. Теперь советское правительство предлагало предоставить союзным республикам полномочия вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами и заключать с ними соглашения, что вызывало необходимость создания наркоминделов в союзных республиках и преобразования общесоюзного НКИД в союзно-республиканский. В отношении военного вопроса предлагалось ввести национальные войсковые формирования республик в качестве самостоятельных частей Красной Армии [12].

В докладе указывалось, что теперь вопрос о внешних сношениях союзных республик встал иначе, чем два десятилетия тому назад, когда создавался Советский Союз, поскольку он вырос из жизненных потребностей республик и всего Союза в целом. Подчеркнув, что вопрос о выходе на международную арену приобрел для ряда республик жизненное значение, В. М. Молотов назвал следующие причины предоставления республикам внешнеполитических полномочий: 1. Укрепление международного

авторитета СССР, усиление заинтересованности иностранных государств в установлении и развитии дипломатических отношений с ним и, как следствие, расширение международных связей Советского Союза. 2. Многообразные и растущие потребности союзных республик во внешних делах. В частности, специфические хозяйственные и культурные нужды республик, которые не могут быть в полной мере охвачены общесоюзным представительством за рубежом, могут быть лучше удовлетворены посредством прямых связей республик с соответствующими государствами. 3. Это будет служить интересам не только отдельных союзных республик, но и делу укрепления сотрудничества СССР с другими государствами как в годы войны, так и в послевоенный период. 4. Необходимость внесения соответствующих изменений в Конституцию СССР, отсутствие в которой специальных указаний о правах союзных республик на внешние сношения истолковывалось в ущерб интересам республик и Советского Союза в целом [13].

Смысл предлагаемого преобразования, по словам В. М. Молотова, был «совершенно ясен». Возобновление внешнеполитической деятельности союзных республик становилось возможным в результате их национального, политического, экономического и культурного развития, а также укрепления общесоюзного государства в целом. Что касалось выбора времени проведения конституционной реформы, то ее реализацию в разгар войны, когда не каждое государство решилось бы на такие крупные преобразования, докладчик охарактеризовал как новое подтверждение могущества и уверенности СССР в своих силах [14].

В чем советское правительство видело значение намеченных преобразований? С точки зрения внутренней политики декларировалось, что это «новый шаг вперед в разрешении национального вопроса в Советском Союзе», соответствующий принципам «нашей ленинско-сталинской национальной политики». Международное значение этого шага оценивалось как новый морально-политический удар по фашизму. В целом кремлевское руководство рассматривало конституционную реформу как доказательство укрепления и развития Советского государства, которое превращается в более сложный и полнокровный организм [15].

В прениях по докладу В. М. Молотова выступили

депутаты от Литовской, Азербайджанской, Латвийской, Белорусской, Украинской, Эстонской и Карело-Финской ССР. Поддержав предложения советского правительства, они указали на специфические запросы и потребности союзных республик, которые могли бы быть вполне удовлетворены при наличии непосредственных связей с иностранными государствами. Например, Председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР Ю. Н. Палецкис назвал одной из специфических особенностей Литвы проживание около трети литовского народа за границей, главным образом в Америке [16]. Председатель Совета Министров Латвийской ССР В. Т. Лацис отметил, что союзным республикам в области внешних сношений предстоит трудная, сложная и ответственная работа и что необходимо приложить все усилия, чтобы оправдать великое доверие, оказанное им И. В. Сталиным [17].

Первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, начальник Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования П. К. Пономаренко главное внимание в своем выступлении уделил, как и другие депутаты, вопросам, связанным с созданием национальных воинских формирований, что было вполне понятно в условиях продолжавшейся войны. Он, однако, ничего не сказал о специфических, национальных интересах Беларуси в области зарубежных связей, ограничившись общей констатацией того, что предоставление внешнеполитических полномочий союзным республикам еще больше повысит их международный авторитет [18].

Наиболее интересными с точки зрения выявления специфических внешнеполитических проблем союзной республики были выступления представителей Украины А. А. Богомольца и М. С. Гречухи. Президент АН УССР А. А. Богомолец сказал, что после войны большое политическое, экономическое и культурное значение для Украины будут иметь отношения с двумя соседними славянскими республиками — Польшей и Чехословакией. Он резко критиковал политику довоенного «фашистского» польского правительства, его систематические притеснения русской, украинской и белорусской национальных культур, а также деятельность польского эмигрантского правительства. А. А. Богомолец отметил, что только с возникновением новой, демократической Польши будут созданы все условия для дружественного сотрудничества украинского и польского народов и заключения между

демократической Польской республикой и УССР специальных соглашений [19].

Председатель Президиума Верховного Совета УССР М. С. Гречуха подчеркнул, что на фоне побед Советского Союза политическое, экономическое и культурное значение союзных республик совсем по-другому будет выглядеть на международной арене. Он указал, что предоставление союзным республикам полномочий в области внешних сношений имеет исключительно большое значение для Украины в силу ее приграничного географического положения и особого экономического значения в рамках Союза. Отметив, что границы Украинской ССР с западными и южными иностранными государствами являются одновременно и границами СССР, депутат выразил уверенность, что все связанные с этим вопросы советское правительство будет решать совместно с правительством УССР. В этой связи М. С. Гречуха обратился к союзному правительству с просьбой: при установлении государственных границ между Советским Союзом и иностранными государствами на Западе учесть стремление украинского народа к воссоединению всех исконных украинских земель в едином Украинском Советском государстве [20].

Выступившие при обсуждении доклада В. М. Молотова депутаты подчеркивали, что в своей внешнеполитической деятельности каждая республика будет руководствоваться задачами и принципами, стоящими перед советской внешней политикой и дипломатией. С другой стороны, они акцентировали внимание и на том, что союзно-республиканский НКИД должен будет защищать и поддерживать специфические интересы каждой отдельной союзной республики.

1 февраля 1944 г. Верховный Совет СССР единогласно принял закон «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании в связи с этим Народного комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский народный комиссариат». Согласно этому закону союзные республики получали право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями. Закон внес изменения в Конституцию СССР 1936 г., дополнив ее статьей 18-а, закреплявшей право каждой союзной рес-

публики вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами. К ведению Союза ССР было в связи с этим отнесено установление общего порядка во взаимоотношениях союзных республик с иностранными государствами. За ним сохранялось представительство Союза ССР в международных сношениях, заключение, ратификация и денонсация договоров СССР с другими государствами и все другие права в области международных отношений, предусмотренных статьями 14 и 49 Конституции СССР [21]. Был принят также закон о создании войсковых формирований союзных республик.

В связи с принятием закона от 1 февраля 1944 г. упразднялись управления уполномоченных НКИД СССР при совнаркомах союзных республик и в течение 1944 г. в республиках были созданы свои наркоматы иностранных дел. Они были непосредственно подчинены высшим органам власти соответствующих республик, а в функциональном отношении — НКИД СССР. На сессиях Верховных Советов союзных республик, состоявшихся в марте—октябре 1944 г., были приняты законы, вносившие изменения в республиканские конституции: учреждены наркоматы иностранных дел союзных республик и назначены их наркомы [22].

В марте 1944 г. в освобожденном Гомеле 6-я сессия Верховного Совета Белорусской ССР рассмотрела вопрос об образовании союзно-республиканских наркоматов обороны и иностранных дел БССР. В докладе Председателя Президиума Верховного Совета БССР Н. Я. Наталевича подчеркивалось, что расширение прав союзных республик в области обороны и внешних сношений является «новым важным шагом в развитии белорусской государственности, в расширении суверенных прав белорусского народа», отмечалось большое практическое значение выхода БССР на международную арену [23]. В докладе выделялись следующие основополагающие факторы будущей внешнеполитической деятельности БССР: 1. БССР выходит на арену внешнеполитических сношений как самостоятельное государство в составе Союза ССР. 2. В своей внешней политике БССР будет опираться на свою растущую хозяйственную, политическую и культурную мощь, на мощь всего Советского Союза. «Отстаивая свои интересы, Белорусская ССР будет вести себя на арене внешних сношений достойным образом, будучи твердо уверенной, что ее поддерживает весь

великий могучий Советский Союз»,— говорилось в докладе. 3. На международной арене БССР займет «полагающее ей место», ибо по своему промышленному и хозяйственному производству, культурному развитию, богатому славному историческому прошлому, а также количеству населения и территории она с успехом выдерживает сравнения с многими государствами Европы и других континентов. Отметив, что БССР превосходит (но не прояснив по каким показателям.— *В. С.*) Бельгию, Голландию, Венгрию, Грецию, Болгарию, Австрию, докладчик уточнил, что по количеству населения она впереди Норвегии, Швеции, Финляндии [24].

Цели и задачи внешней политики БССР должны были заключаться, по мнению Н. Я. Наталевича, в следующем: 1. Делать все возможное для победы над фашизмом. В этой связи было сказано, что республика предъявит свой счет за все насилия, жертвы, страдания и разрушения, нанесенные ей немецкими захватчиками. 2. Укреплять политику мира, налаживать и расширять деловые и дружественные связи со всеми свободолюбивыми странами мира, в первую очередь с союзными государствами. 3. БССР, непосредственно граничащая с Польшей, заинтересована в установлении дружественных, добрососедских отношений с польским народом [25].

Значительное место в докладе Н. Я. Наталевича было уделено отношениям БССР с Польшей. Докладчик подробно остановился на истории белорусско-польских отношений после заключения в 1921 г. Рижского мира, когда Западная Белоруссия, отошедшая к Польше, подверглась национальному притеснению со стороны ее правящих кругов. Он резко выступил против планов польского эмигрантского правительства создать федерацию государств «от моря до моря» и возродить тем самым «санитарный кордон» вокруг СССР, его попыток повторного включения Западной Белоруссии в состав будущей Польши. Сославшись на заявление советского правительства от 11 января 1944 г., признавшее в качестве будущей советско-польской границы линию Керзона, выступавший отметил, что в соответствии с этой линией к Польше отойдет большинство районов Белостокской области БССР. Вместе с тем он отверг претензии польского эмигрантского правительства на Бельский район, в котором преобладало белорусское население. В заключение Н. Я. Наталевич обратился к Верховному Совету БССР с

просьбой рассмотреть этот вопрос и попросил советское правительство при определении государственных границ между Советским Союзом и Польшей учесть законное и справедливое желание белорусского народа объединить все белорусские земли в единое Белорусское Советское государство [26].

Доклад Н. Я. Наталевича на сессии Верховного Совета БССР интересен не только по характеру поставленных и проанализированных в нем вопросов. Важно его понимание как в контексте того времени, так и с точки зрения последующего развития международных отношений БССР. Составленный по образцу молотовского доклада, этот документ несомненно нес на себе печать своего времени, и в частности культа личности И. В. Сталина, о чем свидетельствовало утверждение о намерении Белорусской ССР следовать «сталинским принципам внешней политики» [27]. Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что данное выступление высшего должностного лица республики на сессии ее высшего органа государственной власти было по существу первым за всю историю БССР официальным провозглашением принципов, целей, задач и, что особенно важно с учетом специфики БССР как союзной республики в составе Союза ССР, возможностей или рамок внешнеполитической деятельности БССР. Как известно, в 1919—1922 гг. внешнеполитическая деятельность республики была довольно активной, но специальных выступлений ее руководящих деятелей по международным проблемам не было. Отметим, что доклад Н. Я. Наталевича оказался и единственным в своем роде в истории белорусского парламента до 1991 г., поскольку в последующие годы Верховный Совет БССР не рассматривал в принципиальном, широком плане вопросы международной деятельности республики, ограничиваясь ратификацией договоров и соглашений.

Доклад дает определенное представление о том, как республиканское руководство видело тогда место БССР в системе международных отношений СССР. За уже приведенной выше формулировкой («БССР выходит на арену внешнеполитических сношений как самостоятельное государство в составе Союза ССР») скрывалась некоторая противоречивость и неопределенность статуса БССР как потенциального субъекта международного права, что проявилось позднее. В докладе заметны как гордость за белорусский народ, вносивший свой герои-

ческий вклад в разгром фашизма, так и настроения эйфории и даже определенное преувеличение будущей роли и места Беларуси на международной арене. Об этом говорили такие выражения, как стремление БССР занять «полагающее ей место», вести себя «достойным образом», некорректные сравнения республики с рядом европейских государств. Н. Я. Наталевич вполне обоснованно отдал приоритет отношениям с Польшей в системе будущих связей БССР с зарубежными странами, но ничего не сказал о необходимости участия правительства республики в урегулировании вопросов, связанных с прохождением советско-польской границы, хотя именно так ставил вопрос его украинский коллега по должности М. С. Гречуха на сессии Верховного Совета СССР. Заслуживает внимания и то место в докладе Н. Я. Наталевича, в котором была выражена приверженность Беларуси делу Объединенных Наций и, в частности, ее стремление как можно быстрее разгромить врага и развивать связи прежде всего с союзными государствами, т. е. Объединенными Нациями [28].

Выступившие в прениях народный писатель БССР М. Т. Лыньков, генерал-майор Д. Г. Дубровский, профессор С. М. Мелких, заведующий военным отделом ЦК КП(б)Б Н. И. Прохоров и секретарь Витебского обкома КП(б)Б А. А. Жилянин не смогли поддержать серьезный разговор Председателя Президиума Верховного Совета БССР о целях и задачах внешней политики БССР и выйти за рамки свойственного белорусскому руководству провинциализма. Правда, отдельные интересные высказывания были в выступлениях М. Т. Лынькова и С. М. Мелких. Так, М. Т. Лыньков сказал, что развитие связей белорусского народа как участника коалиции Объединенных Наций с зарубежными государствами выведет его на широкую арену международной жизни, приобщая республику к законному влиянию на эту жизнь [29]. С. М. Мелких отметил, что своей активной борьбой с врагом Белоруссия завоевала себе право вступать в политические и культурные отношения не только с союзными, но и с другими государствами Европы и Америки. Он предложил создать в республике филиал действующей в Москве «международной дружественной связи с зарубежными государствами» (так в тексте.— *В. С.*) и попросил Верховный Совет выделить средства на широкое изучение иностранных языков, чтобы тем самым

успешно подготовиться к выходу БССР на международную арену [30].

24 марта 1944 г. Верховный Совет БССР принял закон «О создании союзно-республиканского Народного комиссариата иностранных дел Белорусской ССР». Конституция БССР 1937 г. была дополнена статьей 16-а следующего содержания: «Белорусская Советская Социалистическая Республика имеет право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями» [31]. Изменения, касавшиеся внешнеполитических полномочий высших органов государственной власти республики, были внесены и в другие статьи Конституции БССР. 30 марта 1944 г. заместитель Председателя СНК БССР К. В. Киселев был назначен наркомом иностранных дел БССР [32]. На этом завершилась первая, «конституционная» фаза предоставления БССР внешнеполитических полномочий.

Решения 10-й сессии Верховного Совета СССР о расширении прав союзных республик получили в стране довольно широкий, но в то же время однообразный и недолговременный резонанс. В передовых статьях газет «Правда» и «Известия», помещенных одновременно с публикацией законов о преобразовании наркоматов обороны и иностранных дел, излагались основные положения доклада В. М. Молотова и принятых законов. Отмечалось «историческое значение» этих законов, «крупнейшее международное значение расширения прав союзных республик», «огромная роль» осуществляемых преобразований в укреплении Советского государства [33].

На протяжении первой декады февраля 1944 г. «Правда» и «Известия», другие центральные газеты помещали отклики на решения сессии от трудовых коллективов, государственных учреждений, видных деятелей науки и культуры союзных республик, выдержанные в духе единодушного одобрения и поддержки. В некоторых выступлениях явственно звучала благодарность советскому правительству, «великому Сталину» за предоставление республикам полномочий в области обороны и внешних сношений [34]. Интересен отклик народного поэта БССР Якуба Коласа, помещенный в «Правде» одним из первых. В нем говорилось о том, что доклад В. М. Молотова и итоги сессии свидетельствуют о политиче-

ской зрелости советских социалистических республик, еще больше повышают удельный вес каждой союзной республики [35].

С точки зрения более глубокой оценки решений Верховного Совета СССР заслуживает внимания редакционная статья в журнале «Война и рабочий класс» под названием «Новый шаг в развитии международных связей Советского Союза». В ней указывалось, что по количеству населения и территории, уровню экономического и культурного развития, богатому историческому прошлому и национальным традициям советские республики с успехом выдерживают сравнение с многими странами Европы и мира. Подчеркивалось, что Российская Федерация по количеству населения превышает любое государство Европы, Украина по численности населения уступает лишь Франции, а Беларусь превосходит по данному показателю Бельгию, Голландию, Португалию и Швецию [36]. Указание на три славянские республики показывало, кого советское руководство хотело в первую очередь продвинуть на международную арену. Но поскольку Россия в глазах Сталина и его окружения фактически отождествлялась со всем Советским Союзом, то оставались Украина и Беларусь. Интересен и заключительный пассаж данной статьи, в котором выражалась надежда, что решения Верховного Совета СССР встретят полное понимание со стороны всех друзей дела мира и свободы народов [37]. Кремлевские деятели, не разъяснив своим союзникам подлинной сути и истинных намерений конституционных преобразований, высказывали надежду на «полное понимание» этого неожиданного шага.

Белорусская пресса скромно и невыразительно прореагировала на итоги 10-й сессии Верховного Совета СССР. «Савецкая Беларусь» опубликовала в одном номере передовую статью и отклики на это событие и больше не возвращалась к этой теме. В передовой статье приводились слова В. М. Молотова о специфических хозяйственных и культурных потребностях каждой республики в области зарубежных связей, но ничего не говорилось о таковых потребностях БССР. В целом статья, лишенная национального белорусского колорита и попыток выделения внешнеполитических интересов Беларуси, не давала ответа на вопрос о том, в чем будет конкретно выражаться расширение внешнеполитических полномочий БССР [38]. С позиций провинциализма отклик-

нулась белорусская печать и на решения 6-й сессии Верховного Совета БССР. Доклад Н. Я. Наталевича был опубликован месяц спустя, в конце апреля 1944 г.[39], прения по его докладу не публиковались. Откликов в республике на образование наркоматов обороны и иностранных дел БССР, судя по газетам, не было.

Союзная и республиканская пресса, ограничившись оперативными откликами на решения 10-й сессии Верховного Совета СССР, затем вплоть до апреля 1945 г., когда открылась конференция в Сан-Франциско, не поднимала вопросов, связанных с предоставлением республикам внешнеполитических полномочий. Официальных сообщений и комментариев за период с марта 1944 г. по апрель 1945 г. по этим вопросам также не было. Молчание Москвы после предпринятой конституционной реформы, оцениваемой официальными советскими кругами, как имевшей «большое историческое значение», было загадочным и непонятным.

Это не могло не стимулировать живого интереса и самых разнообразных и противоречивых откликов зарубежной печати на принятые Верховным Советом СССР решения. В этой связи автор позволит себе не согласиться с утверждением польского историка В. Матерского о том, будто эти решения не вызвали широкого международного резонанса. В. Матерски считает, что мир, заинтересованный прежде всего ходом войны, не реагировал слишком сильно на вопросы, касавшиеся больше послевоенных дел, значение которых могло показать только будущее[40]. Но к началу 1944 г. исход войны уже был предрешен, поэтому «большая тройка» и другие Объединенные Нации, как отмечалось, активно разрабатывали и обсуждали планы послевоенного устройства мира. В этой связи конституционные изменения в СССР вызвали большой международный резонанс.

Первой из зарубежных изданий на далеко идущие решения январского Пленума ЦК ВКП(б) откликнулась газета «Нью-Йорк таймс», поместившая 30 января 1944 г. статью под характерным названием «Советская «автономия» беспокоит союзников. План увеличения полномочий республик направлен на обеспечение контроля за столом мирных переговоров». Газета писала, что решения пленума и намерение рассмотреть вопрос о расширении «автономии» союзных республик в советском парламенте вызвали в «дипломатических кругах Ва-

шингтона и Лондона большой интерес и определенный испуг», поскольку они увидели в этом стремление усилить голос России на послевоенных международных форумах. СССР, расширив «автономию 16 советских республик», мог бы заслонить даже Британское Содружество наций, каждый из 6 доминионов которого был представлен в главных столицах мира. «Нью-Йорк таймс» напомнила о том, что В. М. Молотов (как отмечалось, он был председателем Комиссии по проектам послевоенного государственного устройства стран Европы, Азии и других частей мира.— *В. С.*) недавно проявлял большой интерес к организации Британского Содружества и представительству его членов за рубежом. Как заключала газета, предоставление республикам внешнеполитических полномочий придаст полезную гибкость советской внешней политике, но не сделает более легкой жизнь иностранных представителей в СССР [41]. Своим глубоким комментарием это хорошо информированное издание предугадало смысл решений Верховного Совета СССР и во многом предопределило тон последующих выступлений прессы США и Великобритании по этому вопросу.

Американские агентства Ассошиэйтед Пресс и Юнайтед Пресс, английское Рейтер, все влиятельные американские и английские газеты опубликовали доклад В. М. Молотова полностью или с пространными выдержками, что было редкостью в их практике и свидетельствовало о большом значении, придаваемом на Западе решениям Верховного Совета СССР. Появились и первые официальные отклики. Государственный секретарь США К. Хэлл на своей пресс-конференции 3 февраля 1944 г. сказал, что принятое Верховным Советом предложение советского правительства о предоставлении союзным республикам внешнеполитических полномочий не обсуждалось на Московской конференции министров иностранных дел США, СССР и Великобритании, на которой он присутствовал, что это исключительно юрисдикция советского правительства и что было бы лучше подождать и посмотреть, чем комментировать это [42].

Гораздо резче и менее дипломатично оценил решения Советского Союза пресс-атташе посольства США в Москве и руководитель Американского отделения военной информации в СССР С. Спевак. В заявлении по американскому радио он сказал, что «был очень удивлен, когда услышал, что Россия одурачила весь мир, дав авто-

номию своим 16 государствам. Это значило бы, что Россия будет иметь 16 голосов на мирной конференции, а мы останемся в дураках». С. Спевак заявил далее, что Москва своим решением собирается «предпринять самый ловкий трюк в столетии — установить сепаратный мир и большевизировать и коммунизировать Европу и Азию» [43]. Трудно сказать, что имел в виду американский деятель, говоря о стремлении СССР установить сепаратный мир с неприятелем. Хорошо известно, что советское руководство было полно решимости довести войну вместе со своими союзниками до полного и окончательного разгрома фашистского блока.

Как отмечал посол США в СССР А. Гарриман, первой реакцией некоторых дипломатов и журналистов в Москве на конституционные изменения в СССР была попытка объяснить это как подтверждение коварного плана раздвинуть границы СССР путем превращения Польши в советскую автономную республику с собственными министерствами иностранных дел и обороны. Однако реакция самого американского посла была более взвешенной и реалистичной. На своей очередной пресс-конференции с американскими журналистами 4 февраля 1944 г. Гарриман высказал предположение, что русские возможно стремятся получить побольше голосов в Объединенных Нациях и на международных конференциях [44].

В телеграмме госсекретарю США Хэллу от 6 февраля 1944 г. Гарриман детально проанализировал последствия конституционных изменений и пришел к выводу, что если некоторые из республик создадут собственные министерства иностранных дел и обороны, то они будут по-прежнему централизованно управляться и контролироваться из Москвы, поскольку реальные рычаги власти остаются в руках компартии и НКВД [45]. Вместе с тем посол отметил, что республиканские комиссариаты иностранных дел могут быть полезны для Москвы при обсуждении некоторых пограничных проблем с соседними странами, например при установлении новых границ Украины с Польшей и Чехословакией. Наличие двух республиканских министерств Гарриман метко назвал «двустволкой». Он также обратил внимание на то, что конституционные изменения облегчат инкорпорацию прибалтийских республик в СССР, а также украинцев и белорусов [46].

Ряд членов конгресса США сделали заявления корреспонденту ТАСС, во многих из которых содержались противоречивые оценки существа и целей проводимого в СССР преобразования. Сенатор-демократ Хилл сказал, что этот шаг усилит советское представительство и влияние в международных делах, в особенности после войны [47].

По мнению английской газеты «Манчестер гардиан», в США предпринятые Советским Союзом меры были встречены с «определенным чувством страха и неприязни» [48]. «Нью-Йорк геральд трибюн» утверждала, что зарубежные обозреватели в Вашингтоне расценивали данные действия как желание СССР обеспечить себе более сильную позицию в международных послевоенных организациях. Газета «П. М.» в большой передовой статье высказывала сомнения в искренности советской политики. Эти высказывания были воспроизведены в «Правде». В противоположность этим утверждениям агентство Ассошиэйтед Пресс сообщало, что предпринятые Советским Союзом решения скорее отражают его искреннее желание стимулировать максимальное расширение демократии после войны и способствовать дружественному разрешению пограничных проблем, нежели желание усилить позицию СССР в послевоенных международных конференциях и организациях [49].

Реакции официальных политических кругов Великобритании на конституционные изменения в СССР не последовало. Однако тон комментариев английской печати в целом был более доброжелательным, чем американской, на что указывала «Правда» [50]. Агентство Рейтер сообщало, что английские авторитетные круги проявляют большой интерес и полное понимание этого важного события, свидетельствующего о том, что за последние 20 лет республики вышли «из детского возраста». Газета «Дейли мейл» называла решения сессии «величайшими конституционными изменениями с момента русской революции». Агентство Ассошиэйтед Пресс указывало, что, по мнению английских официальных кругов, произошло важное событие большого значения для СССР и внешнего мира, представляющее особый интерес для послевоенной реконструкции [51].

«Таймс» писала, что практические последствия этой реформы нельзя полностью определить до тех пор, пока она не будет проведена в жизнь, но ее цель и направ-

ления ясны. Газета отмечала, что новые преобразования в Советском Союзе будут существенно способствовать укреплению единства Объединенных Наций. Другая английская газета «Франс» констатировала, что новая государственная формула Советского Союза является одной из наиболее либеральных, какую только можно себе представить [52]. В передовых статьях «Санди таймс» и «Рейнольдс ньюс» проведенные в СССР мероприятия назывались политически мудрыми, мужественным шагом в области прав человека, в направлении еще большей демократии [53]. Восторженный отклик поместил орган правительства Норвегии газета «Норск Тиденд»: «Ни одна страна в мире не разрешила так блестяще проблему дружественного объединения разных национальностей в одном государстве, как Советский Союз» [54].

«Нью-Йорк таймс» в статье «Русский акт автономии ставит загадки перед партнерами СССР» так суммировала первоначальную реакцию США и Англии на решение СССР: этот акт еще не понят партнерами в войне против «оси». Вашингтон не знает, что это значит, чем это будет сопровождаться и каковы будут последствия. Лондон не в лучшем положении [55]...

Реакция фашистской Германии на решение Верховного Совета СССР была, по словам «Нью-Йорк таймс», «тревожной и мрачной». Оно было расценено немецко-фашистской пропагандой как «новая международная попытка обмана мира» и установления «Советского мирового государства», как «дебольшевизация большевизма». Нацисты в своем зарубежном радиовещании сообщали, что предоставлением своим республикам статуса доминионов СССР намеревается закамуфлировать оккупацию пограничных стран, что еще больше сближает русский империализм с англо-саксонскими странами [56].

Японская пресса отмечала, что, несмотря на конституционные изменения, союзные республики не смогут иметь полной самостоятельности, так как их важнейшие органы управления будут по-прежнему контролироваться союзным правительством, наркоматами иностранных дел и обороны из Москвы. Их автономия, по словам «Майнити», будет слабой, и поэтому принятые меры не имеют большого значения [57]. «Ниппон таймс» назвала решение СССР ударом по антигитлеровской коалиции, углубляющим англо-американо-советские разногласия [58].

В многочисленных комментариях англо-американской

печати рассматривались самые разные аспекты принятого в Москве решения, которое журналисты окрестили как «политический коктейль Молотова с большой взрывной силой и подстрекательским эффектом»[59]. С точки зрения внутренней национальной политики в СССР наблюдатели указывали на то, что Сталин, возможно, предпринял искреннюю попытку вернуться к временам Ленина, когда Советская Россия была федерацией независимых республик, в которой украинская и белорусская дипломатические миссии действовали в столицах соседних государств. Но, как отмечал известный американский обозреватель Д. Рестон, республики едва ли смогут воспользоваться данными им правами, в то же время власть Сталина не уменьшилась[60]. Другой обозреватель «Нью-Йорк таймс» Э. Маккормик констатировала, что предстоит долгий путь от нынешнего статуса союзных республик до независимости во внешней политике[61]. Известный американский журналист У. Липпман оценивал решение Москвы как средство децентрализации, которую будет осуществлять крупнейшее и самое сильное государство в мире. По его мнению, Советский Союз, будучи децентрализованным в федерацию национальных республик, станет более сложной, более громоздкой и поэтому более удобной политической системой для ведения дел с ним[62].

Англо-американская печать обратила особое внимание на то, что предпринятые Советским Союзом меры могут сблизить его национально-государственное устройство со структурой Британского Содружества наций. Канадская «Глоб энд мэйл» расценивала их как комплимент Британскому Содружеству в связи с намерениями Кремля смоделировать новую структуру СССР по его образцу, при этом не дезинтегрируя свое государство[63]. В то же время представители государств — членов Содружества выражали сомнение в том, насколько Москва сделала комплимент их форме правления и связи с бывшей метрополией, предполагая, что она намерена использовать этот вопрос в целях совершенно иных, чем те, которые были объявлены первоначально[64]. Английская «Дейли геральд» писала, что конституционные изменения не означают того, что каждая из 16 союзных республик становится отдельным государством в том смысле, в каком члены Содружества являются самостоятельными государствами, обладающими полным суверенным конт-

ролем над своими внутренними и внешними делами. Отмечалось, что Советский Союз не является подобно Британскому Содружеству и ассоциацией суверенных государств, каждое из которых проводит свою собственную внешнюю политику [65].

При анализе региональных (европейских и азиатских) аспектов конституционной реформы в СССР зарубежные обозреватели были едины в том, что принятые Москвой решения связаны с резким изменением международных позиций СССР, который переходит от отступления и изоляции во внешней политике к готовности активно и смело участвовать в мировых делах [66]. Многие видели в этом стремление советского руководства создать новую лигу из республик, окаймляющих собственно Россию, план учреждения «великой славянской федерации», позволивший бы СССР доминировать в Европе [67]. Отмечалось, что при новой системе Литва, Латвия и Эстония могли бы примириться со своим членством в Советском Союзе и в то же время она служила бы удобным инструментом для инкорпорации восточноевропейских и других государств в состав СССР [68]. Д. Рестон, как и другие американские и английские политические наблюдатели, связывал планы создания системы «краснозвездных сателлитов» вокруг СССР с разделением сфер влияния в мире между Великобританией с ее Содружеством наций, Соединенными Штатами с их политикой «доброго соседа» в отношении стран Латинской Америки и новым, реконструированным Советским Союзом [69].

При оценке международных дипломатических аспектов февральских решений печать союзников первоначально выразила беспокойство в связи с намерением СССР увеличить число своих голосов на послевоенных международных конференциях и мирных переговорах. О такой реакции США и Англии, как отмечалось, сообщала «Правда». Но затем большинство комментаторов пришло к мнению, что даже если все 16 союзных республик получат право иметь собственное представительство на будущей международной мирной конференции, то это не будет иметь принципиально важного значения. У. Липпман отмечал, что решения на такой конференции будут приниматься под руководством великих держав и при их единогласии [70]. Д. Рестон также не рассматривал как серьезный аргумент стремление

СССР получить голоса для 16 советских республик в проектируемой международной организации безопасности, когда констатировал, что «...великие политические решения не принимаются в международных делах на базе голосов» [71]. «Нью-Йорк таймс» называла идею множественного представительства СССР на будущей мирной конференции не очень солидной, указав, что Британское Содружество могло бы в случае постановки этого вопроса разработать значительно более широкое представительство для своих членов, а США могли бы попросить 48 голосов для всех своих штатов [72].

Органы массовой информации Запада обсуждали также практические последствия предоставления внешнеполитических полномочий союзным республикам. Они справедливо указывали на то, что установление пограничными союзными республиками дипломатических отношений с соседними государствами, с которыми они имеют особые экономические или культурные отношения, придаст советской дипломатии большее пространство для маневра [73]. Английская «Дейли геральд» писала, что развитие экономических и культурных связей союзных республик с иностранными государствами было бы мудрым и желательным [74]. «Манчестер гардиан» сообщала: в Москве надеются, что возможное установление добрососедских отношений между всеми 14 советскими республиками, имеющими сухопутные границы с иностранными государствами, и их зарубежными соседями приведет к ликвидации «санитарного кордона» вокруг СССР, что в свою очередь станет первым шагом к широкой системе политической безопасности под советским руководством [75].

При оценке специфических внешнеполитических интересов союзных республик особое внимание уделялось отношениям Украины и Белоруссии с Польшей и их роли в политике СССР в отношении Польши [76]. «Дейли геральд» указывала на желательность наличия тесных связей обеих республик с Польшей [77]. Д. Рестон обращал внимание на то, что Украина и Белоруссия могли бы выполнять важные задачи советской внешней политики, выступая с собственными обвинениями против польского эмигрантского правительства [78].

Некоторые издания с тревогой рассматривали возможные перспективы того, что в Вашингтоне, Лондоне и других главных столицах мира могут появиться еще 16

советских дипломатических представительств в дополнение к посольствам Союза ССР[79]. Канадская «Глоб энд мэйл» подсчитала, что в случае обмена дипломатическими представительствами между Канадой и 16 союзными республиками советская дипломатическая колония в Оттаве увеличилась бы до 500 человек. Со стороны Канады это потребовало бы выделения не менее 50 послов и посланников, набор не менее 100 молодых людей для дипломатической службы восточнее Вислы, расширения изучения русского и других славянских языков в университете Торонто. Газета заключала: изоляционизм будет забыт, но это будет стоить канадцам много денег[80].

Однако большинство обозревателей из США и Англии оказалось реалистами и провидцами в оценке перспектив установления прямых отношений между союзными республиками и иностранными государствами. «Дейли геральд» категорично заявляла о том, что не надо ожидать появления в Лондоне 17 советских послов (1 от Союза ССР и 16 от союзных республик.— *В. С.*) и британских послов или министров в столицах всех союзных республик[81]. По мнению «Таймс», все 16 союзных республик не будут сразу устанавливать сепаратные отношения со всеми странами, с которыми поддерживает дипломатические отношения СССР. Это будет осуществляться постепенно и определяться практическими нуждами[82]. «Нью-Йорк геральд трибюн» писала 3 февраля 1944 г.: «Шестнадцать различных русских послов или министров могут никогда не появиться в Вашингтоне; но не является невероятным тот факт, что карельский, латвийский, белорусский и один или два других представителя могут появиться здесь в связи с определенными обстоятельствами...»[83].

О нескрываемом желании союзников установить дипломатические отношения с отдельными советскими республиками свидетельствовало и сообщение в этой же газете неделю спустя. В нем со ссылкой на авторитетные источники указывалось, что УССР и БССР скоро попросят Великобританию, Соединенные Штаты и Канаду обменяться дипломатическими представителями с ними. Как отмечала далее «Нью-Йорк геральд трибюн», авторитетные источники считали, что экспансия советских контактов с остальным миром базируется прежде всего на экономических проблемах, вытекающих из особых

послевоенных нужд этих республик. Они будут нуждаться в значительной помощи из Америки, Британии и Канады в восстановлении их разрушенных городов и деревень и как можно более быстром развитии их сельского хозяйства и других естественных ресурсов [84].

Трудно сказать, насколько авторитетны были источники и насколько достоверна была информация, помещенная в газете. Но в этом сообщении нельзя не видеть определенный налет погони за сенсационностью. Прошла только неделя после принятия решений Верховным Советом СССР; Украина, Беларусь и другие республики еще не создали собственных наркоматов иностранных дел; на состоявшихся в марте 1944 г. сессиях Верховных Советов УССР и БССР и намека не было о возможности скорого установления дипломатических отношений с США и Англией, как и с другими иностранными государствами. Правительства этих республик не могли выступить с подобной инициативой без согласования с Москвой, а в намерения И. В. Сталина, как мы увидим позже, не входила практическая реализация конституционного права союзных республик на установление дипломатических отношений с иностранными государствами. Данное сообщение не получило дальнейшего подтверждения или развития на страницах этой и других газет. Но само по себе оно отражало определенное настроение среди правящих кругов США и Великобритании в пользу сотрудничества с СССР и входившими в его состав союзными республиками и готовность оказать им помощь.

Проведенный обзор откликов и комментариев зарубежной, прежде всего англо-американской, печати на конституционные изменения в СССР свидетельствует о том, что они вызвали у союзников большой интерес, самые разнообразные отклики и в то же время настороженность и беспокойство. Мир терялся в догадках, поскольку принятые в Москве решения порождали массу вопросов. С точки зрения житейской логики трудно было понять, зачем в разгар войны, когда страна еще не была близка к победе и даже не очищена от вражеской оккупации, ее руководство неожиданно решило разделить свои вооруженные силы на 16 национальных войсковых формирований? Или чем могло быть оправдано в военное время возвращение союзным республикам права иметь дипломатические представительства в других странах? Ссылки В. М. Молотова и принятого закона на жиз-

ненное значение и возросшую потребность республик в установлении непосредственных отношений с иностранными государствами могли быть с еще большим успехом приведены в послевоенное время. Загадочным было молчание Москвы и отсутствие каких-либо официальных советских комментариев.

Лишь спустя годы и десятилетия стало возможным оценить смысл и назначение принятых в феврале 1944 г. решений, соотнести содержавшиеся в них декларации с последующим ходом событий. Что касается советских государствоведов и историков, то их оценки этих решений в своей массе до конца 80-х годов базировались на молотовском толковании [85]. Только в последние годы в советской историографии появились первые публикации, вскрывающие подлинный смысл задуманной Сталиным политической игры. Это прежде всего статья украинского историка В. А. Гриневича в «Украинском историческом журнале» за 1991 г., посвященная проблеме, как выражается автор, так называемого «расширения прав союзных республик в области обороны и внешних сношений» в 1944 г. [86] В статье отмечается, что неожиданным в проведении Пленума ЦК ВКП(б) и сессии Верховного Совета СССР в январе-феврале 1944 г. было все: и время, выбранное для государственных преобразований,— разгар второй мировой войны, и быстрота их проведения — без всяких подготовительных кампаний и заявлений, и сама форма преобразований — децентрализация головных наркоматов страны.

Автор разделяет мнение В. А. Гриневича о том, что конституционные изменения были вызваны не подлинной заботой о национальном развитии народов СССР, а сложными реалиями международной и внутренней политики, которые необходимо было учитывать советскому правительству в конце войны [87]. «Статус суверенных государств,— отмечает В. А. Гриневич,— давал Сталину возможность активнее использовать советские республики в проведении своей внешней политики, прежде всего в разрешении вопросов будущего их членства в ООН, а также проблемы послевоенных границ» [88]. Наличие двух наркоматов иностранных дел — общесоюзного и республиканского — создавало очень удобный внешнеполитический инструмент, который, как уже отмечалось, посол Гарриман метко назвал «двустволкой». Вывод, к которому приходит украинский историк, заключается в том,

что «преобразования» 1944 г. явились настоящей фикцией, политическим маневром, целью которого было удовлетворение амбиций сталинского руководства. Никаких реальных прав и свобод республики не получили, а наоборот, еще сильнее были привязаны к сталинской имперской колеснице [89].

Западные авторы, основываясь на комментариях прессы, мемуарах политических деятелей США и Англии, переписке «большой тройки», опубликованных документах внешней политики США, с самого начала увидели в этом далеко идущие политические расчеты Сталина. Так, автор оригинальной книги о роли союзных республик в советской внешней политике В. Аспатуриян (Пенсильванский университет, США) называет две причины конституционных изменений 1944 г.: 1. Подготовка к созданию ООН, основа которой была заложена на Московской конференции в октябре 1943 г. 2. Подготовка к будущей мирной конференции, которая должна была последовать после успешного завершения войны против гитлеровской «оси». По его мнению, решения 1944 г. создали абсолютно новые возможности для Советского Союза в многосторонних дипломатических организациях, конференциях и процедурах [90].

Итальянский историк Г. Боффа в своей «Истории Советского Союза» считает конституционные изменения 1944 г. «выкидышем внутриполитической реформы, предпринимавшейся было в связи с явными поползновениями внешнеполитического характера». Отметив, что подлинные цели этой реформы не были разъяснены ни тогда, ни в последующее время, Г. Боффа пишет: «Так что по сей день невозможно установить, какие же именно выгоды рассчитывали получить с ее помощью советские руководители. Сталин и Молотов впоследствии ссылались на нее как на довод в попытках приобрести большой вес в проектировавшейся международной организации, но, безусловно, это еще не дает достаточных оснований заключить, что преобразование такого масштаба затевалось ради столь ограниченной цели, тем более, что ее можно было достичь и другими путями. Именно поэтому, что нововведение выглядело таинственным с точки зрения своих истинных намерений, оно вызвало за границей настороженную реакцию. Что же касается ее практического значения, то в конечном счете все осталось на бумаге» [91].

Осуществленные Кремлем конституционные изменения получили резко отрицательную оценку в руководящих кругах белорусского национального движения, сотрудничавшего с немецким оккупационным режимом (белорусской коллаборации). Выступивший с рефератом на Втором всебелорусском конгрессе (Минск, июнь 1944 г.) член Белорусской Центральной Рады А. Калубович заявил, что конгресс должен признать, что созданная Москвой бутафорная белорусская государственность в форме БССР является от начала до конца плохо замаскированной фикцией, несмотря на ее новые наркоматы иностранных и военных дел [92]. Известный белорусский эмигрантский историк П. Урбан писал в конце 50-х годов, что создание Наркомата иностранных дел БССР, как и в других советских республиках, и прежде всего в УССР, было результатом планирования внешней политики СССР на послевоенный период. С поворотом на фронте в пользу СССР Коммунистическая партия уже предусматривала будущую игру сил на международной арене [93].

Общественность западных демократий, выразив удивление и тревогу неожиданной акцией СССР, затем похоже также забыла о ней. Война вступила в решающую фазу и естественно, что главное внимание ведущих держав антигитлеровской коалиции было приковано к ходу военных действий. Выдающиеся победы Красной Армии, военные успехи других Объединенных Наций предопределили к началу 1944 г. исход войны, что настоятельно требовало безотлагательного выполнения решений Московской и Тегеранской конференций о создании Международной организации безопасности. В Советском Союзе, США и Великобритании началась подготовка по всему комплексу проблем, связанных с созданием новой международной организации. Первым шагом в большой практической работе по учреждению Организации Объединенных Наций стала конференция в Думбартон-Оксе.

Глава II

ДУМБАРТОН-ОКС: ПОСТАНОВКА СССР ВОПРОСА О ВКЛЮЧЕНИИ ВСЕХ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК В ЧИСЛО ИНИЦИАТОРОВ НОВОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (пригороде Вашингтона) была созвана по предложению СССР, зафиксированному в протоколе Московской конференции министров иностранных дел от 1 ноября 1943 г., согласно которому признавалось желательным, чтобы представители Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и Советского Союза провели предварительный обмен взглядами по вопросам, связанным с учреждением международной организации для поддержания международного мира и безопасности [1].

Поскольку Декларацию о всеобщей безопасности, наметившую контуры будущей организации, на Московской конференции подписал и представитель Китая, это означало, что четыре государства и будут вести переговоры об учреждении новой международной организации. Но, в связи с тем что переговоры с Китаем могли затронуть отношения СССР и Японии, с которой СССР не находился в состоянии войны, было решено устроить двойные переговоры с тем, чтобы на их первом этапе участвовали представители СССР, США и Англии, а на втором — США, Англии и Китая. Первый этап переговоров проходил с 21 августа по 28 сентября, второй — с 29 сентября по 7 октября 1944 г. Стороны договорились рассматривать переговоры своих представителей как предварительные, неофициальные по основным вопросам, касающимся учреждения Международной организации безопасности. Предусматривалось, что после одобрения правительствами СССР, США и Англии согласованных на конференции предложений они будут переданы пра-

вительствам других государств. После этого предполагалось созвать конференцию по созданию новой организации.

10 августа 1944 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело и утвердило директивы для советской делегации, в которых была определена ее позиция по всем основным вопросам создания Международной организации безопасности. Наибольшее значение в этом документе придавалось предложениям, закрепляющим решающую роль руководящего органа (Совета) в будущей организации, который должен был действовать на основе принципа единогласия всех постоянных представителей Совета [2]. Хотя содержание остальных положений «Директив Политбюро ЦК ВКП(б) к переговорам о создании Международной организации безопасности» остается недоступно исследователям, можно не сомневаться в том, что, когда А. А. Громыко выдвинул в Думбартон-Оксе предложение о включении в число первоначальных членов будущей организации всех 16 советских союзных республик, он руководствовался директивами Политбюро ЦК.

Обмен мнениями о предварительных планах создания международной организации начался между Москвой, Лондоном и Вашингтоном в феврале 1944 г., после принятия закона о предоставлении союзным республикам внешнеполитических полномочий. Несмотря на то что отдельные англо-американские проницательные наблюдатели разглядели в этом акте желание Советского Союза обеспечить союзным республикам самостоятельное членство в будущей международной организации и на послевоенной мирной конференции, вопрос об «их множественном членстве» не поднимался при подготовке конференции в Думбартон-Оксе ни СССР, ни США, ни Великобританией. Вполне вероятно, что советское руководство, натолкнувшись на неожиданную для него в целом негативную реакцию англо-американской общественности на конституционные изменения в СССР, решило «не дразнить гусей» и выждать определенное время, пока союзники не успокоятся и не забудут это нововведение.

Такие расчеты сталинско-молотовской дипломатии имели достаточно реальные основания. Как отмечалось в американских официальных источниках, после отклонения США и Англией просьбы об участии западных советских республик в деятельности Комиссии Объ-

3. Зак. 1089

единенных Наций по военным преступлениям значение этого шага с учетом советского заявления от 1 февраля 1944 г. об автономии союзных республик в международных делах тщательно изучалось в государственном департаменте [3]. Возможность выдвижения подобной просьбы в связи с проектируемой в тот период международной экономической организацией была учтена в меморандуме заместителя госсекретаря США Э. Стеттиниуса от 11 февраля 1944 г., в котором он выразил свою оппозицию принятию любого такого решения [4]. Американское внешнеполитическое ведомство фактически игнорировало практические последствия предоставления союзным республикам внешнеполитических полномочий и оказалось психологически не готовым к предложению Громыко, выдвинутому в Думбартон-Оксе 28 августа 1944 г. [5]

Как свидетельствовал обмен документами между представителями трех держав в связи с подготовкой конференции в Думбартон-Оксе, США вплоть до июля 1944 г. не придавали большого значения вопросу о членстве в проектируемой международной организации. Так, в письме заведующего Общеевропейским отделом госдепартамента Д. Данна послу СССР в США А. А. Громыко от 18 февраля 1944 г. среди сформулированного перечня вопросов по общей проблеме создания новой организации не было выделено вопроса о членстве в этой организации [6].

Зато британское правительство, сильно заинтересованное в допуске своих доминионов в Международную организацию безопасности, уже в своих первых документах в связи с подготовкой конференции подчеркивало значение вопроса членства в этой организации и ее главных органах. Например, в письме посла Великобритании в СССР А. К. Керра наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову от 19 февраля 1944 г. был передан составленный британским правительством документ, в котором в качестве проекта повестки дня переговоров в Вашингтоне в самом начале выделялись вопросы о характере и членстве во Всемирной организации, членстве в Генеральной Ассамблее и Совете [7]. В меморандуме английского правительства, переданном Керром Молотову 16 марта, содержались уже обобщенные англо-американские предложения. Среди них первыми под пунктом «а» фигурировали вопросы, относящиеся к сфере деятельности и характеру международной организации,

что включало в себя членство и статус Ассамблеи и Всемирного Совета [8].

Позиция и приоритеты Советского Союза в связи с предстоящей встречей в Вашингтоне обозначились позднее, чем таковые были сформулированы США и Великобританией. В письме Молотова Керру от 8 июля и в памятной записке правительства СССР правительству США от 9 июля отмечалось, что советское правительство считало бы целесообразным ограничиться на первой стадии «обсуждением таких первоочередных вопросов», как те, которые были указаны под пунктами «а», «с» и «е» в меморандуме английского правительства от 16 марта. Имелись в виду вопросы, относящиеся к: а) сфере действия и характеру международной организации, в том числе и вопросы членства; с) вопросы международной безопасности и ее обеспечение; е) метод и процедура учреждения международной организации [9]. Из этого можно заключить, что советское правительство выделением в качестве одного из трех приоритетов вопросов под пунктом «а» стремилось обеспечить условия для последующей «легализации множественного членства» союзных республик в международной организации. Вместе с тем следует отметить, что последующие споры и разногласия между тремя державами по проблеме первоначального членства не ограничивались только вопросом о членстве советских союзных республик.

К началу конференции все стороны подготовили конкретные предложения. Какие же государства они хотели видеть в качестве первоначальных членов новой международной организации? В детально разработанном меморандуме США, врученном 18 июля правительствам СССР и Великобритании, была уже сформулирована позиция американской администрации по данной проблеме. В нем отмечалось, что членами организации могут быть все суверенные и миролюбивые государства, большие и малые, а сама организация должна быть всемирной по своему характеру. В меморандуме, в частности, говорилось: «Объединенные Нации и нации, присоединившиеся к ним, и те другие нации, которые будут определены Объединенными Нациями, должны стать первоначальными членами организации» [10].

В предложениях английского правительства, переданных правительствам СССР и США от 22 июля, предполагалось, что вначале все Объединенные Нации будут

приглашены стать членами Всемирной организации, а в дальнейшем необходимо конкретно определить, какие из нейтральных государств будут допущены в организацию и когда [11].

В советском меморандуме, переданном правительствам США и Великобритании 12 августа, т. е. двумя днями спустя после утверждения Политбюро ЦК ВКП(б) директив советской делегации, подчеркивалось, что на первой стадии переговоров о создании организации целесообразно ограничиться обсуждением лишь наиболее важных вопросов и принципов, которые должны быть положены в основу этой организации. К числу четырех таких вопросов (цели и задачи организации, функции и обязанности ее основных органов, средства предотвращения и подавления агрессии) отнесен был вопрос о составе организации. Он был сформулирован следующим образом: «Инициаторами и первоначальными участниками организации являются Объединенные Нации, т. е. государства, подписавшие Декларацию от 1 января 1942 г. и присоединившиеся к ней» [12]. Прием в члены организации других миролюбивых государств предлагалось осуществлять индивидуально, после принятия статута организации.

Как известно, Декларация Объединенных Наций была подписана 1 января 1942 г. в Вашингтоне представителями 26 стран, в том числе СССР, США, Великобританией, Китаем, 4 английскими доминионами и Индией, 9 латиноамериканскими и 8 европейскими государствами. Декларация содержала два обязательства ее участников: употребить все свои ресурсы против государств фашистского блока и не заключать сепаратного перемирия или мира с врагом. Круг Объединенных Наций постепенно расширялся. Подписавшие после 1 января 1942 г. Декларацию государства стали называться присоединившимися. На момент созыва конференции в Думбартон-Оксе в Объединенные Нации входили 35 государств, в том числе 9 присоединившися, среди которых были Мексика, Филиппины, Эфиопия, Бразилия и др. [13]

Советские союзные республики не подписывали Декларацию Объединенных Наций, хотя и находились в состоянии войны с Германией, Италией и их союзниками с 1941 г. Поставленный советской делегацией в Ялте вопрос о возможности подписания некоторыми союзными республиками, прежде всего УССР и БССР, Дек-

ларации натолкнулся на решительное противодействие президента США Ф. Рузвельта, после чего был снят советской стороной [14].

Сравнение позиций трех государств по вопросу о первоначальных членах международной организации показывает их единодушие в том, что в число ее учредителей должны были войти все государства, подписавшие Декларацию Объединенных Наций. Но затем в позициях сторон появились различия. СССР считал, что к первоначальным членам следует отнести и присоединившиеся нации, Великобритания — ряд из нейтральных государств, которые необходимо определить. Предложения США давали наиболее широкое толкование понятия «первоначального членства», поскольку предполагали включение в эту категорию не только Объединенных Наций и присоединившихся к ним государств, но и тех стран, которые сами Объединенные Нации могли определить в будущем.

Как соотносились предложения трех держав о первоначальном членстве с поставленным в Думбартон-Оксе вопросом о допуске советских союзных республик в состав организации? Невероятно, но факт: строгая и четкая советская формулировка не облегчала, а затрудняла, если не закрывала совсем доступ 16 республикам в организацию. Ведь как уже отмечалось, республики не подписывали Декларацию Объединенных Наций, вопрос об их присоединении к ней советское руководство официально тоже не ставило, за исключением упомянутого эпизода в Ялте. Советская дипломатия рассчитывала, очевидно, лишь на один юридический аргумент в пользу включения союзных республик в состав первоначальных членов организации: на закон от 1 февраля 1944 г. Но это был внутрисоюзный акт, не имевший международно-правового значения. Упование на один лишь этот закон, который не получил у союзников СССР широкой поддержки, показывало слабость советской политико-правовой базы в этом вопросе.

Парадокс заключался и в том, что Вашингтон, который сильнее всего противодействовал допуску союзных республик в ООН, своей расширительной формулировкой первоначального членства оставлял им возможность войти при определенных обстоятельствах в число первоначальных членов организации. Последующие события в Ялте и Сан-Франциско показали, что БССР и УССР

оказались наряду с Данией и Аргентиной теми четырьмя государствами, которые хотя и не подписали Декларацию Объединенных Наций, но вошли в состав государств-учредителей ООН. Тем самым Беларусь и Украина явились, согласно упомянутой американской формулировке от 18 июля 1944 г., «теми другими нациями, которые были определены Объединенными Нациями» [15] в качестве первоначальных членов организации.

Меморандумы СССР, США и Великобритании с предварительными предложениями по вопросу о создании Международной организации безопасности послужили основой для переговоров в Думбартон-Оксе. Советскую делегацию, в состав которой вошли видные дипломаты, юристы, историки, военные, возглавлял посол СССР в США А. А. Громыко. Главой американской делегации был назначен заместитель государственного секретаря Э. Стеттиниус. Английскую делегацию возглавлял заместитель министра иностранных дел А. Кадоган. В выступлении Громыко на открытии конференции 21 августа содержались уже не столь категоричные формулировки относительно членства в будущей организации. Сославшись на Декларацию четырех держав, подписанную на Московской конференции, он сказал, что ее членами могут быть «все большие и малые свободолюбивые страны мира» [16]. Союзные республики — большие и малые — несомненно подпадали под эту категорию.

Первые два заседания конференции состоялись 22 августа. Громыко зачитал меморандум советского правительства, который было решено взять за основу для обсуждения, а английская и американская делегации высказали свои замечания по каждому из 8 его разделов. По разделу II «Состав организации» Стеттиниус высказался за то, чтобы оставить список первоначальных участников организации открытым для включения в него также и некоторых государств, не принадлежащих к числу Объединенных Наций [17].

Однако на заседании подкомитета по определению структуры и функций основных органов, состоявшемся 23 августа, Стеттиниус по существу согласился с советским предложением, заявив, что первоначальными членами организации могут быть объединенные и объединившиеся нации, участвовавшие в конференциях Объединенных Наций за последние 2 года. Вместе с тем члены американской делегации И. Боумэн и Л. Пасволь-

ский высказались за то, чтобы кроме указанных стран могли быть также допущены в число инициаторов и некоторые другие страны, например Дания. Боумэн предложил составить список стран-инициаторов создания организации. Это предложение было поддержано Стеттиниусом и Кадоганом. Громыко возражал, мотивируя это тем, что список стран может быть составлен позже и что в «настоящее время важно договориться в принципе» [18]. Вероятно, советская делегация пока не желала оглашать свои намерения о включении в этот список всех 16 союзных республик, что могло придать обсуждению вопроса о первоначальном членстве совершенно иной оборот, поэтому она выступала за то, чтобы «договориться в принципе», а затем уже намеревалась раскрыть свои карты.

Первые итоги состоявшихся встреч с американской и английской делегациями были подведены в донесении председателя советской делегации А. А. Громыко и заместителя председателя делегации А. А. Соболева в НКИД СССР от 27 августа. В пункте 15 «Об инициаторах организации и членстве» сообщалось, что делегация США внесла предложение о допущении в число инициаторов организации не только Объединенных и присоединившихся наций, но и некоторых других стран, среди которых упомянула лишь Данию. Американцы обещали представить список стран, которые, по их мнению, должны быть инициаторами создания организации [19]. Это намерение подтолкнуло делегацию СССР к внесению предложения о включении в этот список советских союзных республик.

На состоявшемся 28 августа заседании глав делегаций в числе вопросов, по которым до сих пор не было достигнуто договоренностей, обсуждался и вопрос об инициаторах организации. Американцы вновь подчеркнули, что кроме Объединенных и присоединившихся наций следовало бы рассмотреть вопрос о включении в число первоначальных создателей организации некоторые другие страны, опять назвав лишь Данию. Они заявили, что продолжают работать над списком стран, который обещали представить и что они хотели бы вновь вернуться к этой проблеме. Советская делегация не возражала против этого [20].

В своем донесении в НКИД СССР от 28 августа Громыко сообщил: «Я заявил на совещании в связи с

разговором о списке стран, что в числе первоначальных участников организации должны быть все союзные советские социалистические республики. Стеттиниус и Кадоган заявили, что они не готовы выразить свое мнение по данному вопросу на этом заседании. Кадоган лишь заметил, что в связи с затронутым мною вопросом может возникнуть проблема «международной легализации этих республик» [21].

Секретарь-переводчик советской делегации В. М. Бережков в своих воспоминаниях о заседании 28 августа писал, что Громыко при обсуждении вопроса о членах-инициаторах организации спросил, хочет ли американская группа добавить еще какие-то страны (кроме Дании.— *В. С.*) к Объединенным и присоединившимся нациям? Американская сторона изъявила готовность составить предварительный список, указав, что окончательный список, возможно, удастся подготовить к тому времени, когда уже можно будет передать предлагаемый план создания организации другим странам. Пасвольский пояснил, что американцы предлагают пригласить не только первоначальных участников Декларации Объединенных Наций, но и некоторые другие страны, которые порвали с Германией и помогают военным усилиям союзников. Эти страны американцы предлагали считать присоединившимися [22].

Далее Бережков сообщает: «Было решено передать этот вопрос в Редакционный подкомитет. При этом Громыко заметил, что, само собой разумеется, все 16 советских республик должны быть включены в состав членов-инициаторов организации» [23]. Как же отреагировали на это заявление руководители делегаций США и Великобритании? Кадоган сказал, что в данный момент он не собирается комментировать это предложение, но полагает, что его правительство должно обсудить с советским правительством вопрос о статусе советских республик. Американский представитель сказал, что он также должен подумать о новом предложении посла Громыко [24]. Западные делегации оказались не готовыми к обсуждению этого вопроса, и Стеттиниус, предложив провести в скором времени пленарное заседание конференции, закрыл заседание Руководящего комитета [25].

Предложение Громыко о включении советских союзных республик в число первоначальных членов ООН получило в документах государственного департамента

США, а затем и в западной литературе название «вопрос Х» («дело икс», «проблема икс») или проблема «множественного членства» СССР в ООН [26]. Сведения и комментарии о постановке этого вопроса советской делегацией 28 августа 1944 г. содержатся в воспоминаниях и дневниках Стеттиниуса и Кадогана, но об этом не упоминается в мемуарах Громыко [27]. Так, Стеттиниус в дополнение к своим протокольным записям заседания от 28 августа отметил в связи с поставленным Громыко вопросом, что «своим поведением сэр Александр Кадоган и я выразили свое удивление и предположение ожидания больших трудностей от этого предложения» [28]. Он записал в своем дневнике, что заявлением Громыко «наши советские друзья взорвали бомбу в форме выдвижения знаменитого вопроса Х» [29].

После закрытия заседания от 28 августа Стеттиниус немедленно проинформировал президента Рузвельта и госсекретаря Хэлла о советском предложении. Оба энергично выступили против его принятия. Когда Стеттиниус сказал об этом Рузвельту, тот ответил: «Боже мой!» и приказал Стеттиниусу передать Громыко, что США никогда не примут это предложение. Президент попросил его объяснить советскому послу, что это чрезвычайно сложные вопросы, которые могут привести к самым неожиданным трудностям и тем самым разрушить шансы на создание международной организации, одобренной сенатом США и общественностью его страны. Ф. Рузвельт также сказал, что в случае принятия 16 союзных республик для США было бы вполне логично попросить о приеме 48 американских штатов [30].

Реакция Хэлла была столь же недружественная, как и президента. Стеттиниус в книге «Рузвельт и русские» писал, что, когда он сказал Хэллу о «невозможной просьбе русских», тот ответил: «Не собираются ли эти русские разрушить нашу надежду на мировую организацию» [31]. Сам Хэлл в своих мемуарах так комментировал этот эпизод: «Когда Стеттиниус сообщил мне это, я сказал, что поражен тем, что такое предложение сделано. Я добавил, что подобный вопрос никогда не появлялся ни у одного из нас в американской группе, кто работал над послевоенным планированием. Я заключил при этом, что буду против всеми силами» [32].

29 августа в ходе отдельной беседы между Громыко и Стеттиниусом последний сам затронул проблему член-

ства союзных советских республик и сообщил, что по этому вопросу беседовал с президентом. По мнению Рузвельта, этот вопрос можно было поставить после того, как организация будет создана и конгресс США утвердит предложение правительства об участии в организации. Громыко сказал, что советская делегация считает само собой разумеющимся, что в числе инициаторов создания организации должны быть все советские республики, но что на настоящей стадии он ограничивается лишь данным заявлением [33].

Очередное заседание глав делегаций 29 августа началось с выступления Стеттиниуса, который предложил снять вопрос о членстве советских республик с повестки дня. Логика его рассуждений была такова: это очень трудный вопрос, способный вызвать далеко идущие разногласия, которые, если станут известны мировому общественному мнению, могут привести к нежелательным политико-пропагандистским потерям, в частности к подрыву сложившегося мнения о единстве великих держав и получению фашистскими государствами основания для продолжения дальнейшей борьбы [34].

После этого Стеттиниус спросил Громыко, не согласится ли он не включать в протокол свое вчерашнее заявление о советских республиках ввиду того, что этот вопрос не будет рассматриваться на настоящем совещании в деталях. Громыко дал отрицательный ответ, сказав, что копии протоколов широко не распространяются. Американские представители тогда дали понять, что они беспокоятся по поводу возможного проникновения в прессу информации об этом заявлении. Громыко ответил, что все материалы конференции носят конфеденциальный характер, поэтому он не видит оснований для исключения его заявления из протокола [35]. Поясняя смысл своего заявления, Громыко сказал, что хотел лишь привлечь внимание других делегаций к этому вопросу, но не настаивает на том, чтобы эта проблема подверглась дальнейшему обсуждению на переговорах в Думбартон-Оксе [36].

Что же касалось обеспокоенности американской делегации о возможности проникновения в печать материалов конфеденциальных переговоров, то для этого были основания. Дело в том, что корреспондент «Нью-Йорк таймс» Д. Рестон к началу конференции смог получить информацию о содержании меморандумов трех

держав, основные положения которых он изложил в своей газете. Лишь спустя четверть века Рестон раскрыл свой секрет: источником информации было китайское посольство в Вашингтоне, которое получало всю связанную с переговорами документацию [37]. Однако утечки информации по вопросу о «множественном членстве» СССР не произошло и он держался в секрете до конца марта 1945 г.

Обеспокоенный советским заявлением, госсекретарь США Хэлл пригласил 31 августа Громыко для беседы, значительное место в котором занял вопрос о советских союзных республиках. Как сообщал Громыко в донесении в НКИД СССР, Хэлл заявил, что в случае возникновения этого вопроса прежде всего подняли бы шум республиканцы. Он указал на поведение известного республиканца-сенатора А. Ванденберга, как на пример отрицательного отношения республиканской партии к политике правительства Рузвельта, направленной на усиление сотрудничества США с другими странами и на вступление в Международную организацию безопасности. Хэлл сказал, что администрация не может не считаться с влиянием на общественное мнение изоляционистов типа Ванденберга [38]. Громыко заявил Хэллу, что советская делегация считает само собой разумеющимся включение советских республик в число инициаторов создания организации, но на данной стадии переговоров не настаивает на принятии какого-либо решения. Как председатель советской делегации он ограничивает свою задачу лишь доведением до сведения американской и английской делегаций точки зрения СССР [39].

Сославшись на состоявшийся ранее разговор со Стеттиниусом, который заявил, что примеру СССР могут последовать англичане и поставить вопрос о вхождении в международную организацию в качестве самостоятельных ее членов английских колоний, Громыко сообщил, что Хэлл этого момента не затрагивал. Не касался Хэлл и вопроса о том, чтобы проблему членства советских республик поднять после учреждения международной организации и после одобрения конгрессом США предложения правительства о вхождении в организацию, о чем говорил Стеттиниус в беседе с Громыко 29 августа. Руководитель советской делегации в своем донесении следующим образом определил позицию делагации США по этому вопросу: «Данная беседа с Хэллом, а также

состоявшаяся ранее беседа со Стеттиниусом по этому вопросу ясно показывает, что американцы отрицательно относятся к перспективе включения в состав участников международной организации союзных советских республик»[40].

В своих мемуарах Хэлл писал, что во время встречи он пытался убедить советского посла в том, что большие страны не нуждаются более чем в одном голосе, чтобы играть важную роль в будущей организации. Хэлл также сказал о том, что США и не думали иметь более чем одного голоса и тем не менее они еще никогда не ощущали того, насколько значительно сегодня их влияние[41].

Серьезную обеспокоенность постановкой Советским Союзом неожиданного и шокирующего требования о членстве в новой организации всех 16 советских республик администрация США решила выразить и на самом высоком уровне. Об этом свидетельствовало послание Ф. Рузвельта И. В. Сталину, полученное 1 сентября 1944 г., в котором говорилось следующее: «Упоминание Вашей делегации в Думбартон-Оксе о том, что Советское Правительство могло бы пожелать поставить на рассмотрение вопрос о членстве для каждой из шестнадцати Союзных Республик в новой Международной организации, меня весьма беспокоит. Хотя Ваша делегация заявила, что этот вопрос не будет поднят в течение нынешней стадии переговоров, я считаю, что должен сообщить Вам, что весь проект, поскольку это, конечно, касается Соединенных Штатов, да и, несомненно, также других крупных государств, определенно оказался бы в опасности, если бы этот вопрос был поднят на какой-либо стадии до окончательного учреждения Международной организации и до того, как она приступит к выполнению своих функций. Я надеюсь, что Вы сочтете возможным успокоить меня в этом отношении»[42]. В заключение Ф. Рузвельт подчеркнул, что этот вопрос может быть обсужден международной организацией после ее создания.

Сталин ответил на это послание Рузвельта неделю спустя, 7 сентября. Он писал: «Заявлению советской делегации по этому вопросу я придаю исключительно важное значение. После известных конституционных преобразований в нашей стране в начале этого года Правительства Союзных Республик весьма настороженно относятся к тому, как отнесутся дружественные государства к при-

нятому в Советской Конституции расширению их прав в области международных отношений. Вам, конечно, известно, что, например, Украина и Белоруссия, входящие в Советский Союз, по количеству населения и по их политическому значению превосходят некоторые государства, в отношении которых все мы согласны, что они должны быть отнесены к числу инициаторов создания Международной организации. Поэтому я надеюсь еще иметь случай объяснить Вам политическую важность вопроса, поставленного советской делегацией в Думбартон-Оксе» [43].

Послание Сталина недвусмысленно показывало связь между предоставлением союзным республикам внешнеполитических полномочий и вопросом о включении их в число первоначальных членов новой международной организации, являлось доказательством того, что при помощи конституционной реформы 1944 г. советское руководство стремилось создать политико-правовую основу для достижения «множественного членства» СССР в Международной организации безопасности. Слова Сталина о «весьма настороженном отношении» союзных республик к дружественным государствам, т. е. к Объединенным Нациям в связи с расширением их внешнеполитических прав, очевидно, были вызваны недружественной реакцией общественного мнения западных держав на конституционные изменения в Советском Союзе. Посланием к Рузвельту от 7 сентября Сталин также впервые на высшем уровне подтвердил исключительно важное политическое значение, которое придавалось в Москве вопросу о членстве союзных республик, прежде всего Украины и Беларуси, в новой международной организации. Вместе с тем, как видно из заключительной части послания, правительство СССР считало возможным отложить на какое-то время решение этого вопроса.

Как отмечает В. Матерски, послание Сталина ясно подсказывало направление уступок советской дипломатии, непереходимой границей которых было участие в новой организации помимо делегации Советского Союза также делегаций БССР и УССР. Так почти с момента своего возникновения «вопрос X» оказался ограниченным двумя западными республиками, экономический потенциал которых, количество населения, площадь территории, и прежде всего огромный вклад в войну, не должны были быть поставлены под вопрос [44].

Другой польский историк С. Боратынский также под-

черкивает, что под проблемой «множественного членства» СССР понималось прежде всего участие Украины и Беларуси в новой международной организации. Эти республики как по величине территории, так и по численности населения превосходили многие страны, участие которых в качестве членов-учредителей организации не вызывало ни малейших сомнений. По его мнению, упомянутые советские республики принесли для общей победы значительно большие жертвы, чем многие страны, которые формально находились в состоянии войны с государствами «оси», но фактически, хотя бы ввиду своей отдаленности от театра войны, не имели ничего общего с военными действиями. С. Боратынский справедливо считает, что хотя бы в память о погибших гражданах Украины и Беларуси, которые отдали свою жизнь в борьбе с общим врагом, в память об ущербе, который война нанесла этим республикам, следовало обеспечить участие последних в международной организации, призванной гарантировать мир и безопасность во всем мире [45].

Вопрос о членстве советских республик в новой организации был затронут во время беседы между Рузвельтом и Громыко 8 сентября. Сомнительно, чтобы Рузвельт знал к этому времени об ответном послании Сталина от 7 сентября [46]. Как указывал Стеттиниус, присутствовавший при этой встрече, никакого согласия по этому вопросу достигнуто не было [47]. В донесении Громыко в НКИД СССР об итогах беседы с Рузвельтом вопрос о членстве союзных республик не упоминался [48].

В советских публикациях отмечается, что после ответа Сталина Рузвельту 7 сентября в дальнейшем вопрос о членстве советских союзных республик на конференции не затрагивался [49]. Это не совсем так, ибо он был еще раз зафиксирован американской стороной 27 сентября 1944 г., о чем будет сказано ниже. Кроме того, советская делегация была готова вновь поднять вопрос в связи с внесенным Кадоганом 10 сентября предложением о том, чтобы члены организации при избрании Ассамблеей непостоянных членов Совета учитывали тот вклад, который внесли те или иные страны в борьбу с врагом. По мнению британского правительства, принятие подобного предложения облегчило бы возможность избрания в Совет английских доминионов [50]. В связи с этим 18 сентября НКИД СССР сообщил советской делегации, что не возражает против предложения Кадогана, если между СССР и анг-

ло-американцами будет установлено, что это предложение охватывает также советские союзные республики, которые относятся к числу стран, внесших наибольший вклад в общие усилия союзников в ходе нынешней войны. В противном случае советское внешнеполитическое ведомство было не согласно с предложением Кадогана [51]. Как показали последующие переговоры, Англия не настаивала на своем предложении, которое не нашло поддержки у двух других делегаций, и оно не вошло в заключительный документ конференции.

Согласно американским документам, председатель советской делегации еще раз поднял вопрос о членстве советских республик 27 сентября, за день до завершения первого этапа конференции. При обсуждении вопроса о будущей учредительной конференции Объединенных Наций он настаивал на том, что одним из условий согласия советского правительства на проведение этой конференции должно было быть одобрение США и Англией советского предложения о первоначальном членстве советских республик в новой организации. Но представители США и Англии не комментировали это высказывание Громыко [52]. В тот же день Стеттиниус сообщил об этом условии Рузвельту. Президент нелегко воспринял новую постановку «дела X» и удивил Стеттиниуса ответом, что «он обсудил этот вопрос с бразильским послом» [53]. Трудно сказать, чего было больше в этих словах Рузвельта: усталости, раздражения или серьезности.

В письме Черчилля Рузвельту от 25 сентября 1944 г. британский премьер-министр привел выдержки из телеграммы, полученной им от премьер-министра Южно-Африканского Союза Я. Смэтса. Тот называл позицию СССР о безусловном вето в Совете Безопасности и членстве всех 16 республик «абсурдной», которая не могла быть принята ни всеми остальными великими державами, ни малыми странами [54].

В конечном счете вопрос о включении советских союзных республик в число первоначальных членов международной организации оказался на конференции нерешенным. Не удалось договориться ее участникам и в целом о том, какие именно государства должны быть первоначальными членами организации [55]. Советский Союз считал, что инициаторами организации должны быть только те государства, которые подписали Декларацию Объединенных Наций или впоследствии присоединились к ней.

США и Англия настаивали на том, чтобы инициаторами были Объединенные Нации и нации, объединившиеся с ними. В число Объединенных Наций американцы и англичане включали кроме стран, подписавших 1 января 1942 г. Вашингтонскую декларацию, также и те страны, которые присоединились к декларации после этой даты и объявили войну державам «оси» (всего 35 государств). В число объединившихся наций США включали 9 стран, порвавших отношения с державами «оси», но не объявивших войну им: это были 6 латиноамериканских республик, Египет, Исландия и Франция, представленная Французским комитетом национального освобождения [56]. Такая позиция Вашингтона объяснялась тем, что он хотел сделать первоначальными членами организации большинство стран Латинской Америки, рассчитывая в будущем на их поддержку своей политики [57].

При обсуждении на заседаниях Руководящего комитета конференции представленного американской делегацией списка стран, включенных в число Объединенных Наций и присоединившихся к ним, Громыко подчеркивал необходимость точного определения смысла формулы «присоединившиеся нации». Кадоган и Стеттиниус согласились с тем, что один лишь разрыв отношений с державами «оси» не означает автоматического включения страны в категорию «присоединившихся наций». На заседании 7 сентября Громыко отметил, что на данной стадии переговоров нет необходимости в составлении окончательного списка членов предполагаемой организации, а обязательно выработать лишь общую формулу [58].

В заключительном документе — «Предложениях относительно создания Всеобщей международной организации безопасности», опубликованном после окончания конференции в советской и зарубежной печати, участники конференции решили ограничиться формулировкой, гласившей: «Членами организации могут быть все миролюбивые государства» [59].

Ввиду того что соглашение о первоначальном членстве не было достигнуто, пункты 2 и 3 главы III «Членство» текста заключительного документа были сняты. Последняя редакция этих пунктов была следующая: «2. Членами-инициаторами организации являются государства, первоначально и впоследствии подписавшие упомянутую декларацию Объединенных Наций от 1 января 1942 г. (и нации, объединившиеся с ними). 3. Государство, не являю-

щееся членом-инициатором организации, может быть принято после утверждения статута организации и в соответствии с положениями статута». Советская делегация не дала согласия на включение фразы в скобках во 2-м пункте: «И нации, объединившиеся с ними»[60]. Спор о первоначальных членах был исчерпан впоследствии в связи с решением Ялтинской конференции о необходимости для участия в конференции в Сан-Франциско объявить войну державам «оси» до 1 марта 1945 г.

На протяжении всей конференции руководящие деятели администрации США стремились держать в секрете «дело X», о котором не знали многие члены американской и английской делегаций. Стеттиниус завел специальную папку для материалов, относящихся к этому делу и изымал их из регулярных протоколов, которые циркулировали среди делегаций. Эта папка со страницами подлинных протоколов «о деле X» хранилась в его сейфе в госдепартаменте. Без указаний со стороны президента, которые могли быть даны Стеттиниусу или Хэллу, эти страницы не должен был видеть никто. Рузвельт во время встречи с Хэллом и Стеттиниусом 6 сентября подчеркнул, что необходимо сделать все возможное, чтобы не разглашать «дело X»[61].

На втором этапе переговоров Стеттиниус 4 октября под большим секретом проинформировал руководителя китайской делегации В. Ку о советском предложении. Отметив, что эта тема становится очень деликатным вопросом, он сказал, что в любом случае невозможно согласиться с советским предложением, которое «шокировало бы весь цивилизованный мир». Далее Стеттиниус заметил, что советские республики конечно не являются самостоятельными государствами, а сравнимы со штатами Соединеных Штатов или провинциями любой другой страны. Он подчеркнул, что через некоторое время руководители Китая, Англии и США должны обсудить эту проблему с маршалом Сталиным[62]. Что же касалось попыток американцев сохранить «дело X» в секрете, то это им удавалось только до 16 октября, когда Стеттиниус информировал об этом вопросе всю делегацию США[63].

Чем было вызвано стремление американских политиков не допустить огласки вопроса о членстве советских республик в новой организации? В официальном издании госдепартамента «Послевоенные внешнеполитические приготовления» называются две причины таких действий

Белого Дома: 1. Стремление сохранить возможность дипломатической деятельности на высоком уровне, чтобы убедить СССР отозвать или ослабить свое предложение. 2. Опасение, что утечка информации об этом вопросе могла бы оказать давление возмущенного общественного мнения на администрацию и привести к тупику на переговорах и тем самым фатально повредила бы созданию новой организации [64]. Аналогичный характер имела и аргументация К. Хэлла [65].

Попытку объяснить моральное недовольство Вашингтона в связи с советским требованием предприняла американская журналистка К. Мейс, отмечавшая, что для Белого Дома «трудность состояла в чудовищной несправедливости получения такого огромного преимущества одной из великих держав и в непосредственной реакции на это американского общественного мнения» [66].

Советское руководство также держало проблему первоначального членства союзных республик в глубоком секрете. В этом смысле характерны передовые статьи о создании Международной организации безопасности, помещенные в октябре 1944 г. в «Правде», «Известиях» и журнале «Война и рабочий класс», в которых, несмотря на освещение многочисленных и разнообразных проблем, вопрос членства в будущей организации вообще не упоминался [67]. Отсутствие в указанных статьях, отражавших точку зрения высшего партийного и государственного руководства (сохранились архивные машинописные тексты передовых статей в «Известиях» от 10 октября и «Правде» от 11 октября с редакционными поправками Сталина и Молотова), даже малейшего намека на такую важную тему свидетельствовало о том, что советская сторона очевидно решила поставить этот вопрос на второй встрече «большой тройки», намеченной на февраль 1945 г. в Крыму. Возможно, что она не хотела осложнять подготовительную работу к этой встрече [68].

Советская оценка итогов конференции в Думбартон-Оксе была дана Сталиным 6 ноября 1944 г. в докладе, посвященном 27-й годовщине Октябрьской революции. Говоря об имевших место разногласиях по ряду вопросов, среди которых не была названа проблема членства в международной организации, Сталин подчеркнул: «Характерным для этой конференции является не то, что там вскрылись некоторые разногласия, а то, что девять десятых вопросов безопасности были разрешены на этой

конференции в духе полного единодушия»[69]. Весьма оптимистичной была также оценка президента США Ф. Рузвельта, заявившего 9 октября 1944 г., что он испытывает чувство исключительного удовлетворения и даже удивления, что так много могло быть сделано в такой короткий срок по такому трудному вопросу, как создание большого плана безопасности и мира[70].

В опубликованных в ноябре 1944 г. комментариях и разъяснениях госдепартамента США и правительства Великобритании к предложениям, разработанным в Думбартон-Оксе, вопрос о первоначальных членах организации не затрагивался. В многочисленных откликах американской и английской печати на итоги конференции этот вопрос также активно не обсуждался, о чем свидетельствовали донесения Громыко в НКИД СССР[71].

Отношение английской делегации и правительства к советскому предложению трудно осветить из-за отсутствия опубликованных внешнеполитических документов. В любом случае позиция английской делегации должна была отличаться от американской как ввиду различий в структуре и государственном устройстве обеих держав, так и вследствие различий их национальных интересов. По своей структуре Британское Содружество наций больше походило на Советский Союз, чем на Соединенные Штаты. Как отмечалось, реакция английской общественности на конституционную реформу в СССР и ее возможные последствия была более благожелательной, чем в США.

Предложение Громыко от 28 августа не нашло какого-либо отклика в мемуарах премьер-министра Великобритании У. Черчилля и министра иностранных дел А. Идена[72]. По сравнению с американцами англичане играли в Думбартон-Оксе роль статистов, не принимая активного участия в большинстве дискуссий[73]. Фактически Форин Оффис рекомендовал своей делегации оставить этот вопрос на усмотрение США, надеясь на компромисс. Известный английский историк Л. Вудворд писал в официальной истории внешней политики Англии в годы второй мировой войны: «Форин Оффис решил, что если вопрос будет поднят снова, то мы должны оставить его на усмотрение Соединенных Штатов и сказать, что до тех пор, пока Соединенные Штаты не присоединятся к организации, мы будем поддерживать их, не разделяя позитивного мнения о том, что шестнадцать республик имеют какую-ни-

будь реальную независимость. Во всяком случае мы стремились достичь компромисса, который не исключал бы Индию. Военный кабинет согласился с этой рекомендацией»[74]. Упомянув Индию, Л. Вудворд имел в виду ее сложное положение как британской колонии, подписавшей тем не менее в числе суверенных государств Декларацию Объединенных Наций, права которой как первоначального члена будущей международной организации никем не оспаривались. Он признает, что позиция Индии была труднее с тех пор, как на бумаге советские республики получили большую автономию в иностранных делах[75].

В целом позиция Лондона по вопросу о членстве советских республик в новой организации была с самого начала менее жесткой и более подвижной, чем позиция Вашингтона, и представляла большее пространство для маневра. Более либеральная позиция британского премьер-министра Черчилля по этому вопросу проявилась во время его визита в Москву в октябре 1944 г., что было вызвано его надеждами на большую уступчивость советской стороны в связи с приближающимися переговорами о разграничении сфер влияния на Балканах[76]. Как уже отмечалось, такая линия диктовалась интересами британской колониальной империи, стремлением метрополии обеспечить своим доминионам и зависимым от нее странам доступ в организацию и выгодное положение в ней.

После конференции в Думбартон-Оксе советская дипломатия продолжала свои усилия по реализации требования о членстве союзных республик в международной организации. Советник посольства СССР в Великобритании А. А. Соболев в беседе с английским дипломатом М. Джеббом 24 ноября 1944 г. сказал, что советское правительство придает огромное значение членству 16 союзных республик в организации. Исходя из советской позиции, что первоначальное членство в мировой организации должно быть ограничено странами, принимавшими реальное участие в войне, Соболев отметил, что никто не может отрицать того, что Украина, например, более достойна в этом отношении, чем Гватемала или Никарагуа. Он также говорил о том, что каждая советская республика имеет «независимое существование». Соболев даже высказал предположение, что если великие державы будут единодушны, то не составит труда, чтобы в Совет Безопасности были включены представители Советского Сою-

за и одной союзной республики. Джебб выразил мнение, что советское правительство, проявляя сильную заинтересованность в своем требовании, не должно настаивать на нем, поскольку оно уже имеет особое право вето как великая держава [77].

5 декабря 1944 г. Форин Оффис подготовил специальный меморандум по вопросу о членстве советских союзных республик в международной организации. В нем отмечалось, что статус республик повысился в связи с перемирием с Финляндией, поскольку русские заявили, что если британские доминионы могут подписывать перемирие, то это могут сделать и союзные республики, граничащие с Финляндией. Указав на то, что вопрос о членстве советских республик может быть поднят в связи с созданием любой международной организации, в которой участвуют доминионы и Индия, британский МИД констатировал: «Мы должны также быть готовыми к вопросу о признании союзных республик и обмене дипломатическими представителями с ними» [78]. Вместе с тем Англия и ее доминионы хотели бы отложить этот вопрос до послевоенного мирного урегулирования с тем, чтобы не создавать впечатления о признании присоединения Западной Украины и Западной Беларуси к УССР и БССР и инкорпорации прибалтийских республик в СССР. С другой стороны, в меморандуме говорилось, что невозможно неопределенно долго воздерживаться от признания советских республик. Прием 16 республик в члены мировой организации связан с их дипломатическим признанием, и, наоборот, дипломатическое признание означало бы право (при отсутствии жесткой обратной связи) на независимое представительство республик во всех формах международной организации [79].

Как отмечалось далее в документе Форин Оффиса, с точки зрения британских интересов, было бы лучше, если бы СССР имел один голос, а не 16 или 17 голосов. Правительство, конгресс и народ США также не поддержат мировую организацию, в которой они имели бы только один голос, а СССР — 16 или 17. Поэтому если СССР не отзовет своей просьбы, то будет необходимо создать новый базис для членства и голосования в Ассамблее, что чрезвычайно сомнительно.

В случае, если не удастся достичь компромисса по вопросу о членстве, меморандум предлагал три возможных варианта действий для английского правительства: 1. Со-

гласиться с советским предложением. Но это поставит англичан в невозможную позицию по отношению к США и вероятно приведет к краху организации. 2. Согласиться с США и выступить против советского предложения. В этом случае будут трудности в отношении статуса Индии, а русские могут подумать, что англичане выступают против них из чисто политических соображений. 3. Оставить США заниматься этой проблемой с СССР, заявив, что США не присоединятся к организации до тех пор, пока их позиция не будет принята. В качестве одного из двух возможных компромиссов предлагалось: а) предоставление всем советским республикам статуса наблюдателя на Ассамблее без права голосования; б) согласие с исключением нейтралов (Аргентины, Португалии, Испании и Швейцарии), против включения которых в первоначальные члены организации выступал Советский Союз, если он отзовет свою просьбу о членстве 16 республик [80].

5 января 1945 г. комитет по перемирию и послевоенному устройству сообщил, что после обсуждения вопроса был принят 3-й вариант действий, предложенный Форин Оффисом. Военный кабинет согласился с этой рекомендацией [81]. 11 января 1945 г. военный кабинет совместно с комитетом по перемирию и послевоенному устройству обсудил предложения, полученные от доминионов к предложениям Думбартон-Окса. Вопросы голосования и членства советских республик в организации не были включены в подготовительный документ, поскольку они должны были обсуждаться отдельно [82].

В Думбартон-Оксе остались нерешенными два серьезных вопроса: о первоначальных членах в будущей организации и о порядке голосования в Совете Безопасности. Правда, Громыко в своих воспоминаниях дает иную оценку решения вопроса о членах-учредителях организации на конференции, когда утверждает: «Договорились о том, что в новой организации наряду с Советским Союзом ее членами будут УССР и БССР» [83], хотя общеизвестно, что договоренность о включении этих двух республик была достигнута не в Думбартон-Оксе, а в Ялте. Со своей стороны СССР выступал против включения в число инициаторов организации «присоединившихся наций», на чем настаивали США. Разногласия двух держав по проблеме первоначального членства оказались довольно глубокими. У американских политиков после конференции в Думбартон-Оксе «болели головы, как с похмелья» [84].

Госдепартамент США, который понял всю серьезность намерений СССР добиваться положительного решения вопроса о членстве советских республик, на этот раз тщательно готовился к предстоящим дискуссиям по этому вопросу. И. о. государственного секретаря Э. Стеттиниус и посол США в СССР А. Гарриман подготовили рекомендации для президента по «вопросу X». В меморандуме Стеттиниуса от 15 ноября 1944 г. под грифом «Вопросы, подлежащие обсуждению с президентом» содержалась следующая запись: «Международная организация по обеспечению безопасности... 2. Открытые вопросы... б) первоначальные члены... 3. Во всех случаях выступать против X». В другом варианте этого меморандума говорилось, что США не могут принять советское требование о включении 16 республик в качестве членов организации и что английская и китайская делегации в Думбартон-Оксе полностью поддержали позицию Вашингтона в этом вопросе [85].

Вместе с тем Стеттиниус подчеркивал, что в будущем нельзя рассчитывать на помощь Великобритании и Китая в данном вопросе и что всю тяжесть дискуссии с советской стороной должны взять на себя США. Он рекомендовал президенту на предстоящих переговорах «большой тройки» использовать аргумент, который приводила советская делегация в Думбартон-Оксе, когда критерием квалификации первоначальных членов Громыко называл необходимость подписания Декларации Объединенных Наций. Такая трактовка содержалась и в советском меморандуме от 12 августа 1944 г. Этот аргумент Стеттиниус решил использовать против СССР, поскольку советские республики не подписывали Декларацию, чтобы застопорить «вопрос X» на этапе, предшествующем созданию организации, и перенести дискуссию на более поздний срок, уже на ее форум. Предложения Гарримана немногим отличаются от рекомендаций Стеттиниуса [86]. Это означало, что американцы решили использовать уязвимость позиции СССР в вопросе допуска союзных республик в организацию, применив советскую аргументацию.

11 января 1945 г. президент Рузвельт в рамках подготовки к Крымской встрече провел совещание с членами подкомитета сенатского комитета по иностранным делам: сенаторами Коннэли, Беркли и Томасом (демократы), Ванденбергом, Уайтом и Остином (республиканцы) и

Ла Фолеттом (прогрессист). На совещании президент обсудил процедуру голосования в Совете Безопасности и информировал сенаторов о советском предложении о членстве союзных республик, сделанном в Думбартон-Оксе. Рузвельт сказал, что американцы должны уступить СССР в вопросе о процедуре голосования, но взамен этого советское правительство должно уступить США в своем предложении о «голосах» для 16 советских республик [87]. 16 января государственный департамент завершил подготовку 6 меморандумов для президента по главным открытым вопросам, предлагавшимся для обсуждения на Крымской конференции. Они были собраны в «книгу» и переданы Стеттиниусом Рузвельту. В меморандумах вопрос о советских республиках не фигурировал [88].

Завершая рассмотрение вопроса о выдвижении Советским Союзом на конференции в Думбартон-Оксе требования о включении союзных республик в состав первоначальных членов новой международной организации и реакции США и Великобритании на этот шаг, попытаемся определить некоторые мотивы и интересы СССР, которые могли скрываться за столь неожиданным для Запада «делом Х».

1. Несомненно, что при помощи этого шага советское руководство стремилось уравнять свои позиции в Международной организации безопасности с количественным превосходством США и Великобритании, которых поддерживали бы дружественные им государства Латинской Америки и Британского Содружества наций, и тем самым избежать неприятных для себя последствий изоляции в этой организации, тем более что Сталин и Молотов не могли забыть горький урок 1939 г., когда СССР был исключен из Лиги Наций.

2. В случае включения всех 16 республик в состав будущей организации Советский Союз получал бы не только 16 дополнительных голосов и поддержку своей политики, но и имел бы в ней 16 делегаций, обладавших всеми правами и привилегиями полноправных членов Организации Объединенных Наций. По мнению В. Аспатуриана, кроме количественного возрастания советской мощи голосования это позволило бы увеличить «процедурную, пропагандистскую и психологическую ценность советской политики в международной организации» [89].

Противоположную вышеприведенным двум позициям точку зрения высказывает С. Боратынский. Он считает,

что поддержка в международной организации политики СССР голосами советских республик была не в состоянии изменить существующее соотношение политических сил, ибо в самой основе новой организации заключалась предпосылка, что СССР как социалистическое государство будет находиться в меньшинстве к огромному большинству капиталистических государств. В этом отношении, отмечает польский историк, «допуск в организацию советских республик ничего не менял». Членство советских республик призвано было лишь обеспечить их участие в работе международной организации, ни в чем не меняя фактических членских прав СССР и, разумеется, не увеличивая его влияния на деятельность организации [90].

В данной позиции С. Боратынского далеко не все бесспорно. Во-первых, Сталин не мог и не хотел примириться в условиях укрепления международного авторитета и влияния СССР с отведенной ему ролью быть в меньшинстве в Организации, призванной обеспечивать мир и международную безопасность. Во-вторых, допуск 16 советских республик как раз м е н я л соотношение сил в Организации. Вспомним, что в составленный американской делегацией в Думбартон-Оксе список Объединенных Наций и присоединившихся к ним государств входило всего 44 страны, в том числе вместе с США 14 американских государств и вместе с Великобританией 6 членов Британского содружества. Это означало, что СССР вместе с 16 союзными республиками и тремя другими союзными странами обладал бы в Генеральной Ассамблее блокирующей третью голосов, поскольку в Думбартон-Оксе было согласовано, что важные решения Генеральной Ассамблеи принимаются большинством в две трети голосов. СССР располагал бы самой большой и сплоченной группировкой государств в лице 16 союзных республик, которые бы безоговорочно поддерживали и проводили его политику. В-третьих, вряд ли Сталин, Молотов и другие представители руководства СССР искренне хотели только обеспечить участие республик в работе международной организации и не стремились нажить на этом политические дивиденды. Замысел закона от 1 февраля 1944 г. и последовавшего на его основе требования о допуске советских республик в эту организацию состоял в том, чтобы укрепить позиции Советского Союза в ней, используя республики в качестве удобных политических инструментов проведения советской внешней политики.

3. Рост национального сознания и национальной гордости за успехи в героической борьбе против немецко-фашистских захватчиков, наблюдавшийся у народов и республик Советского Союза. Особенно сильное стремление к возрождению своих суверенных прав было в Литве, Латвии, Эстонии, Беларуси и Украине. Как считает американский исследователь К. Савчук, вхождение представителей различных республик в Объединенные Нации, с одной стороны, удовлетворяло бы национальные чаяния народов этих республик, а с другой — давало бы дополнительные голоса и многие другие преимущества для советского правительства [91].

4. Включение советских республик в состав новой организации могло быть использовано советским руководством для их международно-правового признания, для их участия в других международных форумах, что несомненно отвечало бы интересам СССР. Необходимо также учитывать и то, что в 1944 г. СССР не имел дружественных ему государств в Восточной Европе; трудно было предугадать дальнейшее развитие событий в Польше, Венгрии или Румынии после освобождения их от фашизма. Поэтому советское руководство было вынуждено «создавать» себе союзников на международной арене. Союзные республики, имевшие формальное право выхода из Союза ССР и получившие внешнеполитические полномочия, а с другой стороны, остававшиеся в сильной зависимости от Центра, весьма подходили для этой роли.

5. Советское руководство настаивало на статусе союзных республик как первоначальных членов, т. е. членов-учредителей Международной организации безопасности, поскольку было очень сомнительно, чтобы они могли быть приняты в ряды организации после ее создания. США и латиноамериканские страны, Великобритания и ее доминионы, европейские, азиатские и африканские государства, т. е. Объединенные Нации и присоединившиеся к ним государства, не признавали советские союзные республики в качестве суверенных и независимых государств, поэтому маловероятно, чтобы они поддержали их прием в ООН после создания организации с учетом тогдашнего статуса союзных республик [92].

Советское руководство, выдвинув максимальный план включения в первоначальные члены организации всех 16 республик, очевидно, не питало иллюзий о возможности полного удовлетворения этого требования. С учетом весь-

ма сдержанной и выжидательной реакции англо-американской печати на конституционные изменения в СССР ему должно было быть ясно, что ни общественное мнение США и Великобритании, ни влиятельные политические круги в этих странах, ни Рузвельт и Черчилль не могут согласиться на максимальное удовлетворение советской просьбы. Послание Сталина Рузвельту от 7 сентября 1944 г., в котором упоминались две республики — Украина и Беларусь, ясно указывало на тот предел, дальше которого советская дипломатия не собиралась отступать. Ее аргументы в пользу этих двух республик подготовили почву для постановки вопроса о членстве Украины и Беларуси на приближавшейся встрече «большой тройки» [93].

Думбартон-Окс обнажил разногласия между делегациями СССР и западных держав по двум ключевым аспектам проблемы первоначального членства в Международной организации безопасности: членства советских союзных республик и членства «присоединившихся наций». За различными подходами к этой проблеме скрывались различные интересы членов «большой тройки». Предстояла сложная дипломатическая борьба, в которой стороны не могли обойтись без компромиссов.

Глава III

ЯЛТА: СОГЛАСИЕ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА ДОПУСК УКРАИНСКОЙ ССР И БЕЛОРУССКОЙ ССР В ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ ОРГАНИЗАЦИИ

В рамках подготовки встречи в Крыму и с целью выяснения позиций СССР и США по «белым пятнам», оставшимся от Думбартон-Окса, в январе 1945 г. в Вашингтоне состоялись две встречи советского посла Громыко со специальным помощником госсекретаря США по вопросам послевоенного планирования Л. Пасвольским. В своих воспоминаниях Громыко высоко оценивал этого американского дипломата, считая его «мозговым центром государственного департамента США по проблемам, связанным с ООН» [1].

Первая беседа, состоявшаяся 11 января, велась на русском языке, в обстановке чрезвычайного дружелюбия и касалась проблем будущей международной организации. Громыко вновь поднял вопрос о членстве в ней советских республик. Пасвольский в секретном меморандуме в госдепартамент сообщал, что Громыко сказал ему, что многие советские республики являются более значительными, чем, например, Либерия или Гватемала (входившие уже тогда в число Объединенных Наций.— *В. С.*). К тому же они имеют собственные конституции и самостоятельно занимаются своими иностранными делами. На вопрос Пасвольского, считает ли он их независимыми странами в общепринятом значении этого выражения, Громыко ответил, что «конечно, это так, хотя они также являются очень тесно связанными как члены федерации» [2]. Пасвольский не согласился с этим и сказал, что этот вопрос должен быть обсужден на предстоящей конференции «большой тройки». Громыко разделил это мнение, подчеркнув большое значение, которое он придавал данному вопросу [3].

На состоявшейся 13 января второй встрече Громыко

вновь упомянул вопрос о представительстве советских республик. Американский представитель сказал, что советское правительство, желая включения советских республик в первоначальные члены организации, выступает в то же время за исключение из этого состава «ассоциированных наций» и нейтральных стран. Он констатировал, что правительство США не имеет новых мыслей ни о советских республиках, ни об ассоциированных нациях [4].

Обмен мнениями между Громыко и Пасвольским не привел к каким-либо сдвигам в позициях двух стран по вопросу первоначального членства. Единственным результатом этих бесед было обоюдное мнение о том, что накануне Ялтинской конференции стороны уже не будут пытаться найти компромисс в вопросах, связанных с несогласованными пунктами итогового документа, принятого в Думбартон-Оксе [5], оставив их окончательное урегулирование на усмотрение руководителей трех держав.

Отправляясь в Крым, Рузвельт был настроен решительно противодействовать советской просьбе о членстве союзных республик в новой организации [6]. В беседе с группой влиятельных американских сенаторов он говорил, что достаточно только развеять флаги всех 48 штатов, чтобы Сталин быстро и неорганизованно отступил [7]. Как отмечает В. Аспатуриан, официальная позиция администрации США продолжала базироваться на незаслужившей доверия посылке о том, что советское предложение является «капризным жестом или неудачной шуткой». По его мнению, к Ялтинской конференции американской делегацией не было подготовлено серьезных аналитических документов, чтобы во всеоружии встретить новую постановку «дела X» [8]. Однако на этот раз американцы были настроены вести резкую полемику с советскими представителями по данному вопросу.

На прошедшей накануне Крымской конференции встрече Рузвельта и Черчилля на Мальте они сблизили свои позиции с мнением СССР по процедуре голосования в Совете Безопасности. Американцы считали, что теперь очередь за советской стороной, ожидая от нее сокращения своих требований о представительстве только 2—3 союзных республик [9]. На пути в Крым члены американской и английской делегаций разработали общую тактику своего поведения на конференции. В частности, вопрос о допуске советских республик подробно обговаривался

Гопкинсом и Иденом [10]. Стеттиниус писал в своей книге о Ялтинской конференции: «Англичане сообщили нам, что они целиком согласны с нами в том, что советская просьба является абсурдной» [11]. Западные державы придерживались согласованных действий в Ялте, несмотря на различие интересов и подходов к проблеме членства советских республик в организации.

Крымская (Ялтинская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании — состоялась 4—11 февраля 1945 г. Сталин, Рузвельт и Черчилль встретились за одним столом, чтобы принять важные решения по вопросам дальнейшего ведения войны и послевоенного устройства мира. Одно из важнейших мест на конференции занял вопрос о создании Организации Объединенных Наций. При этом стороны сосредоточили свои усилия на решении двух несогласованных в Думбартон-Оксе проблем: о процедуре голосования в Совете Безопасности и о первоначальном членстве. Эти «белые пятна», как и другие вопросы, связанные с приближавшейся учредительной конференцией Объединенных Наций, обсуждались на 4 из 8 пленарных заседаний глав правительств, а также во вспомогательных органах конференции — на заседаниях министров иностранных дел и подкомиссии по определению членов-учредителей будущей организации.

В разработанных специальной группой сотрудников НКИД СССР рекомендациях для советской делегации в качестве программы-минимум выдвигалась задача добиваться участия в организации вместе с делегацией СССР также делегаций двух республик — Беларуси и Украины. По мнению этой рекомендационной группы, существовали определенные международно-правовые и внутриорганизационные предпосылки для выполнения этой задачи, в частности, констатация того, что ни одна делегация не будет иметь права вмешиваться во всю совокупность дел учредительной конференции, а затем и действующей организации [12].

Крымская конференция показала, что правительства СССР и США подготовили компромиссные предложения по процедуре голосования в Совете Безопасности и первоначальному членству, которые учитывали интересы другой страны. Советское правительство сняло свое требование о включении всех союзных республик в число учредителей организации. В свою очередь на заседании глав

правительств 6 февраля американская делегация выступила с новым предложением по процедуре голосования в Совете Безопасности, учитывавшим точку зрения СССР. Внося это предложение, государственный секретарь Э. Стеттиниус (сменивший на этом посту К. Хэлла) заявил, что оно находится в полном соответствии с особой ответственностью великих держав за сохранение всеобщего мира и требует безусловного единогласия постоянных членов Совета по всем важнейшим решениям [13]. Как известно, советское правительство настаивало на соблюдении особой ответственности и безусловного единогласия великих держав.

После окончания пленарного заседания от 6 февраля собралась советская делегация, чтобы еще раз обсудить положение дел с так называемыми вопросами Думбартон-Окса. Было решено принять американскую формулу голосования в Совете Безопасности и вместе с тем отмечено, что в Ялте необходимо, не ожидая созыва учредительной конференции Объединенных Наций, решить вопрос об участии в организации советских западных республик [14].

На 4-м заседании глав правительств 7 февраля Молотов заявил о согласии советского правительства принять американское предложение, что означало решение одного из главных и принципиальных вопросов, касавшихся создания и характера будущей международной организации. Рузвельт заявил о своем глубоком удовлетворении относительно согласия советского правительства с его предложениями. Черчилль выразил горячую благодарность советскому правительству за тот огромный шаг, который был им сделан навстречу общим взглядам, выработанным в Думбартон-Оксе [15].

В атмосфере возникшего на заседании благожелательного отношения к Советскому Союзу Молотов поднял вопрос об участии советских республик в Международной организации безопасности в качестве членов-учредителей. В Ялте СССР поставил этот вопрос уже не в той форме, в какой это было сделано в Думбартон-Оксе, учтя реакцию США и Великобритании. «Советская делегация,— заявил Молотов,— считает правильным и справедливым, чтобы три или по крайней мере две из советских республик находились в числе инициаторов международной организации. Речь идет об Украине, Белоруссии и Литве» [16].

Молотов сказал, что считает излишним говорить о зна-

чении Украины, Беларуси и Литвы как внутри СССР, так и на международной арене, их населении и экономических ресурсах. Эти республики понесли наибольшие жертвы в войне и были первыми территориями, на которые вторглись немцы. От имени советского правительства Молотов обратился с просьбой к Рузвельту и Черчиллю, чтобы три или по крайней мере две из названных республик были признаны первоначальными членами международной организации [17].

Если кандидатуры Беларуси и Украины уже упоминалась в послании Сталина Рузвельту 7 сентября 1944 г., то кандидатура Литвы появилась впервые. Включение ее в формулу «три или по крайней мере две» отражало тактические, а не стратегические цели советской просьбы. С самого начала антигитлеровской коалиции вопрос о включении Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР и признании Западом границ Советского Союза по состоянию на 22 июня 1941 г. был предметом разногласий. США, Великобритания и другие западные государства не признавали вхождения прибалтийских республик в состав СССР. Включение Литвы в список кандидатур на участие в новой международной организации имело для советского руководства целью признание Западом на высшем уровне де-факто новых советских правительств в Вильнюсе, Риге и Таллинне. Это означало также попытку советской дипломатии проверить реакцию своих союзников на предмет возможной постановки вопроса о балтийских республиках в границах СССР на конференции в Ялте и других международных переговорах [18].

Но поскольку США и Великобритания по-прежнему отказывались признавать инкорпорацию Литвы, как и двух других балтийских государств, в состав СССР, то они отрицательно отнеслись к предложению о включении Литвы в число членов-учредителей организации. В дальнейшем ее кандидатура в связи с проблемой первоначального членства уже не поднималась.

После того как на заседании 7 февраля Молотов поднял вопрос о представительстве трех или двух советских республик, Рузвельт сказал Стеттиниусу: «Это не так хорошо» [19], а затем спросил Молотова, идет ли речь о том, чтобы эти республики стали членами Ассамблеи, а не Совета Безопасности [20]. Молотов ответил утвердительно, сказав, что среди нескольких десятков членов Ассамблеи эти две или три республики займут достойное место [21].

Далее, согласно американским и английским документам, он провел параллель между британскими доминионами и советскими республиками. Отметив тот факт, что доминионы постепенно достигли независимости и своего нынешнего международного статуса, Молотов сказал, что аналогичным путем идут и советские республики [22]. В заключение он снова повторил, что советская делегация полностью согласна с предложением Рузвельта о процедуре голосования и снимает свои возражения по данному вопросу, но хотела бы, чтобы три или две советские республики стали членами-учредителями международной организации [23].

Главную тяжесть полемики с советской делегацией по вопросу о первоначальном членстве взял на себя президент Рузвельт, который подготовился к этой дискуссии, но не предусмотрел той затруднительной ситуации, в которую он попал 7 февраля. Действительно, СССР принял его предложение, и теперь Сталин ожидал ответной уступки с американской стороны. В ответ Рузвельт произнес длинную речь, в которой он прибег к обычным для него приемам, пытаясь уклониться от прямо поставленного вопроса и уйти в область общих рассуждений: о великих державах и малых странах, их государственном устройстве и традициях. Сталин уже начинал проявлять признаки нетерпения и раздражения, слушая перевод не имеющих отношения к делу замечаний Рузвельта, когда специальный помощник президента Г. Гопкинс написал записку: «Г-н президент, мне думается, что вам следует попытаться добиться передачи этого вопроса на рассмотрение министров иностранных дел, прежде чем возникнут неприятности. Гарри» [24].

Вместе с тем в пространном выступлении Рузвельта были подняты и некоторые важные вопросы, отражавшие интересы США. Указав, что вопрос об Украине, Беларуси и Литве очень интересен, он заметил что данный вопрос требует изучения, а в целом проблемой первоначального членства можно будет заняться лишь после создания организации. Рузвельт также связал вопрос о членстве советских республик с возможностью для крупных держав иметь в международной организации больше чем один голос. Если дать какой-либо стране больше одного голоса, то нарушается правило, когда каждый член организации должен иметь только один голос [25]. В заключение Рузвельт, приняв совет Гопкинса, предложил поручить

министрам иностранных дел обсудить вопрос о первоначальных членах организации, а также о месте и времени созыва учредительной конференции.

Взявший затем слово Черчилль отметил, что вопрос о числе членов в Ассамблее поднят нашим русским союзником в новой форме, что означает крупный шаг на пути к договоренности. Он широко охарактеризовал различия в правовом статусе штатов США, британских доминионов и советских республик, особо подчеркнув заметную роль доминионов в Лиге Наций и в войне против Германии [26]. Выслушав предложение советского правительства с чувством глубокой симпатии, Черчилль заявил, что его сердце тронуто и обращено к великой России, истекающей кровью, но поражающей тирана на своем пути. «Мое сердце с Белой Русью (Уайт Раша), истекающей кровью и повергнувшей тиранов» [27],— добавил премьер-министр.

Он также сказал, что столь великая нация, как Россия, с ее 180-миллионным населением имела бы основания косо смотреть на Британское Содружество наций, если бы она имела только один голос, хотя население России намного превышает белое население Британской империи. Сославшись на отсутствие полномочий со стороны военного кабинета в Лондоне, премьер-министр не смог дать сразу ответ от имени британского правительства на предложение советской делегации. Но он попросил Рузвельта дать положительный ответ на это предложение [28].

Решительная поддержка Черчиллем просьбы советского правительства создало новую обстановку на конференции, благоприятствовавшую удовлетворению этой просьбы. Рузвельт фактически оказывался в одиночестве. Объясняя мотивы позиции Черчилля, Шервуд пишет: «Я не знаю, какие у него были для этого основания, однако для присутствовавших там американцев было ясно, что он руководствовался интересами Британской империи и особенно проблемой Индии» [29]. Как отмечалось, Индия подписала Декларацию Объединенных Наций, и теперь английские колониальные власти в Индии должны были направить в международную организацию своих представителей. В такой обстановке Великобритании было трудно выступить против предоставления прав членов этой организации советским республикам, формально являющимся суверенными государствами.

8 февраля Черчилль направил письмо в Лондон вице-премьеру К. Эттли, в котором, излагая ход конференции

и отмечая, что русские приняли американские предложения, писал: «Они (советская делегация.— *В. С.*) также сократили свои требования с шестнадцати членских голосов в Ассамблее до двух, обосновывая это тем, что Белоруссия и Украина так сильно пострадали и старались так хорошо, что они должны быть обсуждены для включения в первоначальные члены новой мировой организации. Президент отнюдь не отверг эту идею, хотя очевидны осязаемые трудности американской позиции...» [30] Британское правительство не испытывало подобных затруднений, что лишний раз указывало на различие в позициях между американцами и англичанами.

В своем письме Черчилль указывал на то, что наличие для Великобритании четырех или пяти голосов, шестым может стать Индия, в то время как Советский Союз имеет только один голос, является вопросом большого значения. Ввиду других важных уступок со стороны СССР, которые были сделаны или ожидались, он хотел сделать дружеский жест по отношению к Москве в этом вопросе, полагая, что два дополнительных голоса для нее «это не так уж много». Более того, премьер-министр считал, что позиция Великобритании в результате такого «дружеского жеста» усилится, поскольку она уже будет не единственным членом организации, имеющим несколько голосов [31]. По мнению Черчилля, «уступка» СССР (сокращение требуемого числа голосов с 16 до 2) и признание им за Великобританией права на большее представительство приведут на конференции к урегулированию всех вопросов, касающихся Думбартон-Окса, на основе единодушного соглашения.

Британский военный кабинет, рассмотревший 8 февраля советское предложение, решил согласиться с предоставлением УССР и БССР мест в международной организации. При этом констатировалось, что Британская империя будет представлена в ней 6 членами [32]. В Лондоне также учитывали, что латиноамериканские государства будут ориентироваться в этой организации на США. Не случайно Черчилль писал о «латиноамериканском хвосте» США [33].

Обсуждению проблем, связанных с новой постановкой вопроса о первоначальном членстве советских республик, была посвящена беседа между Стеттиниусом и Рузвельтом, состоявшаяся в Ялте после пленарного заседания 7 февраля. Она проливает свет на мотивы действий Ста-

лина, настаивавшего на включении в первоначальные члены 2—3 республик и прежде всего Украины. Вот что писал Стеттиниус в своих мемуарах об этой беседе: «Анализируя вопрос о дополнительных местах для Советского Союза, президент сказал мне, что тем вечером (7 февраля) в Ялте Сталин чувствовал, что его позиция по Украине была сложной и ненадежной. Голос для Украины был важен, как заявил маршал, для советского единства» [34]. Сталин объяснял Рузвельту, что три голоса были ему необходимы для одобрения со стороны других советских руководителей участия СССР в создании международной организации.

Как явствовало из указанной беседы, Рузвельт отдавал себе отчет в том, что Великобритания ввиду особенностей структуры Британской империи не будет возражать против Украины и Беларуси. Если раньше он отвергал мысль о представительстве всех советских республик, то теперь стал более терпимо относиться к просьбе СССР, прийдя к выводу, что членство Украины и Беларуси не изменит положения Советского Союза в международной организации. «Фактическая власть,— сказал Рузвельт,— будет осуществляться Советом Безопасности, а в этом органе любая страна, большая или малая, будет иметь только один голос» [35]. Он также сказал Стеттиниусу, что с точки зрения географии и населения не считает, что есть что-то нелепое в русском предложении о двух дополнительных голосах для Украины и Беларуси [36]. Тем самым президент США фактически одобрил предложение о предоставлении двум указанным республикам права членов международной организации. Многие члены американской делегации, в том числе А. Гарриман, полагая, что Сталин будет считать себя крепко обойденным с числом голосов, с удовлетворением узнали об уменьшении им своего требования с 16 до 2 дополнительных голосов [37].

Однако ряд членов делегации и сам Стеттиниус придерживались другого мнения. 8 февраля перед заседанием министров иностранных дел члены делегации США распространили в кулуарах конференции меморандум, озаглавленный «Аргументы против включения любой советской республики в первоначальные члены» международной организации. Документ, автором которого был, скорее всего, заместитель директора канцелярии по специальным политическим делам госдепартамента США А. Хисс, состоял из трех пунктов и примечания. В нем

говорилось следующее: 1. Республики не подписали Декларацию Объединенных Наций, т. е. не выполнили условие, поставленное в Думбартон-Оксе самой же советской делегацией. 2. В соответствии с рекомендацией Рузвельта, сделанной на 4-м пленарном заседании, предлагалось обсудить советское предложение после создания международной организации. 3. Республики не могут стать членами международной организации, поскольку ни одна из них не является суверенной с точки зрения международного права. В частности, отмечалось, что «советская конституция не разрешает советским республикам контролировать собственную внешнюю политику и иностранные дела», и утверждалось, что «Индия имеет больше атрибутов самостоятельной государственности, чем советские республики» [38]. В примечании говорилось, что в случае отклонения данных аргументов и дальнейшей поддержки Советским Союзом членства союзных республик американская делегация резервирует за собой право потребовать отдельного представительства для каждого из 48 штатов США [39].

На заседании министров иностранных дел 8 февраля дискуссия по вопросу членства советских республик происходила на основе текста данного меморандума [40], хотя в опубликованных советских материалах Крымской конференции этот документ не упоминается [41]. Стеттиниус сочувственно отнесся к вопросу о членстве советских республик, хотя и заявил, что в разработанных в Думбартон-Оксе предложениях предусмотрено предоставление каждому государству только одного голоса, и он не знает, как предусмотреть для отдельных государств несколько голосов. Иден также заявил о сочувственном отношении британского правительства к членству советских республик [42]. В отношении принципа одно государство — один голос он сказал, что Канада и Австралия как составные части Британской империи будут отдельно присутствовать на Ассамблее [43].

Молотов в связи с заявлением Рузвельта о том, что каждое государство имеет один голос, вслед за Иденом упомянул Канаду и Австралию. Парируя пункт 3 меморандума США, он сказал, что изменения, которые были внесены в Конституцию СССР, дают союзным республикам право участвовать в международной жизни. Им вновь было подчеркнуто политическое, экономическое и военное значение Украины, Беларуси и Литвы [44].

Затем министры перешли к вопросу об участниках учредительной конференции Объединенных Наций. Молотов согласился со Стеттиниусом в том, что на нее должны быть приглашены страны, подписавшие Декларацию Объединенных Наций и объявившие войну Германии. Стеттиниус заявил, что советские республики могут быть приняты в число членов до первого заседания Ассамблеи организации. Иден сказал, что, возможно, Объединенные Нации могут согласиться увеличить число членов-инициаторов международной организации, включив две советские республики. Он готов поддержать это. Молотов настаивал зафиксировать предложение Идена формулировкой о том, что три министра иностранных дел договорились о целесообразности предоставить место двум или трем советским республикам [45]. Стеттиниус по-прежнему выступал за то, чтобы пригласить советские республики после учредительной конференции. Наконец Иден предложил, чтобы в повестке дня учредительной конференции был вопрос о приглашении дополнительных членов, которые присутствовали бы затем на первом заседании международной организации. Стеттиниус поддержал это предложение с оговоркой, что должен обсудить этот вопрос с президентом, надеясь на благоприятный ответ США. Иден на правах председателя заседания завершил на этом дискуссию, отметив, что по данному вопросу состоялась договоренность [46].

Предложение Идена о порядке включения УССР и БССР в международную организацию не могло полностью удовлетворить советскую делегацию, поскольку оно давало возможность дальнейшего маневрирования американским противникам советской просьбы. Советской дипломатии было необходимо вынудить делегацию США отказаться от маневрирования и дать твердое обещание поддержать советское предложение в Сан-Франциско [47].

В тот же день 8 февраля перед запланированной встречей между Сталиным и Рузвельтом Стеттиниус проинформировал президента о результатах заседания министров иностранных дел, подчеркнув, что Иден поддержал советское предложение о дополнительных голосах для СССР. Рузвельт ответил, что США придется поддержать это предложение [48]. Рузвельт был вынужден пойти на этот шаг ввиду нежелания англичан поддержать его

возражения против предоставления СССР двух дополнительных голосов. Но он заявил, что советское предложение не должно быть преподнесено как уже принятое в Ялте, а должно подвергнуться всестороннему обсуждению и поставлено на свободное голосование в Сан-Франциско [49].

Когда же на встрече между Сталиным и Рузвельтом Стеттиниус уже собирался сообщить Сталину о результатах заседания министров иностранных дел, Рузвельт опередил его, сказав, что министры достигли соглашения по повестке дня сегодняшнего пленарного заседания. Сталин спросил, достигли ли они согласия о дополнительных голосах для Советского Союза, на что президент ответил утвердительно [50].

На 5-м пленарном заседании 8 февраля Иден доложил о достигнутых министрами иностранных дел результатах по вопросам всемирной организации. Он сообщил, что на учредительную конференцию Объединенных Наций, созвать которую было намечено на 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско (США), будут приглашены только те государства, которые на такое-то февраля 1945 г., т. е. на момент окончания Крымской конференции, подпишут Декларацию Объединенных Наций. Конференция должна будет установить список первоначальных членов международной организации. При этом США и Великобритания поддержат предложение СССР о допуске к первоначальному членству двух советских республик [51].

К пленарному заседанию члены американской делегации получили подготовленный английской делегацией машинописный текст совместного отчета подкомитета, созданного на заседании министров иностранных дел в составе Громыко, Хисса и Джебба. Представитель США Хисс с удивлением прочитал, что и США поддержат предложение о включении Украины и Белоруссии в число первоначальных членов организации. Он запротестовал, поскольку в прежнем проекте отчета говорилось совсем другое, но тут же услышал от Идена: «Вы еще не знаете все, что произошло» [52].

Сталин, очевидно, не желая ставить точку в обсуждении вопроса о первоначальном членстве и ограничиваться, по его мнению, слишком общей формулировкой о «двух советских республиках», которая в будущем могла быть использована в ущерб интересам СССР, стремился усилить обеспечение прав Белоруссии и Украины [53]. Он

спросил, каково мнение конференции о подписании Белоруссией и Украиной Декларации Объединенных Наций до 1 марта, имея в виду, что ее подписание даст этим двум республикам право быть приглашенными на учредительную конференцию. Сталин пояснил, что может возникнуть такая ситуация, когда конференция рекомендует пригласить советские республики, а кто-нибудь скажет, что они не подписали Декларации [54].

Черчилль поддержал Сталина, отметив, что ему кажется не совсем логичным приглашать на конференцию все малые страны, которые почти ничего не сделали для победы и только теперь, в последний момент, объявили войну, и в то же время откладывать приглашение двух республик. По его мнению, если эти две советские республики, которые принесли огромные жертвы в войне с фашизмом, подпишут Декларацию Объединенных Наций, то их следует пригласить [55].

Рузвельт снова сделал попытку уклониться от существа вопроса, отметив, что на конференции Объединенных Наций три державы будут рекомендовать включение советских республик в число членов-инициаторов. Сталин попросил президента объяснить, в чем его трудности. Рузвельт ответил, что это технический, но тем не менее важный вопрос, который связан с предоставлением Советскому Союзу трех голосов в Ассамблее. Он повторил, что решение этого вопроса должно быть предоставлено представителям всех Объединенных Наций в Сан-Франциско, дав при этом заверение, что США поддержат советское предложение. Сталин спросил: «Не помешает ли приглашению Украины и Белоруссии тот факт, что они не подпишут Декларацию Объединенных Наций до 1 марта?» Рузвельт ответил отрицательно. После этого Сталин снял свое предложение, и президент выразил ему свою благодарность за это решение. В заключение Сталин попросил вставить названия республик — Украина и Белоруссия — в текст решений министров иностранных дел, на что Рузвельт и Черчилль дали свое согласие [56].

На пленарном заседании 8 февраля в связи с рассмотрением списка стран, объявивших войну Германии, был в принципе решен еще один спорный вопрос, доставшийся от Думбартон-Окса: какие страны приглашать на учредительную конференцию всемирной организации. Советский Союз дал согласие на приглашение на эту конференцию ряда присоединившихся наций, сняв тем са-

мым выдвигавшиеся им в Думбартон-Оксе возражения на этот счет. В протоколе Крымской конференции записано, что в работе учредительной конференции примут участие Объединенные Нации по составу на 8 февраля 1945 г., а также те из присоединившихся наций, которые объявят войну общему врагу не позднее 1 марта 1945 г. Под термином «присоединившиеся нации» имелись в виду 9 государств: 6 стран Латинской Америки, Египет, Исландия и Турция.

Накануне конференции в Сан-Франциско правительство США принимало энергичные меры, чтобы побудить максимальное количество стран Латинской Америки срочно объявить войну Германии, что дало бы им право войти в число государств-учредителей ООН. Имея огромное влияние в этих странах, Вашингтон рассчитывал обеспечить себе в новой организации поддержку с их стороны, а тем самым получить большинство голосов в ней [57].

Обещание Рузвельта поддержать кандидатуры Украины и Беларуси встретило недовольство у некоторых членов американской делегации. 8 февраля после окончания 5-го пленарного заседания член делегации Дж. Бирнс (сменивший через несколько месяцев Стеттиниуса на посту государственного секретаря) поделился с президентом своими опасениями о возможной отрицательной реакции американского общественного мнения на согласие администрации предоставить СССР два дополнительных голоса. Напомнив о беседе с сенаторами перед отъездом в Европу, на которой Рузвельт обещал в случае выдвижения советского предложения о членстве советских республик настаивать на представительстве в организации всех 48 штатов, Бирнс сказал, что советские республики не являются более независимыми, чем штаты нашего союза [58].

Бирнс также постарался привлечь внимание президента к опасным последствиям принятия советского предложения и привел аргументы противников вступления США в Лигу Наций, которые обращали внимание на то, что Англия с ее доминионами имела в Лиге 5 голосов, США — только один. Он опасался, что сейчас политические противники Рузвельта из республиканской партии, изоляционисты могли резко выступить против предоставления СССР двух дополнительных мест в Ассамблее. Бирнс предложил президенту исправить ситуацию и потребовать для США также два дополнительных места.

Рузвельт ответил, что теперь, когда вопрос уже решен, это предложение вряд ли пройдет, но пообещал обсудить его [59].

О замешательстве внутри американской делегации в связи с неожиданным согласием президента на включение двух советских республик в число первоначальных членов организации свидетельствуют и сделанные делегацией США записи к материалам 6-го пленарного заседания конференции от 9 февраля. В них говорится о том, что после согласия президента с советским предложением Бирнс был очень взволнован, и он обсудил это с другим членом делегации Флинном. Флинн заявил, что ирландцы в США никогда не согласятся с тем, чтобы Англия имела шесть голосов, Россия — три, а США — один, что Думбартон-Окс мертв. Бирнс вместе с Черчиллем и Рузвельтом обсуждал на завтраке 9 февраля вопрос о том, чтобы дать голоса Пуэрто-Рико, Гавайям и Аляске. Автор данного примечания пишет, что он сказал Рузвельту, что если бы президент мог добиться от Сталина освобождения его от этого обязательства, то это было бы лучшим решением [60].

9 февраля Бирнс в беседе с Черчиллем рассказал ему о трудностях американской позиции после возвращения домой, когда будет достигнуто соглашение дать русским три дополнительных голоса против нашего одного. Черчилль ответил, что он готов с радостью голосовать за разрешение иметь три голоса для Соединенных Штатов. Затем Бирнс обратился за поддержкой к Гопкинсу, зная его влияние на президента и рассказав ему о своем предложении, которое тот поддержал [61]. После этого они вдвоем подошли к Рузвельту и посоветовали ему отозвать согласие в отношении двух советских республик, пока Россия не согласится, чтобы и Соединенные Штаты имели три голоса [62]. Их совместные усилия оказались успешными. В Ялте президент по настоянию Бернса и некоторых других членов делегации обратился с письмами к Черчиллю и Сталину по данному вопросу.

10 февраля из Ливадийского дворца Рузвельт направил письмо Сталину на виллу Кореиз, в котором указал на возможные политические трудности, с которыми он мог встретиться в США в связи с количеством голосов великих держав в Ассамблее международной организации. Подтвердив свое обещание поддержать на учредительной конференции кандидатуры Украины и Беларуси, пре-

зидент писал: «Я несколько обеспокоен тем, что могут указывать на наличие у Соединенных Штатов лишь одного голоса в Ассамблее. Поэтому мне, может быть, будет необходимо, для того чтобы Конгресс и народ Соединенных Штатов полностью одобрили наше участие в Международной организации, попросить о предоставлении дополнительных голосов в Ассамблее с целью уравнять положение Соединенных Штатов» [63]. Это предложение Рузвельта получило название «перестраховочной статьи» [64].

На следующий день Сталин дал ответ Рузвельту, в котором говорилось: «Я совершенно согласен с Вами, что, поскольку число голосов Советского Союза увеличивается до трех в связи с включением в список членов Ассамблеи Советской Украины и Советской Белоруссии, следует также увеличить количество голосов для США. Я думаю, что можно было бы довести количество голосов США до трех, как у Советского Союза и его двух основных Республик. Если это понадобится, я готов официально поддержать это свое предложение» [65].

11 февраля Рузвельт направил письмо Черчиллю в Воронцовский дворец, в котором также писал о политических трудностях, которые он может встретить в связи с ратификацией конгрессом соглашения в Думбартон-Оксе, поскольку Соединенные Штаты являются единственной из трех великих держав, имеющей только один голос в Ассамблее [66]. На следующий день Черчилль сообщил президенту о полной поддержке предложения США [67]. Тем самым Рузвельт получил оперативно и без всяких возражений заверения руководителей СССР и Великобритании в поддержке требования о предоставлении двух дополнительных голосов США, если таковое будет выдвинуто.

Среди членов американской делегации обсуждался вопрос и о том, какие штаты могли быть включены в число первоначальных членов организации. Чаще других назывались Техас и Миссисипи. А Бирнс в шутку предложил Гавайи и Аляску [68], что можно было истолковать как его стремление дискредитировать саму идею дополнительных голосов для СССР и США.

К. Савчук, отвечая на вопрос, почему Сталин сразу поддержал просьбу Рузвельта, пишет, что политический риск, на который шел президент, был неизвестен. То, что легко решалось в СССР, могло вызвать большие труд-

ности в США [69]. Имея в своих руках хорошо организованную партию, располагавшую всей полнотой политической власти, Сталин мог себе позволить предоставить республикам формальные внешнеполитические полномочия, чтобы использовать их в качестве инструментов советской внешней политики. Но американское правовое государство представляло собой совершенно иную общественно-политическую систему с другими механизмами контроля за деятельностью штатов. К тому же предоставление двум штатам мест в ООН могло вызвать большие споры внутри страны и недовольство других штатов. Поэтому правительство США довольно быстро отказалось от своего предложения. Об этом писал и Стеттиниус, указывая, что еще до своей смерти Рузвельт решил, что Соединенные Штаты не будут просить о предоставлении им трех голосов в Ассамблее ООН. Считая просьбу президента ошибочной, он рассматривает вышеупомянутые письменные ответы руководителей СССР и Великобритании как еще одно письменное доказательство того взаимопонимания, которое существовало в то время между Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным [70].

Последний раз вопрос о двух советских республиках был поднят на последнем, 8-м пленарном заседании 11 февраля. При обсуждении проекта коммюнике конференции советская делегация предложила дополнить раздел IV «Конференция Объединенных Наций» после первых двух абзацев новым абзацем следующего содержания: «Было также решено рекомендовать конференции пригласить в качестве первоначальных членов международной организации безопасности Украину и Белоруссию» [71].

Рузвельт заявил, что оглашение этого решения в настоящее время создало бы для него политические затруднения в США, и предложил удовлетвориться достигнутым на конференции соглашением о том, что американцы поддержат предложение о приглашении двух советских республик в качестве первоначальных членов организации. Черчилль также сказал, что в случае опубликования решения о советских республиках могут возникнуть большие трудности и споры. Британские доминионы могут заявить протест против того, чтобы одно государство имело больше одного голоса. Ему необходимо снестись с доминионами и подготовить их по вопросу об участии Украины и Беларуси в качестве первоначальных членов. Поэтому Черчилль предложил соглашение об

Украине и Беларуси записать в решениях конференции (которые были секретными.— *В. С.*). В связи с этим Сталин снял свое предложение. Рузвельт заявил, что согласие Сталина снять советское дополнение поможет ему избежать войны с ирландцами в США [72].

Стеттиниус в своей книге о Ялтинской конференции называет несколько причин того, почему Рузвельт был против опубликования решения о советских республиках. Во-первых, он хотел иметь возможность лично объяснить это соглашение лидерам конгресса. Во-вторых, он хотел дать возможность и Черчиллю решить, как лучше изложить его в палате общин. В-третьих, из-за этой договоренности внутри американской делегации в Ялте возникли разногласия. Некоторые члены делегации надеялись, что Советский Союз, возможно, удастся убедить отказаться от этого требования. Но такой возможности не представилось [73]. Бирнс называет еще одну причину держать данную договоренность в секрете: необходимость информирования Франции и Китая о решениях конференции [74].

В коммюнике об итогах Крымской конференции, подписанном главами правительств, переданном по радио в ночь с 12 на 13 февраля в Москве, Лондоне и Вашингтоне одновременно и опубликованном 12—13 февраля, в том числе в «Известиях», не было упоминания о договоренности относительно УССР и БССР. Эта договоренность была зафиксирована в секретном протоколе работы Крымской конференции, подписанном министрами иностранных дел. В разделе I «Всемирная организация» под пунктом «2в» говорилось, в частности, следующее: «Когда будет происходить конференция о всемирной организации, делегаты Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки поддержат предложение о допуске к первоначальному членству двух Советских Социалистических Республик, а именно Украину и Белоруссию» [75]. Протокол был впервые опубликован на Западе (в США) 24 марта 1947 г. [76], а в СССР в 1955 г. [77]

Таким образом, менее полугода понадобилось трем державам, чтобы после Думбартон-Окса преодолеть тупик в вопросе о первоначальных членах будущей организации, прежде всего относительно советских республик, и добиться в Ялте договоренности о допуске двух из них— Украины и Беларуси в число членов-учредителей Организации Объединенных Наций. Данное Рузвельтом и

Черчиллем обязательство поддержать их на учредительной конференции в Сан-Франциско значило очень многое. Ввиду огромного политико-дипломатического и финансово-экономического влияния США и Англии на большинство Объединенных Наций, участников будущей учредительной конференции, можно было почти без сомнений гарантировать реализацию этой договоренности и ее поддержку со стороны их союзников. Такое же обязательство вскоре после Крымской конференции взяло на себя китайское правительство [78].

История дипломатической борьбы вокруг вопроса о членстве советских республик в международной организации показывает, что все три главных действующих лица — Сталин, Рузвельт и Черчилль — руководствовались в данном вопросе национально-государственными интересами своих держав и конкретными политическими соображениями. В этой связи попытаемся найти ответ на вопрос, почему Сталин настаивал на включении именно Украины и Беларуси?

Сталин и Молотов, а вслед за ними вся советская историография дают на это достаточно четкий и аргументированный ответ: это объясняется героическим вкладом Украины и Беларуси, принявших на себя первый удар фашизма и понесших огромные жертвы в войне с врагом, в общее дело Объединенных Наций, а также размерами территории и населения этих, по выражению Сталина, «двух основных республик» СССР, превосходивших ряд других Объединенных Наций. Эту аргументацию в целом разделяли Рузвельт и Черчилль. Однако западные исследователи называют и некоторые другие причины того, почему Советский Союз настаивал на принятии этих двух республик.

1. Это стремление получить хотя бы два дополнительных голоса в международной организации. Американский профессор А. Даллин в книге «Советский Союз в Объединенных Нациях» характеризует требование СССР о представительстве двух республик как «грубый политический маневр, по-видимому, рассчитанный по крайней мере на частичную компенсацию Советским Союзом за количественное превосходство западного блока» [79].

2. Это стремление убедить белорусов и украинцев в том, что Москва желает удовлетворения их национальных интересов и чаяний. О сильном «националистическом движении» на Украине и Беларуси говорил президент

Чехословакии Э. Бенеш в беседах с генералом Ш. де Голлем и Р. Массигли, состоявшихся в Алжире 2 и 3 января 1944 г.[80] В. Аспатуриан отмечает, что в Ялте вопрос об участии Украины и Беларуси был поставлен советской делегацией в связи с трудностями в отношениях с Украиной, с учетом того что отдельное представительство для Украины могло в некоторой степени удовлетворить национальную гордость украинцев[81]. О стремлении Сталина воздать должное украинской гордости, отметив вклад Украины в разгром нацистской Германии, говорит и канадский исследователь О. Субтельный[82]. Белорусские эмигрантские исследователи И. Любачко, Я. Бакасюк, В. Кипель также напрямую связывали подъем белорусского национального движения в годы войны с постановкой Сталиным вопроса о включении Беларуси в члены ООН[83].

3. Это была попытка, по словам И. Любачко, убедить внешний мир в доброй воле Советов и их способности понимать и решать национальные проблемы внутри страны[84]. При этом, указывает А. Даллин, Москву не смущали ни нелепая ситуация, которая вела к сепаратному членству, ни двойственное представительство двух республик, имевших «квазинезависимый статус»[85].

С точки зрения внутренней логики сталинской политики, рассматривавшей Украину, Беларусь и другие союзные республики как пешки в большой дипломатической игре, можно прийти к заключению, что все три вышеприведенных пункта, объясняющие мотивировку действий советского руководства в отношении Украины и Беларуси, имеют под собой основания.

4. Следует иметь в виду начавшийся в годы Великой Отечественной войны процесс возрождения идей славянства, общности исторических судеб славянских народов, их совместной борьбы против иноземных завоевателей. Украинцы и белорусы, которые на протяжении веков вместе с русскими, поляками, чехами, словаками, другими славянскими народами противостояли «Дранг нах Остен» и которые сильно пострадали от немецко-фашистской агрессии, получали как представители славянского мира своеобразное признание и одновременно вознаграждение фактом включения в число инициаторов международной организации.

Западные авторы, в частности известный американский советолог А. Улам, ставят вопрос о том, почему в

число 2—3 республик не была включена крупнейшая по территории и населению республика — РСФСР [86]. Ответа не дают советские и зарубежные документальные источники. Однако очевидно, что Сталин, который был и остался сторонником идеи «автономизации» советских республик вокруг России и который в определенной мере отождествлял РСФСР с Советским Союзом, не хотел привносить элементы этого отождествления в международную организацию.

Согласие Рузвельта и Черчилля на допуск двух республик в организацию также было продиктовано их политическими соображениями, в частности стремлением увязать эту уступку СССР с обеспечением своего влияния в будущей организации на группы тесно связанных с Англией и США стран Британского Содружества и Латинской Америки. О преимущественно политическом, а не юридическом подходе руководителей обеих западных держав к вопросу о первоначальном членстве советских республик говорило и то, что ни Рузвельт, ни Черчилль не рассматривали Беларусь и Украину, как и другие советские республики, в качестве суверенных и независимых государств, а только как тесно связанные с Центром, составные части единого Советского Союза.

Черчилль, всецело поглощенный военными делами, хорошо знал вклад Украины и Беларуси в борьбу Объединенных Наций против фашизма и поэтому считал естественным их право принадлежать к международной организации. Имперские интересы обеспечения позиций Британского Содружества в этой организации, в состав которой была включена даже колониальная Индия, требовали учета интересов и другой державы, стремившейся иметь дополнительные голоса в Ассамблее. Черчиллю приходилось считаться также с тем, что в первоначальные члены вошли и некоторые страны, находившиеся в сфере интересов Англии, которые не были тогда полностью независимыми государствами, как, например, Египет или Ирак. Польский историк К. Ковальский в связи с благоприятным отношением Черчилля к членству двух советских республик характеризует это как единственный пример в дипломатической практике второй мировой войны, когда Черчилль хлопотал о поддержке советских требований так, как будто боролся за свои собственные интересы [87].

Рузвельт, всеми силами стремившийся создать все-

мирную организацию безопасности, был вынужден пойти на уступку СССР и нарушить свой святой принцип: каждое государство должно иметь в организации один голос. Американские историки в книге об уроках Ялты отмечали, что эту уступку Рузвельт защищал неохотно; она фактически не была серьезным ударом по Уставу ООН и не давала Советскому Союзу преимущества в Генеральной Ассамблее, как ясно показали последующие события [88]. Президент стремился использовать прецедент с советскими республиками в своих целях. США поддержали включение в первоначальные члены организации английских доминионов и Индии, а также Филиппин, получивших независимость от США только в 1946 г.

Ответ на вопрос о том, почему союзники СССР пошли ему навстречу в вопросе о первоначальном членстве двух советских республик, следует искать и на фронтах второй мировой войны, и прежде всего в огромной заинтересованности американцев во вступлении Советского Союза в войну против Японии. В ходе Ялтинской конференции военные советники Рузвельта сообщили ему, что в случае ведения войны с Японией собственными силами она капитулирует не ранее 1947 г., что потребует от США дополнительно миллион человеческих жизней. Сотрудничество с Советским Союзом в войне против Японии было взаимосвязано с сотрудничеством в создании ООН, писал Стеттиниус [89]. Бирнс утверждал, что американское согласие на допуск Украины и Беларуси было бы немыслимо без так называемого японского катализатора [90].

Итоги Крымской конференции получили высокую оценку со стороны государств-участников конференции, других Объединенных Наций. Естественно, однако, что ни в выступлениях Рузвельта и Черчилля, ни в комментариях советской и зарубежной печати вопрос об Украине и Беларуси, содержавшийся в секретном протоколе, не упоминался, хотя в американской прессе уже начались всякие догадки относительно подписанных в Ялте каких-то секретных соглашений [91].

Восторженная оценка Ялты сменилась на Западе в годы «холодной войны» резкой критикой: ее стали именовать «Мюнхеном», где Англия и США капитулировали перед Сталиным; распространилось мнение, что Рузвельт был на конференции «усталый и больной человек», который дал себя «обмануть и перехитрить» [92]. Стеттиниус в своей книге о Ялтинской конференции, отвечая на на-

падки в адрес Рузвельта, писал, что СССР сделал больше уступок США и Великобритании, чем наоборот. Он привел перечень 12 существенных уступок, сделанных на конференции советской делегацией, назвав в их числе следующие: СССР принял американскую формулу голосования в Совете Безопасности; отказался от требования включения всех 16 республик в число основателей международной организации и довольствовался предоставлением только двух мест; согласился, чтобы присоединившиеся нации, объявившие войну Германии к 1 марта, приняли участие в конференции в Сан-Франциско в качестве членов-учредителей ООН [93]. Известный английский журналист А. Верт отмечал, что Сталин в Ялте проявлял достаточную уступчивость и не настаивал на таких требованиях, которые его партнеры считали совершенно неразумными, например, чтобы в ООН были представлены все 16 советских республик [94].

Советская просьба о включении УССР и БССР в организацию, как считает украинский историк В. С. Коваль, не была просьбой получить для СССР дополнительные голоса, поскольку увеличение числа советских делегаций в организации с одной до трех не могло иметь серьезного влияния при рассмотрении в Ассамблее тех или иных спорных вопросов, а советские интересы могли быть надежно защищены правом вето в Совете Безопасности. Суть проблемы, по его мнению, заключалась в том, чтобы добиться признания со стороны капиталистического мира возросшего значения советских республик в международной жизни, их выдающейся роли в войне против фашистских государств. Речь шла о международном престиже советских республик, о соответствующем изменении их внешнеполитического статуса после конституционных изменений в СССР [95]. Вместе с тем нельзя обойти молчанием и тот факт, что Сталин, дав согласие на предоставление США двух дополнительных голосов, тем самым по сути дела признал одинаковый статус советских союзных республик и американских штатов, которые являлись сугубо административно-территориальными единицами федерального государства — США.

Американские и английские политики и дипломаты при рассмотрении проблемы дополнительных голосов называли разные количества голосов, которые просили для себя СССР, а затем США. Кадоган в беседе с Боленом накануне Ялтинской конференции говорил, что Великоб-

ритания будет добиваться включения Индии в первоначальные члены, а взамен может согласиться на допуск к первоначальному членству не всех 16, а 3—4 советских республик [96]. Ванденберг, описывая встречу Рузвельта с членами делегации США на конференцию в Сан-Франциско 23 марта 1945 г., приводит слова президента о том, что в Ялте Сталин потребовал 6 голосов для СССР в Генеральной Ассамблее, чтобы уравняться с Британским Содружеством. Рузвельт согласился предоставить СССР только 3 голоса и взамен попросил 3 голоса для США [97].

Несомненно, что идея дополнительных голосов была не симпатична для англо-американской дипломатии, рассчитывающей на другие средства обеспечения своих интересов в международной организации. Эта идея нарушала один из основополагающих принципов международного права — принцип суверенного равенства всех государств. Рузвельт пошел навстречу Сталину в целях сохранения антигитлеровской коалиции и своего детища — Международной организации безопасности. Однако эти соображения не хотели принимать в расчет деятели республиканскй партии. Ванденберг считал дополнительные голоса «главной трагедией Ялты» наряду с польским вопросом и отмечал, что все члены американской делегации на конференции в Сан-Франциско ненавидели обязательство, данное Рузвельтом Сталину в Крыму [98].

Таким образом, твердая, настойчивая и одновременно гибкая линия Сталина, подчеркивавшего большой вклад Украины и Беларуси в дело Объединенных Наций и их огромные жертвы в борьбе с фашизмом, поддержка этой позиции Черчиллем, озабоченного представительством в будущей организации членов Британского Содружества наций, учет Рузвельтом неблагоприятного для него в данном вопросе соотношения сил за столом переговоров и собственных, американских интересов (японский катализатор), сделанный Черчиллем и Рузвельтом вывод о том, что предоставление СССР двух дополнительных голосов в Ассамблее не нанесет ущерба их интересам,— все эти моменты, сложенные воедино, составили тот комплекс факторов, которые способствовали принятию в Ялте положительного решения о допуске двух советских республик в первоначальные члены ООН.

К. Савчук, подчеркивая значение принятого в Ялте решения и большую роль в его достижении настойчивых и умелых действий Сталина и Молотова, пишет: «Если

бы они проиграли в Ялте, то путь, ведущий к международному форуму наций, был бы закрыт для этих стран»[99] (Украины и Беларуси.— *В. С.*). А. Верт также отдает должное дипломатическому мастерству Сталина и Молотова, которые осуществили в Ялте «гамбит», т. е. сократили свои требования с 16 до 2 советских республик. Он вместе с западногерманским историком Г. Раухом и большинством других западных авторов считает, что в своих действиях советские руководители опирались на конституционные изменения 1944 г., имевшие своей истинной целью получение для СССР дополнительных голосов в ООН[100].

Однако дипломатическая борьба за признание БССР и УССР полноправными членами Организации Объединенных Наций и включение их в состав ее первоначальных членов еще не была завершена. Оставался открытым вопрос об участии обеих республик в учредительной конференции в Сан-Франциско, поскольку в Крыму США и Великобритания дали обязательство лишь поддержать предложение СССР об их допуске к первоначальному членству. Мир не знал о секретной договоренности в Ялте, поэтому Рузвельту и Черчиллю еще предстояло испытать реакцию парламентариев, общественного мнения, своих союзников на обнародование соглашения об Украине и Беларуси. Эти проблемы предстояло решить в период подготовки и проведения конференции в Сан-Франциско.

Глава IV

САН-ФРАНЦИСКО: СПОРЫ О ПРИГЛАШЕНИИ УССР И БССР НА КОНФЕРЕНЦИЮ И ПРИНЯТИЕ ОБЕИХ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК В ЧИСЛО ГОСУДАРСТВ — УЧРЕДИТЕЛЕЙ ООН

При обсуждении итогов Ялтинской конференции в высших законодательных органах США и Великобритании секретная договоренность о двух советских республиках осталась неразглашенной. О ней ничего не сказали своим парламентариям ни премьер-министр Великобритании Черчилль в выступлении в палате общин 27 февраля 1945 г., ни президент США Рузвельт в речи перед конгрессом 1 марта[1].

В Советском Союзе о секретном соглашении в Ялте также было известно весьма узкому кругу лиц из высшего политического и дипломатического руководства страны. Трудно сказать, знали ли об этом соглашении руководители Украины и Белоруссии, чьи интересы оно непосредственно затрагивало. Возможно, о нем знал первый секретарь ЦК КП(б) Украины, Председатель СНК УССР Н. С. Хрущев, входивший в состав Политбюро ЦК ВКП(б), и гораздо менее вероятно, чтобы о секретной ялтинской договоренности было известно руководству БССР. Белоруссия и Украина, определяемые по сталинской терминологии как «две основные советские республики», оставались объектом дипломатической игры, которую вело за их спиной кремлевское руководство под прикрытием заботы об интересах белорусского и украинского народов. Что же касалось итогов Крымской конференции, то они, как и другие важнейшие внешнеполитические акции советского правительства в годы Великой Отечественной войны, не были предметом какого-либо публичного обсуждения в Верховном Совете СССР.

5 марта 1945 г. правительство США от своего имени, а также от имени правительств СССР, Великобритании и Китая направило приглашения 40 странам принять участие в конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско. Несколько позднее были направлены приглашения Ливану и Сирии. В итоге на конференцию были приглашены 42 государства, подписавшие 1 января 1942 г. Декларацию Объединенных Наций, а также присоединившиеся к ней впоследствии и объявившие до 1 марта 1945 г. войну фашистским державам. В списке приглашенных на конференцию стран, переданном для сведения посольством США в СССР НКИД СССР 5 марта, отсутствовали Белорусская ССР и Украинская ССР [7]. И хотя в данном случае действия США были вполне обоснованны, поскольку в Ялте не было заключено какого-либо соглашения о приглашении двух советских республик в Сан-Франциско, отсутствие в числе приглашенных стран БССР и УССР вызвало разногласия между СССР и его западными союзниками.

Следует отметить, что вопрос о представительстве двух республик на конференции в Сан-Франциско был одним из элементов комплекса разногласий в стане держав антигитлеровской коалиции, нараставших по мере приближения победы над фашистской Германией. Действия Советского Союза в марте 1945 г. в Румынии и других странах Восточной Европы, охарактеризованные США и Англией как нарушение подписанной в Ялте «Декларации об освобожденной Европе»; жесткая позиция СССР по вопросу о реорганизации польского правительства и отказ включить в него представителей эмигрантского правительства в Лондоне; известие о том, что Молотов не поедет на конференцию в Сан-Франциско, расцененное на Западе как свидетельство того, что советское руководство не придает большого значения этой конференции, и другие действия СССР создавали питательную почву для усиления антисоветских настроений в правящих кругах США и Великобритании, для призывов за прекращение сотрудничества с СССР. Советский Союз в свою очередь выражал свое резкое недовольство фактом ведения представителями США и Англии сепаратных переговоров с гитлеровскими военными властями в Берне, подходом своих союзников к решению польского вопроса. Сложную атмосферу межсоюзнических взаимоотношений метко оха-

рактеризовал Черчилль в телеграмме Сталину от 13 марта 1945 г., когда он писал о «многих трудностях, которые обрушились на нас, как буря, со времени нашей счастливой и обнадеживающей встречи в Ялте» [3].

В США после речи Рузвельта в конгрессе складывалась непростая обстановка по вопросам создания новой международной организации. Консервативно настроенные деятели республиканской партии выражали недовольство «ялтинской формулой», регулирующей процедуру голосования в Совете Безопасности, считая эту договоренность уступкой Сталину. В печати появились догадки о каких-то секретных соглашениях, заключенных в Ялте. «Появились опасения,— писал Р. Шервуд,— что в Ялте была совершена чудовищная мошенническая сделка, в которой Рузвельт и Черчилль оказались жертвами обмана» [4]. К концу марта обстановка еще больше накалилась.

23 марта Рузвельт в выступлении перед делегацией США на конференцию в Сан-Франциско под строжайшим секретом сообщил о том, что в Ялте США и Англия дали обязательство поддержать требование СССР о предоставлении ему трех голосов в Ассамблее, взамен чего Сталин обещал свою поддержку требованию США также иметь три голоса, если таковое будет выдвинуто. Эта важная информация либо случайно, либо в результате преднамеренного «просачивания» попала в печать. «Нью-Йорк геральд трибюн» 29 марта сообщила о президентском откровении, что вызвало бурную политическую реакцию в стране. Белый Дом и государственный департамент немедленно подверглись осаде корреспондентов, требовавших подтверждения или опровержения этой информации [5].

Рузвельт и Стеттиниус были вынуждены прервать свои отпуска. Президент после возвращения в Вашингтон посвятил большую часть своего первого рабочего дня вопросу, связанному с публикацией в «Нью-Йорк геральд трибюн» [6]. На пресс-конференции, срочно созванной в тот же день, 29 марта, на которой присутствовали сам президент и советский посол Громыко, Белый Дом сделал заявление, признававшее существование секретного соглашения о дополнительных голосах для СССР и США и достоверность опубликованной в газете информации. В заключении заявления отмечалось, что окончательное решение этого вопроса состоится на кон-

ференции в Сан-Франциско [7], что в немалой степени успокоило американское общественное мнение.

Публикация в газете и заявление Белого Дома поставили перед общественностью США целый ряд вопросов, среди которых по своей значимости и актуальности выделялись следующие: почему договоренность о дополнительных голосах явилась секретной? Были ли другие секретные соглашения в Ялте? Как это решение связано с Францией и Китаем, составляющими наряду с США, Великобританией и СССР большую пятерку Международной организации безопасности, но не претендующими в отличие от них на дополнительные голоса в Ассамблее? Насколько данное решение соответствует зафиксированному в Думбартон-Оксе принципу о том, что все государства, большие и малые, будут иметь только один голос в Ассамблее? Почему Советский Союз просил включить в число первоначальных членов организации именно Украину и Белоруссию? Чем отличается суверенитет советских союзных республик, британских доминионов, американских штатов и других субъектов федеративных или конфедеративных объединений государств? Представляет ли данное решение угрозу успешному проведению конференции в Сан-Франциско? [8]

Некоторые из этих вопросов были заданы послу СССР в США Громыко на встречах с корреспондентами 29 марта. Американская печать обратила внимание на то, что Громыко, считавшийся одним из самых молчаливых послов в Вашингтоне, хотя и отказался комментировать сообщение «Нью-Йорк геральд трибюн», однако, к удивлению корреспондентов, беседовал с ними [9]. Он, в частности, не исключил возможность того, что советское правительство со временем может поставить вопрос о членстве всех 16 советских республик в Ассамблее [10].

Известие о секретной договоренности в Ялте вызвало раскол в американской делегации на конференцию в Сан-Франциско. Сенатор-республиканец А. Ванденберг был очень недоволен, узнав об обязательстве Рузвельта поддержать просьбу СССР о членстве двух республик в организации. В своем дневнике он назвал конфиденциальное сообщение Рузвельта от 23 марта «плохой новостью» из Ялты, заметив, что такая позиция администрации «вызовет скандал» [11]. В дальнейшем Ванден-

берг стал употреблять термин «заговор» в отношении этой и других договоренностей, достигнутых в Ялте. 29 марта сенатор заявил журналистам, что он будет против любого предложения, которое нарушает суверенное равенство государств в Ассамблее, подчеркнув, что права великих держав будут надежно защищены в Совете Безопасности [12].

Против предоставления дополнительных голосов выступил и бывший заместитель госсекретаря США С. Уэллес, заявивший, что если Объединенные Нации согласятся с этим, то природа международной организации, предложенная в Думбартон-Оксе, будет радикально изменена, а принцип суверенного равенства государств будет выброшен за борт. Он высказал надежду, что делегаты конференции в Сан-Франциско не согласятся с фундаментальным отходом от принципов, согласованных в Думбартон-Оксе [13].

Другой член делегации, демократ, председатель комитета по иностранным делам палаты представителей конгресса С. Блум, напротив, позитивно оценил ялтинскую договоренность. Он сказал, имея в виду наличие у Великобритании 6 голосов в организации, что США и СССР также должны иметь по 6 голосов. По его мнению, количественное представительство США в Ассамблее не должно было уступать ни одной другой державе [14]. Среднюю позицию занял сенатор-демократ Д. Фулбрайт, один из активных сторонников международного сотрудничества и обеспечения стабильного мира. Не считая идею о дополнительных голосах чем-то из ряда вон выходящим, он задавал вопрос, почему мир не узнал об этом соглашении вместе с другими решениями Ялты. Он заявил, что сейчас самое подходящее время говорить откровенно об этом и выложить все карты на стол, подчеркнув слово «все» [15].

Обнародование ялтинской договоренности о дополнительных голосах было встречено в мире с определенными нотками недовольства и тревоги. Лишь официальные лица в Лондоне не выразили удивления этим событием [16]. Доминионы во время конференции стран Британского Содружества в Лондоне 13 апреля заявили о своей готовности поддержать советское предложение о представительстве Украины и Белоруссии [17]. Зато совершенно иной была реакция Франции. В Париже официальный представитель французского правительства,

комментируя вопрос о дополнительных голосах, сказал: «Что же будет дальше? Мы думали, что знаем все о решениях в Ялте, но сейчас, очевидно, мы так не думаем, и мы не знаем, что может быть еще» [18]. Это означало, что правительство Франции не было проинформировано о секретных решениях Ялты. Малые государства встретили известие о дополнительных голосах для СССР и США с неудовлетворением, расценив это как нарушение принципа суверенного равенства всех государств, больших и малых [19]. Лондонская «Дейли телеграф» даже писала о том, что это решение вызвало шок у малых государств [20].

30 марта государственный секретарь США Стеттиниус уже спустя несколько часов после своего возвращения из отпуска устроил пресс-конференцию. Ему было задано 33 письменных и устных вопроса, связанные с решением Ялты о дополнительных голосах для СССР и США [21]. Было совершенно очевидно, что даже заместители госсекретаря ничего не знали об этом соглашении [22]. Среди поставленных перед Стеттиниусом вопросов были, в частности, и такие, как: будут ли Украина и Белоруссия иметь собственных представителей и свои отдельные голоса на конференции в Сан-Франциско? Позволит ли автономный статус этих двух республик обменяться с ними посольствами, как это США осуществили в отношениях с Канадой и другими британскими доминионами? Глава внешнеполитического ведомства США отказался отвечать на вопросы и обсуждать в деталях проблему голосов, пообещав сделать это на следующей неделе. В заключение пресс-конференции он заявил, что этот вопрос остается все еще открытым для решения на конференции в Сан-Франциско [23].

В тот же день на 3-м заседании делегации США, готовившейся к конференции в Сан-Франциско, Стеттиниус сказал, что, по мнению президента, если СССР будет настаивать на трех голосах и конференция примет эту позицию, тогда и Рузвельт будет настаивать на трех голосах для США [24].

Следует отметить, что после обнародования секретной ялтинской договоренности и по мере того, как страсти вокруг этого поутихли, в политических и общественных кругах США стал преобладать более спокойный и трезвый взгляд на проблему дополнительных голосов в Ассамблее. По словам Р. Шервуда, русскому

требованию не придавали серьезного значения и считали, что оно не может служить основанием для чрезмерной тревоги [25]. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн», первой поднявшая шум, уже на следующий день, 30 марта, заняла реалистическую позицию, когда констатировала в своей редакционной статье: «Хотя совершенно недопустимо, чтобы русские располагали в Ассамблее 16 голосами, разница в 2—3 голоса в ту или иную сторону в международной Ассамблее, насчитывающей 60 или 70 голосов, не может иметь никакого практического значения. Даже при существующих обстоятельствах Соединенные Штаты смогут рассчитывать на голоса Филлипин, Кубы и других стран так же уверенно, как Соединенное Королевство сможет рассчитывать на голоса доминионов, и почти так же уверенно, как Советский Союз сможет рассчитывать на голоса Белоруссии и Украины» [26]. Аналогичную позицию заняли лидеры демократического большинства в сенате А. Беркли и Л. Хилл, а также известный журналист У. Липпман [27].

Как-то смирившись с необходимостью представительства двух советских республик в международной организации, американская пресса перешла к анализу суверенитета Белоруссии и Украины, а затем сосредоточила огонь своей критики на президенте Рузвельте. В статье У. Липпмана в «Нью-Йорк геральд трибюн» от 3 апреля говорилось, что вопрос о множественном представительстве в Ассамблее является ярким примером того, что происходит, когда немного усталый и озабоченный человек (имелся в виду Рузвельт.— *В. С.*) пытается что-то решить в спешке [28]. В статье У. Липпмана и редакционной статье «Нью-Йорк таймс» от 4 апреля назывались следующие ошибки президента Рузвельта, допущенные в связи с ялтинским решением о дополнительных голосах: 1. Согласие президента на представительство Белоруссии и Украины в Ассамблее, даже с учетом их вклада в борьбу с фашизмом, не может служить основанием для отхода от принципа равного представительства в Ассамблее для всех суверенных государств. 2. Это означает, что США рассматривают независимость двух республик как чистую фикцию сейчас и в будущем. 3. Просьба Рузвельта о трех голосах для США также нарушает законный принцип равного представительства суверенных государств. Как писала «Нью-Йорк таймс», США не надо ни три, ни тридцать

три голоса в Ассамблее. 4. Ошибкой является секретность этого решения, что логично приводит к вопросу о том, что в Ялте были приняты и другие секретные решения [29].

В этих и других материалах американской печати ставился под сомнение суверенитет Белоруссии и Украины и отмечалось, что их статус не соответствует даже положению британских доминионов. У. Липпман сформулировал эту проблему таким образом: если эти две республики являются суверенными государствами в международных делах, то они должны получить места в Ассамблее, но если они не более суверенны, чем Техас или Вермонт, то они не должны присутствовать там. А доказательством их суверенитета должно послужить обращение Белоруссии и Украины, но не Сталина и СССР, к другим государствам за признанием и для обмена посольствами [30].

Впоследствии даже ближайшие соратники Рузвельта, в том числе Стеттиниус, считали ошибкой его просьбу о трех американских голосах [31]. Р. Шервуд назвал это «одним из самых неуклюжих» и «совершенно ненужных действий» дипломатии США за всю войну. По его словам, Рузвельт недооценил политической зрелости американского народа, выдвинув «унизительное» и «оскорбительно абсурдное» требование о предоставлении США трех голосов [32]. Издатель многотомного собрания архивных документов президента Рузвельта С. Розенмен в своих комментариях к ним считал это решение одной из самых больших ошибок Рузвельта и признавался, что никогда не мог понять, зачем он ее сделал [33]. Помощник госсекретаря по связям с Белым Домом Ч. Болен вспоминал, что, когда идея о трех американских голосах просочилась в печать, «она была встречена насмешками общественности. Затем американское правительство отказалось от этой просьбы. Я никогда не слышал о каком-то другом мотиве для Рузвельта, кроме как о стремлении компенсировать три советских голоса. Я полагаю, что Рузвельт, больной и измученный днями споров, просто сделал ошибку» [34].

Советское правительство отреагировало на обнародование секретной ялтинской договоренности сообщением ТАСС от 2 апреля «Об участии Украинской ССР и Белорусской ССР в международной организации для поддержания мира и безопасности». В нем со ссылкой

на авторитетные источники говорилось о том, что в Крыму советские представители, учитывая политическое значение и вклад Украины и Белоруссии в дело разгрома гитлеровской Германии, внесли предложение пригласить эти «две основные советские республики» к участию в международной организации в качестве первоначальных членов-учредителей. Это предложение было поддержано США и Великобританией. Затем, отмечалось в сообщении, США поставили вопрос о предоставлении им дополнительных голосов в Ассамблее, и это предложение было поддержано СССР и Великобританией [35]. О приглашении УССР и БССР на конференцию в Сан-Франциско ТАСС вопроса не ставило.

3 апреля госсекретарь США Стеттиниус выступил с заявлением на пресс-конференции в Вашингтоне. Сославшись на постановку СССР в Крыму вопроса о допуске БССР и УССР к первоначальному членству, он заявил: «Учитывая важность, которую советское правительство придавало этому предложению, американские представители в Ялте, исполненные глубочайшего уважения к героической роли, сыгранной населением этих республик в его непреклонном сопротивлении общему врагу, и к стойкости, с которой оно вынесло большие страдания во время войны, согласились, чтобы правительство Соединенных Штатов поддержало такого рода советское предложение в Сан-Франциско в случае, если оно будет сделано» [36]. Стеттиниус сказал, что вопрос о допуске советских республик должен быть обсужден и решен на конференции в Сан-Франциско, подчеркнув при этом, что в Ялте не было заключено никакого соглашения по вопросу об участии этих республик в конференции в Сан-Франциско. Он сообщил о решении президента, что в Сан-Франциско США не будут требовать дополнительных голосов для себя в Генеральной Ассамблее [37].

Стеттиниус отрицательно ответил на вопрос о том, обсуждаются ли сейчас какие-либо предложения о допуске Украины и Белоруссии на конференцию в Сан-Франциско [38]. При ответе на другой вопрос он обратил внимание на то, что эта конференция будет собранием Объединенных Наций и что Украина и Белоруссия в настоящее время не являются Объединенными Нациями [39]. 6 апреля в выступлении в Нью-Йоркском Совете по международным отношениям госсекретарь утверж-

дал, что вопрос о членстве двух советских республик в новой организации наряду с проблемой представительства Польши будет самым трудным вопросом для делегации США в процессе подготовки конференции в Сан-Франциско и что госдепартамент изучает его с большим вниманием [40].

В. С. Коваль оценивал заявление Стеттиниуса от 3 апреля как враждебное по отношению к советским республикам, имея в виду его слова о том, что окончательное решение вопроса об их участии в международной организации будет принято в Сан-Франциско большинством голосов и что США не будут требовать дополнительных голосов для себя [41]. С такой трактовкой заявления госсекретаря вряд ли можно согласиться. В данном случае Стеттиниус действовал в соответствии с буквой Ялтинского соглашения, не предусматривавшего приглашения Украины и Белоруссии на конференцию. Что же касалось отказа США от дополнительных голосов, то, конечно, он был направлен на ослабление советской позиции и таил в себе надежду на то, что, возможно, Советский Союз поступит аналогичным образом. О таких расчетах писал Ванденберг в своем дневнике в записях от 2 апреля 1945 г.[42] Но эти соображения в американском правящем истаблишменте нельзя принимать как антисоветские. Они скорее свидетельствовали о мудром, взвешенном подходе администрации США к такой щекотливой проблеме, как дополнительные голоса для некоторых штатов.

5 апреля на своей последней пресс-конференции Рузвельт подробно остановился на вопросе о дополнительных голосах, желая тем самым рассеять недоумение и различные домыслы вокруг этого. Президент рассказал корреспондентам о том, какое большое значение придавал Сталин в беседах с ним в Ялте обеспечению голосов для Украины и Белоруссии. По его словам, Сталин рассказал Рузвельту о сильнейших разрушениях и миллионных жертвах людей в этих двух республиках, которые «имеют очень мало цивилизации». Поэтому с точки зрения гуманности как благородный жест и как результат приближающейся победы Сталин считал достойным дать двум частям страны голос в Ассамблее. Он сказал Рузвельту, что мы сможем помочь восстановиться Украине и Белоруссии, если мы сможем дать им голос в Ассамблее. Когда Сталин спросил Рузвельта,

поддержит ли он это предложение, тот ответил «да», объяснив, что поддержит его «главным образом по сентиментальным соображениям» [43].

Далее президент сообщил аудитории о том, что его правительство не будет просить в Сан-Франциско трех голосов для США. «Реально это не имеет большого значения,— сказал Рузвельт... Мелочным парнем является тот, кто нуждается в голосах в Ассамблее» [44]. Он сказал, что США совершенно не нужны дополнительные голоса. На вопрос корреспондента: «Эти голоса ничего не решают?» Рузвельт ответил кратко: «Нет. Ничего» [45].

Решение Рузвельта не просить дополнительных голосов для США получило положительный отклик в стране и было охарактеризовано как «мудрое решение» [46]. Большого скандала, который предрекал Ванденберг, не произошло. Стеттиниус позже писал о том, что американское общественное мнение не осудило эту «сделку» и в стране фактически не было оппозиции нашему полному одобрению дополнительных голосов для Белоруссии и Украины [47]. Даже такой противник предоставления дополнительных голосов для СССР, как Бирнс, вынужден был признать, что общественная оппозиция трем голосам для России против нашего одного была не так сильна, как он ожидал [48]. Администрация США, отказываясь от двух дополнительных голосов, как бы приглашала и советское правительство последовать ее примеру и тем самым ослабляла советскую позицию.

В марте 1945 г. еще до того, как Рузвельт раскрыл перед американской делегацией секретную ялтинскую договоренность, советская дипломатия предприняла неожиданный для США и Великобритании ход, еще более накаливший обстановку вокруг подготовки конференции в Сан-Франциско. Правительства БССР и УССР, не получив приглашения на конференцию, по указанию из Москвы решили направить на конференцию свои делегации [49].

17 марта А. Громыко в беседе с помощником госсекретаря США Д. Данном заявил, что представители Украины и Белоруссии должны принять участие в конференции. Данн ответил, что он ничего не слышал о возможном приглашении этих республик в Сан-Франциско и что решение Крымской конференции не предусматривает участия в конференции в Сан-Франциско представителей от Украины и Белоруссии. Он сказал, что, по

его мнению, допущение этих республик в первоначальные члены международной организации может быть осуществлено не в форме их приглашения участвовать в конференции в Сан-Франциско, а в форме последующего их присоединения к Уставу организации после конференции. Громыко выразил удивление по поводу интерпретации Данном этого вопроса и заявил, что единственный путь вступления Украины и Белоруссии в организацию — это участие в конференции, на которой будет приниматься Устав организации [50].

Намерение советского правительства послать делегации БССР и УССР на конференцию вызвало озабоченность в Вашингтоне. Встревоженный госдепартамент предпринял энергичные усилия, чтобы не допустить его реализации. 19 марта госдепартамент подготовил проект послания Рузвельта Сталину, в котором президент просил Сталина предпринять шаги к прояснению недоразумения, к которому привело сообщение посла Громыко. Рузвельт писал: «Я хочу, чтобы Вы знали, что после моего возвращения в Вашингтон я уделил этому вопросу (о дополнительных голосах для СССР и США.— *В. С.*) очень значительное внимание... Совершенно откровенно скажу, что трудности как в отношении усилий для поддержки у американской общественности проектируемой организации, так и в отношении позиций других правительств оказались значительно более серьезными, чем я предполагал» [51]. Но это послание не было отправлено то ли по рекомендации самого госдепартамента, то ли по решению Рузвельта [52], посчитавшего более важным избежать обострения разногласий с Москвой. Вместо этого Белый Дом решил, что Стеттиниус обсудит этот вопрос с Громыко с целью устранения любого недопонимания [53].

Беседа между ними состоялась 20 марта. Стеттиниус начал с того, что госдепартамент обратился к нему с просьбой прервать отдых, прибыть в Вашингтон и лично поговорить по этому вопросу с советским послом. Он сказал, что утром беседовал по этому вопросу с президентом и что ни президент, ни он не имели в виду, что на конференцию в Сан-Франциско будут приглашены делегации Украинской и Белорусской республик. Администрация США считает, что решение Крымской конференции не предусматривает участия делегаций Украины и Белоруссии в конференции в Сан-Франциско и что

эти республики могут быть допущены в качестве членов Ассамблеи после конференции. Стеттиниус подчеркнул, что участие в конференции делегаций Украины и Белоруссии могло бы создать опасное положение, способное принести вообще непоправимый ущерб всему делу создания международной организации [54]. Согласно американскому протоколу этой беседы, Стеттиниус сказал, что это выходит за рамки ялтинского соглашения и совершенно не соответствует его толкованию Соединенными Штатами [55].

Громыко, отметив, что данная Стеттиниусом интерпретация ялтинской договоренности и его разъяснение о форме приглашения в организацию Украины и Белоруссии являются для него неожиданными, высказал мысль, что это противоречило бы достигнутому в Крыму соглашению о допуске советских республик к первоначальному членству. Он пообещал довести точку зрения правительства США по данному вопросу до сведения советского правительства [56].

Еще до того, как Громыко 17 марта в беседе с Данном поставил вопрос о приглашении советских республик, Молотов направил личное послание министру иностранных дел Великобритании Идену, которое было передано ему советским послом в Англии Ф. Т. Гусевым 13 марта. В нем Молотов сообщал, что делегации Украины и Белоруссии будут готовы участвовать в работе конференции с самого начала [57]. Характерно, что аналогичное послание Молотов не направил Стеттиниусу. Видимо, в Советском Союзе, как и прежде, больше рассчитывали на поддержку англичан в вопросе о советских республиках.

Иден в телеграмме британскому послу в США Э. Галифаксу от 21 марта информировал его о личном послании Молотова и сообщал о том, что пока не ясно, рассчитывает ли Молотов на автоматическое участие двух республик вместе с приглашенными государствами либо Молотов предложит, чтобы они прибыли в Сан-Франциско и ожидали их кооптации конференцией в начале ее работы с тем, чтобы делегации Украины и Белоруссии смогли затем участвовать в заседаниях. В телеграмме Галифаксу Иден также указал на различное толкование секретной ялтинской договоренности, отметив, что русский текст может быть истолкован как менее убедительный с этой точки зрения. По мнению Идена, госу-

7. Зак. 1089

дарства, приглашенные на конференцию, поддержат предложение о членстве советских республик, которые затем смогут участвовать в работе организации с первого заседания Генеральной Ассамблеи [58].

Сама логика дипломатической борьбы между СССР, с одной стороны, и США и Англией — с другой, вела к тому, что все более широкому кругу дипломатов становилось известно о секретном ялтинском соглашении относительно дополнительных голосов для СССР и США. Вот и в телеграммах заместителя госсекретаря США Д. Грю американским послам в Великобритании и СССР Д. Вайнанту и А. Гарриману от 22 и 23 марта сообщалось об этом соглашении в качестве секретной информации и отмечалось, что вопрос о представительстве двух республик в Сан-Франциско был действительно обсужден на конференции в Ялте, но не получил положительного решения [59].

25 марта Громыко направил ноту Стеттиниусу, в которой по поручению советского правительства просил довести до сведения правительства США, что в соответствии с решением Крымской конференции вопрос о допущении Украины и Белоруссии к первоначальному членству должен быть поставлен на одном из первых заседаний конференции в Сан-Франциско и затем, после положительного вотума конференции, представителям этих двух республик должно быть обеспечено полноправное участие в работах названной конференции в качестве первоначальных членов Всеобщей международной организации безопасности [60].

В ноте содержалась ссылка на заявление Черчилля 8 февраля в Крыму о том, что не логично приглашать на конференцию в Сан-Франциско все малые страны, которые почти ничего не сделали для победы, и в то же время откладывать приглашение двух советских республик, принесших столь большие жертвы в борьбе с Германией. (Правда, в ноте была опущена последняя фраза Черчилля: республики следует пригласить, если они подпишут Декларацию Объединенных Наций [61].) Советское правительство выражало свое несогласие с американским толкованием ялтинского решения, что Украина и Белоруссия не должны участвовать в конференции в Сан-Франциско и что лишь после конференции в случае принятия положительного решения они смогут принять участие в Ассамблее организации [62].

29 марта Стеттиниус отправил ответную ноту Громыко, в которой констатировал, что в Ялте не было принято никакого обязательства об участии представителей этих республик в Сан-Франциско и что этот специфический вопрос не был поднят советской делегацией на конференции. В ноте говорилось, что, за исключением личного замечания Черчилля, этот вопрос не обсуждался ни во время общих дискуссий, ни в связи с определением списка стран, которые предполагалось пригласить на конференцию. Стеттиниус подчеркивал, что вопрос о принятии советского предложения о допуске двух республик в первоначальные члены остается на усмотрение конференции, и поэтому до принятия конференцией решения по этому вопросу нет оснований на данной стадии поднимать вопрос о представительстве двух республик на самой конференции [63].

Последней точкой в острых спорах между тремя державами по проблеме участия Белоруссии и Украины в Сан-Францисской конференции было сообщение ТАСС от 2 апреля. Хотя в нем, как отмечалось, ничего не было сказано о возможности участия советских республик в этой конференции, однозначный и определенный характер этого заявления, в котором советским людям их правительство впервые сообщило о ялтинской договоренности, говорил о многом. Оно свидетельствовало о том, что советское правительство настроено решительно добиваться участия БССР и УССР в конференции и, как показали последующие его шаги, готово было заплатить за это высокую цену. После 2 апреля вплоть до открытия конференции 25 апреля в вопросе о приглашении республик в Сан-Франциско установилось статус-кво. США не высылали приглашений и не предпринимали других подготовительных шагов. СССР публично не поднимал вопрос об Украине и Белоруссии [64].

Тактические расчеты советской дипломатии перед конференцией в Сан-Франциско заключались в том, чтобы поэтапно решить две задачи: 1) добиться включения УССР и БССР в число первоначальных членов международной организации; 2) добиться их приглашения для участия в конференции. Необходимость решения первой задачи, как отмечает К. С. Забигайло, вытекала из того, что поскольку США и Великобритания обязались поддержать предложение только о включении республик в число первоначальных членов, а не

предложение об их приглашении на конференцию, то они могли проголосовать против участия Украины и Белоруссии в конференции. А если бы и большинство участников конференции выступили против участия УССР и БССР в конференции, то невозможно было бы рассчитывать на то, что республики затем будут включены в первоначальные члены ООН. И наоборот, положительное решение вопроса о включении республик в первоначальное членство исключило бы возможность каких-либо препятствий против их участия в конференции [65].

Подводя итог дипломатическим действиям СССР, США и Великобритании по вопросу участия Белоруссии и Украины в Сан-Франциcской конференции, продолжавшимся с середины до конца марта 1945 г., следует отметить, что советская и американо-английская дипломатия совершенно по-разному интерпретировали решение Крымской конференции о том, что на конференции в Сан-Франциско Великобритания и США поддержат предложение о допуске к первоначальному членству Украины и Белоруссии.

Формально-юридически США и Англия были правы в том, что данное решение вовсе не означало их обязательства о приглашении республик в Сан-Франциско, а никакого другого решения в отношении присутствия делегаций этих республик в Крыму принято не было. Пожалуй, можно только вспомнить следующий эпизод. На заседании министров иностранных дел 8 февраля Молотов предложил точно установить список стран-участников конференции и договориться о предоставлении мест двум или трем советским республикам. Иден в ответ предложил, чтобы в повестку дня учредительной конференции был включен вопрос о приглашении дополнительных членов, которые присутствовали бы затем на первом заседании международной организации. С этим предложением согласился Стеттиниус, и на этом вопрос был исчерпан [66].

Второй раз этот вопрос затронул Сталин, отметивший, что рекомендация пригласить советские республики может быть сделана на учредительной конференции международной организации [67]. Именно на это замечание Сталина отреагировал Черчилль своим вышеупомянутым заявлением о малых странах, почти ничего не сделавших для победы, и советских республиках. Ин-

тересно, что данное замечание Сталина совпадало с англо-американским подходом: вопрос о приглашении республик должен быть решен конференцией в Сан-Франциско. Но после Крымской конференции советская позиция по этому вопросу радикально изменилась.

Требование СССР о необходимости участия делегаций Украины и Белоруссии в Сан-Францисской конференции имело под собой определенные основания. В случае отсутствия их на этом форуме даже при принятии им положительного решения о допуске в первоначальные члены республики могли лишиться возможности подписать Устав международной организации. А это означало бы, что статус Белоруссии и Украины как первоначальных членов был бы неполноценным по сравнению со статусом всех других государств-учредителей организации. В этом плане советская критика позиции США о неприглашении двух республик была справедливой, ибо эта позиция шла вразрез с обязательством США о поддержке их допуска в первоначальные члены.

Получается, что аргументы обеих сторон были достаточно вескими. США следовали букве ялтинской договоренности, СССР — ее логике, духу. Виновата, видимо, сама ялтинская формулировка, которая не предусмотрела формы и механизма приглашения двух советских республик на учредительную конференцию. Но, с другой стороны, если бы такая запись была, то она обесценивала бы первую часть ялтинской формулировки: об обязательствах США и Великобритании поддержать допуск Украины и Белоруссии в первоначальные члены и по существу предрешала бы результаты голосования в Сан-Франциско. Наиболее оптимальным выглядело предложение Идена на Крымской конференции: включить в повестку дня учредительной конференции вопрос о приглашении дополнительных членов. Фактически это предложение и было реализовано в Сан-Франциско.

Автор считает неудовлетворительной трактовку ялтинского соглашения, данную украинским правоведом К. С. Забигайло, который утверждает, что поскольку на конференцию в Сан-Франциско решено было пригласить страны, объявившие войну державам «оси», и поскольку Украина и Белоруссия находились в состоянии войны с гитлеровской Германией, то они должны были быть приглашены на конференцию [68]. Но К. С. Забигайло не

учитывает, что в соответствии с решением Крымской конференции в Сан-Франциско приглашались государства, подписавшие Декларацию Объединенных Наций или впоследствии присоединившиеся к ней. Белоруссия и Украина в тот момент не принадлежали ни к тем, ни к другим государствам. Нельзя согласиться с ним и в том, что по отношению к Украине и Белоруссии американское правительство стало на путь дискриминации в вопросе о приглашении в Сан-Франциско [69]. Оно в данном случае высылало приглашения по согласованному с СССР, Великобританией и Китаем списку стран, принадлежавших к Объединенным Нациям. В этих действиях США трудно было найти какое-то предвзятое или тенденциозное отношение к УССР и БССР.

Смерть Рузвельта 12 апреля и приход в Белый Дом Г. Трумэна, сторонника жестокого курса в отношении СССР, поставили вопрос об отношении нового президента к выполнению ялтинских соглашений. Трумэн, заявив о намерении продолжать внешнеполитическую линию Рузвельта и готовности выполнять подписанные США в Крыму договоренности, на деле взял курс на отход от сотрудничества с СССР.

Между тем в госдепартаменте продолжалась напряженная работа по подготовке к конференции Объединенных Наций. 13 апреля Стеттиниус направил Трумэну меморандум о позиции США на этой конференции. Пункт 8 этого документа, озаглавленный «Советские республики», гласил, что США должны поддержать предложение СССР о допуске Украины и Белоруссии в первоначальные члены, если оно будет поставлено, но больше США не должны предпринимать каких-либо действий [70]. Во время встречи Стеттиниуса с Иденом и Кадоганом 21 апреля в Вашингтоне было достигнуто согласие в интерпретации обязательства США и Англии поддержать советскую просьбу относительно Украины и Белоруссии. Иден заявил, что англичане согласились поддержать советскую просьбу, но не обязались настаивать на ее одобрении вплоть до намерения сорвать конференцию, если другие государства не примут ее [71].

13 апреля в Вашингтоне на заседании информационно-организационной группы по подготовке конференции, на котором присутствовали представители четырех приглашающих держав, советский представитель Громыко отказался одобрить список распределения состава

комиссий и комитетов, поскольку Украина и Белоруссия не попали в распределение кандидатур председателей этих органов. На заседании Стеттиниус и Громыко вновь изложили различный подход своих правительств к толкованию ялтинской договоренности о допуске советских республик [72].

Важное значение для прояснения позиций СССР и США перед открытием конференции в Сан-Франциско имели беседы Молотова с президентом Трумэном 22 апреля в Вашингтоне. Трумэн заявил, что он очень хочет, чтобы конференция увенчалась успехом, и что он намерен осуществить принятые в Крыму решения, «как если бы эти решения были подписаны им самим». Молотов выразил надежду на положительное разрешение на конференции еще не согласованных вопросов, «особенно если не будут обижать советскую сторону» [73]. Вместе с тем Трумэн поставил под сомнение вопрос признания конференцией в Сан-Франциско прав Белоруссии и Украины как первоначальных членов новой организации. А с другой стороны, он вновь заверил Молотова в том, что США и Англия поддержат советские республики, отметив, что положительные результаты голосования и возможный допуск делегаций БССР и УССР для участия в конференции соответствуют интересам США [74]. В целом свою первую встречу с высоким советским представителем Трумэн провел в определенно жесткой форме, о чем писал впоследствии [75]. Не случайно, что в конце встречи Молотов сказал президенту, что еще никогда с ним в такой манере никто не разговаривал [76].

Определенная двусмысленность высказываний Трумэна по вопросу о советских республиках была скорее всего продиктована тактическими расчетами, имевшими целью создать у Молотова впечатление, что новый президент еще окончательно не определился по этому вопросу. В тот же день 22 апреля Трумэн дал письменную директиву руководителю делегации США Стеттиниусу по вопросу о советских республиках. Сославшись на данное Рузвельтом в Крыму обязательство и отметив значение, которое тот придавал Украине и Белоруссии среди остальных советских республик за их вклад в борьбу с фашизмом, Трумэн поручил Стеттиниусу: «Для лояльного выполнения на конференции обязательства, данного по этому вопросу президентом Рузвельтом от

имени правительства Соединенных Штатов, я даю Вам указание отдать голос Соединенных Штатов за прием Украинской и Белорусской республик в первоначальные члены международной организации» [77]. Это письмо было оглашено Стеттиниусом на пресс-конференции в Сан-Франциско 27 апреля [78].

Текст письма и его аргументация свидетельствовали о намерении Трумэна до конца выполнить волю своего предшественника. Однако очевидно и отсутствие в письме каких-то личных аргументов, которые делали бы Трумэна убежденным сторонником принятия такого решения. Без большого энтузиазма, нехотя он стремился выполнить обязательство Рузвельта и покончить с этим вопросом. Отношение Трумэна к СССР и соглашениям с ним, подписанным Рузвельтом, было высказано новым президентом на заседании правительства США 21 апреля, когда он заявил, что, на его взгляд, соглашения США с СССР «носили характер односторонних уступок и что так не может продолжаться... Я намерен провести конференцию в Сан-Франциско, и если русские не хотят присоединиться к нам, то пусть проваливают к черту» [79].

23 апреля на заседании министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Китая в Вашингтоне, посвященном подготовке конференции в Сан-Франциско, Молотов в самом начале поставил вопрос: будет ли выполнено решение Крымской конференции о том, чтобы Украина и Белоруссия присутствовали на конференции в качестве членов-учредителей Международной организации безопасности [80]. Обращает на себя внимание некорректная постановка Молотовым данного вопроса, ибо в Ялте не было принято решения о присутствии двух республик на конференции. Стеттиниус, отметив, что на Крымской конференции не было речи о приглашении на конференцию Украины и Белоруссии, заявил, что позиция его правительства была ясно изложена послу Громыко: оно готово голосовать за их участие в качестве первоначальных членов организации, когда она будет создана [81].

Затем Молотов, сославшись на состоявшиеся недавно межамериканское совещание в Мехико и конференцию Британского Содружества наций в Лондоне, спросил у своих собеседников о позиции латиноамериканских стран и британских доминионов в вопросе о Белоруссии и Украине. Иден ответил, что ручается за голос Великобри-

тании, но не может дать никаких гарантий в отношении голосования доминионов. Молотов, не согласившись с такой позицией, сказал, что за выполнение решения Крымской конференции о советских республиках ответственны не только советское правительство, но и правительства Великобритании и США [82]. Далее, согласно американскому протоколу заседания, он заявил, что с моральной точки зрения полагает, что страны, принявшие это решение в Крыму, должны приложить все усилия для того, чтобы и другие страны голосовали в пользу этого предложения [83].

Иден, обратившись к Стеттиниусу, спросил, смогут ли США контролировать голоса латиноамериканских стран, отметив, что он не сможет контролировать голоса доминионов. Стеттиниус ответил отрицательно, вновь подтвердив, что он уполномочен президентом Трумэном выполнять обязательства, принятые Рузвельтом в Крыму. Иден: английское правительство сообщило доминионам о том, что оно будет голосовать «за». Молотов: мы не говорили о контроле над голосами, но ожидаем, что США и Англия позаботятся о том, чтобы эти республики стали первоначальными членами организации. Иден: положительные голоса Великобритании и США будут обеспечены, но он не может сказать за остальные 44 страны [84].

После присоединения к беседе китайского министра Сун Цзэвэня Молотов выразил уверенность в том, что все три правительства, включая Китай, желают принятия УССР и БССР в первоначальные члены и что они будут избраны для участия в конференции. Однако Стеттиниус снова напомнил: это будет зависеть от того, примет ли конференция решение о приеме двух республик в первоначальные члены [85].

На заседании советский министр также поставил вопрос о том, будут ли Украина и Белоруссия иметь места в Руководящем комитете, других органах конференции в случае их избрания в состав конференции. Стеттиниус, Иден и Сун заверили Молотова в том, что после избрания двух республик в состав конференции они поддержат предложение о предоставлении им мест в комиссиях и комитетах [86].

24 апреля в Сан-Франциско состоялась беседа между Молотовым и Стеттиниусом, на которой советский министр констатировал, что провал на конференции ялтинской договоренности о Белоруссии и Украине вместе с

неспособностью реализовать решение по Польше окажется более чем серьезным свидетельством разногласий между СССР и США. На вопрос Молотова о позиции стран Латинской Америки относительно советских республик Стеттиниус ничего определенного сказать не смог, ибо он не поднимал этот вопрос на совещании в Мехико, поскольку не был уполномочен на это президентом Рузвельтом и поскольку соглашение не было опубликовано [87].

Молотов сказал, что он намерен поднять вопрос о Белоруссии и Украине на первом заседании Руководящего комитета конференции 26 апреля и спросил, сможет ли СССР ожидать максимальной поддержки в этом вопросе. Стеттиниус: было бы неразумно поднимать этот вопрос на первом же заседании, логично сделать это при обсуждении состава Ассамблеи. Молотов: он не сможет откладывать этот вопрос, так как это вопрос о членстве в организации. Он пригрозил, что «если Советское правительство столкнется с неспособностью трех держав выполнить Крымское решение о приеме Белоруссии и Украины, то он вынужден будет уехать домой», добавив, что такой провал конференции был бы с удивлением и огорчением встречен советским общественным мнением и что последствия этого не могут быть хорошими [88].

Стеттиниус был вынужден идти на попятную. Он сказал, что США готовы выполнить свое обязательство, но ему необходимо некоторое время, чтобы обсудить этот вопрос с Иденом и руководителями других делегаций. Будет большим риском, если Молотов выдвинет это предложение на первом заседании Руководящего комитета, так как тогда только США и Англия проголосуют за него. Госсекретарь проявил большую заинтересованность в решении польского вопроса, ибо его положительное решение создало бы чрезвычайно полезный эффект для позиции конференции в отношении вопроса о Белоруссии и Украине [89].

Беседа Молотова со Стеттиниусом не вселяла оптимизм в настроение советской делегации. За день до начала конференции не была ясна позиция стран Латинской Америки, составлявших почти половину приглашенных в Сан-Франциско государств — 19 из 42. Советский Союз отказывался связывать решение «белорусско-украинского вопроса» с польским вопросом, где его позиция была непоколебимой.

В то время как США оставались основным оппонентом СССР в вопросе о советских республиках, особенно в части их приглашения на конференцию, позиция английского правительства была более благожелательной. 24 апреля на пресс-конференции в Сан-Франциско заместитель премьер-министра Великобритании К. Эттли заявил, что Англия будет поддерживать советское предложение о предоставлении Белоруссии и Украине отдельных мест в Ассамблее. Отвечая на вопрос о том, каковы основания для такого представительства, он сказал, что эти республики имеют самостоятельные дипломатические отношения [90].

Комплекс вопросов, связанных с допущением Белоруссии и Украины в первоначальные члены международной организации и их участием в конференции Объединенных Наций, юридическим статусом советских союзных республик, обсуждался на ряде заседаний делегации США накануне и в период проведения конференции в Сан-Франциско. На заседании от 11 апреля советник делегации, небезызвестный в годы «холодной войны» Д. Ф. Даллес предложил основательно обсудить вопрос о советских союзных республиках. Он отметил, что фактически это вопрос о том, может ли Ассамблея рассматривать их как независимые государства. Отдавая его решение в руки Ассамблеи, можно только осложнить политику великих держав. Другой советник делегации Л. Пасвольский сказал, что статус советских республик является скорее проблемой членства, чем вопросом о полномочиях Генеральной Ассамблеи предоставлять место делегациям государств-членов международной организации [91].

На заседании от 21 апреля был специально обсужден вопрос «Советские республики». Дискуссию открыл Стеттиниус, упомянув соответствующее решение Крымской конференции и заявив, что США нарушат взятое на себя обязательство, если не проголосуют в Сан-Франциско за это предложение. Его поддержал член делегации Т. Коннэли [92]. Советник делегации И. Боумэн поставил вопрос более широко, высказавшись за определение базиса, на котором был бы создан прецедент для дальнейшего приема всех других советских республик. По мнению члена делегации С. Блума, голосование в поддержку Украины и Белоруссии не создает прецедента для остальных советских республик. Пасвольский по-

яснил, что на конференции будет согласован список первоначальных членов и советское предложение будет рассматриваться как просьба о включении двух советских республик в этот список. В дальнейшем Генеральная Ассамблея будет принимать решение о приеме других советских республик, если будут соответствующие ходатайства [93].

На заседании был поднят вопрос о том, чем руководствовалась делегация США в Ялте, принимая советское предложение о Белоруссии и Украине. Стеттиниус ответил: «Были военные и иные соображения, которые не могут быть дискутируемы» [94]. Пасвольский дополнил: был слабый шанс, что СССР откажется в Ялте от своего предложения и поставит его после учреждения организации. Но СССР этого не сделал. По итогам заседания было единогласно принято решение о том, что если СССР поднимет в Сан-Франциско вопрос о двух республиках, то делегация США будет голосовать «за», но ничего не скажет по этому вопросу [95].

Вопрос «Прием в организацию двух советских республик» обсуждался на 16-м заседании американской делегации утром 25 апреля. Стеттиниус сказал, что США должны выполнять ялтинское решение, подчеркнув, что эта позиция была подтверждена президентом Трумэном во время его встреч с Молотовым и Иденом. Он зачитал письмо Трумэна с директивой поддержать прием Белоруссии и Украины, отметив, что, по мнению президента, места для двух республик в Ассамблее могут быть предоставлены только после учреждения организации [96].

Болен и Ванденберг заметили: логично, чтобы республики были приняты в качестве первоначальных членов, но вопрос об их представительстве на конференции должен решаться самой конференцией. Член делегации Ч. Итон поставил вопрос совершенно иным образом: возможно ли, чтобы делегация США каким-либо образом не принимала решение о двух советских республиках. Ванденберг предложил другой путь: он готов поддержать советское предложение, но оно должно быть выдвинуто не в самом начале, а в ходе конференции, поскольку необходимо время для его обсуждения. По его мнению, первое решение конференции о приеме двух советских республик было бы плохо встречено общественным мнением США, которое считает, что Сталин в данном вопросе ведет нечестную игру. Советник делегации Данн

пояснил, что советская делегация намерена поставить этот вопрос на первом же заседании [97].

Вопрос, поставленный Итоном, не получил поддержки у других членов делегации. Более того, большинство из них высказалось не только за формальную поддержку советского предложения, но и за его успешную реализацию со стороны других делегаций. Даллес: «Было бы нечестно, если бы мы номинально поддержали предложение и ничего не сделали бы для его выполнения» [98]. С ним согласился другой член делегации Г. Стассен: поддержка предложения без его успешного решения была бы неразумной. Он высказал опасение тем, что его провал на ранней стадии конференции означал бы крах всей конференции. Главная проблема сейчас — обеспечить поддержку этого предложения у американского народа и найти основу для решения этого вопроса в соответствии со справедливостью и международным правом. С этим согласились Стеттиниус и Ванденберг [99].

Далее речь зашла о том, как реализовать в Сан-Франциско ялтинское решение о советских республиках. Блум заявил, что США не должны брать на себя ответственность за обеспечение принятия советского предложения, ограничившись чисто формальной его поддержкой. С ним не согласился Коннэли: если мы только формально поддержим советское предложение, но потерпим неудачу при голосовании, то США тем самым себя дискредитируют. Он выразил удивление тем, почему нельзя принять это предложение в начале конференции, что позволило бы урегулировать и другие вопросы. Советник делегации И. Рокфеллер также отметил, что поддержка советского предложения создала бы для США психологическое преимущество в вопросе об Аргентине, ибо латиноамериканские страны не хотят голосовать блоком в пользу этого предложения, пока не будет решен вопрос об Аргентине. Он прямо заявил: мы должны поставить условие — США поддержат приглашение советских республик на конференцию, если СССР поддержит приглашение Аргентины в течение следующих трех недель [100].

Посол США в СССР А. Гарриман, обратив внимание на укрепление советских позиций в Восточной Европе, призвал быть с русскими «твердыми, насколько это возможно». Особый интерес Сталина к двум советским республикам отражает проблему коммунистического контроля на Украине и Белоруссии и его стремление получить

поддержку общественности этих республик. По словам Гарримана, США необходимо учитывать тот факт, что внешняя политика двух республик будет диктоваться Кремлем и что эти республики не являются самостоятельными. Сталин придает главное значение международному признанию этих двух республик, а вопрос об их голосах в Ассамблее является второстепенным [101].

Гарриман ответил на ряд вопросов. На вопрос Боумэна о том, будет ли СССР после получения двух дополнительных мест настаивать на представительстве всех других советских республик, он ответил, что у него нет сомнений в этом. На вопрос Даллеса: связан ли вопрос о вето с соглашением о двух советских республиках, Гарриман и Стеттиниус ответили утвердительно, пояснив, что США приняли советское предложение и в целях удовлетворения интересов малых стран [102]. На вопрос советника делегации Г. Армстронга: что сделают Советы в случае отказа двум республикам в представительстве на конференции, посол ответил, что «русские будут очень сильно раздражены, а Молотов, возможно, упакует чемоданы и уедет домой». Он добавил: если США скажут, что не смогут гарантировать членство двух республик во время голосования, то оппозиция Советов по другим вопросам сильно возрастет [103]. С этим согласился Пасвольский.

В заключение заседания Стассен, пытаясь суммировать противоположные мнения среди членов и советников делегации, сказал, что позиция делегации будет очень уязвима для атак различных политических противников, если она проголосует за приглашение советских республик, которые не являются Объединенными Нациями и независимыми государствами, на конференцию. Но, с другой стороны, он отметил: если мы хотим достигнуть предпочтительного для нас польского урегулирования и гибких решений по другим вопросам, то необходимо согласиться на приглашение республик в Сан-Франциско [104]. После дискуссии члены делегации согласились в том, что им пока не удалось выработать приемлемой для всех позиции по вопросу о советских республиках [105].

25 апреля, в день открытия конференции, вечером на 17-м заседании делегации США среди других был рассмотрен вопрос «Представительство двух советских республик». Данн, доложив о результатах беседы с Громы-

ко, отметил, что СССР отказался одобрить список председателей и членов комиссий и комитетов, поскольку в нем не присутствовали представители двух советских республик. В связи с просьбой Громыко выделить места председателя и докладчика комитета для представителей Украины и Белоруссии, Данн объяснил советскому послу, что этого нельзя сделать до тех пор, пока конференция не решит вопрос о приглашении этих республик [106].

Стассен предложил, чтобы Аргентина и две советские республики были бы приглашены на конференцию спустя три недели после ее открытия, однако ранее должно быть принято решение о включении их в первоначальные члены международной организации. Стеттиниус ответил, что такое предложение встретит оппозицию президента Трумэна, который сильно заинтересован во включении Аргентины в состав Объединенных Наций [107]. Было в итоге решено, что Стеттиниус доложит президенту о том, что большинство делегации (Ванденберг зарезервировал свою позицию) согласилось поддержать прием двух советских республик в первоначальные члены организации и что Украина, Белоруссия и Аргентина прибудут на конференцию позднее [108].

26 апреля на 18-м заседании делегации США был обсужден вопрос «Позиция Аргентины и прием двух советских республик». Стеттиниус передал просьбу президента о том, чтобы делегация активно поддержала просьбу Советского Союза о допущении Украины и Белоруссии в состав первоначальных членов организации, а также приглашение их представителей для участия в конференции, но только в более позднее время. Большинство членов делегации поддержало рекомендации по вопросу об Аргентине и советским республикам. Исключение составил Ванденберг, заявивший, что его позиция остается прежней [109]. Он записал в своем дневнике: «Первый раз делегация раскололась. Я голосовал «против». Остальные голосовали «за». Ванденберг также отметил, что когда Стеттиниус просил членов делегации США голосовать в пользу советских республик, то он связывал этот вопрос с допуском Аргентины в первоначальные члены [110]. Однако открыто выступить на конференции против Украины и Белоруссии влиятельный сенатор-республиканец не решился [111].

25 апреля на 2-м предварительном заседании мини-

стров иностранных дел четырех держав по вопросам организации конференции в Сан-Франциско Молотов предложил включить вопрос о приглашении БССР и УССР для участия в конференции в качестве пункта 9-го повестки дня и заявил о том, что он зарезервировал за собой право поднять на конференции этот вопрос ялтинского соглашения [112].

26 апреля на пресс-конференции в Сан-Франциско Молотов выразил надежду, что Украина и Белоруссия получат представительство на конференции Объединенных Наций. Отвечая на вопрос корреспондента, почему Советский Союз потребовал трех мест в Ассамблее, а не 16, он заметил: «Мы просили минимума» [113]. Подчеркнув, что Украина и Белоруссия играли важную роль в войне и разгроме общего врага, он добавил: «Никто не может отрицать, что они заслужили право голоса на конференции. На Крымской конференции великий президент Соединенных Штатов Рузвельт великолепно понял это. Черчилль также понял, и я уверен, что эта позиция как Соединенных Штатов, так и Англии останется неизменной. Это будет лишь справедливым в отношении Украины и Белоруссии, учитывая услуги, оказанные ими в борьбе против общего врага». На вопрос о том, будут ли представители обеих республик участвовать в конференции в Сан-Франциско, Молотов ответил, что он надеется на это [114]. Вместе с тем министр назвал новым для себя вопрос о позиции СССР в отношении участия Аргентины в конференции, что не соответствовало действительности.

26 апреля утром после заседания делегации США состоялась новая встреча между Молотовым и Стеттиниусом, на которой присутствовали послы Громыко и Гарриман. Стеттиниус, бывший инициатором встречи, проинформировал Молотова о ходе решения вопросов, поставленных советским министром на их предыдущей встрече 24 апреля. Он вновь заверил о готовности США полностью и чистосердечно выполнить Крымское соглашение относительно двух республик. На вопрос Молотова о позиции других стран госсекретарь ответил, что после консультаций с другими делегациями он рад сообщить о своей уверенности в том, что советское предложение будет поддержано в Руководящем комитете. Молотов, поблагодарив за это сообщение, затем перешел ко второй фазе «белорусско-украинского вопроса» — о приглашении республик для участия в конференции. Стетти-

ниус ответил, что это другой вопрос, по которому он должен иметь больше времени для консультаций с другими делегациями, прежде чем он сможет дать ответ. Он посоветовал советской делегации «не давить» на вторую фазу этого вопроса, а заняться им немного позже. По мнению Стеттиниуса, положительное решение вопроса о приглашении УССР и БССР на конференцию могло быть достигнуто спустя некоторое время [115].

26 апреля на первом заседании глав делегаций (Руководящего комитета) по предложению Молотова в повестку дня работы конференции был единодушно внесен пункт 9 «Приглашение Украинской Советской Социалистической Республике и Белорусской Советской Социалистической Республике вступить в число первоначальных членов международной организации» [116]. В тот же день все делегации получили материалы, в которых содержались заявления обеих республик и другие сведения, относящиеся к этому делу [117].

На следующем заседании глав делегаций 27 апреля Молотов от имени правительств УССР и БССР сделал заявления, в которых выражалось их желание присоединиться к международной организации и принять участие в конференции в Сан-Франциско. В своем выступлении глава делегации СССР упомянул решение Крымской конференции относительно двух советских республик, рассказал о конституционной стороне этого вопроса, отметив, что советские республики являются суверенными государствами, подчеркнув важную роль народов Украины и Белоруссии в борьбе с общим врагом и в заключение призвал делегатов поддержать решение, одобренное Крымской конференцией, и присоединиться к нему [118].

В заявлении правительства БССР, подписанном Председателем СНК БССР П. К. Пономаренко и наркомом по иностранным делам БССР К. В. Киселевым, говорилось: «Правительство Белорусской Советской Социалистической Республики, стремясь обеспечить искреннее и эффективное участие белорусского народа в любой международной деятельности Объединенных Наций, направленной к достижению возвышенных целей — мира и безопасности, обращается к Конференции Объединенных Наций, созванной в Сан-Франциско, с данным заявлением о своем желании принять участие в создаваемой ныне международной организации по поддержанию мира и безопасности в качестве первоначального члена-основа-

8. Зак. 1089

теля, а также быть представленной на конференции в Сан-Франциско»[119].

В заявлении были приведены следующие основания, дававшие правительству БССР «право» и позволявшие ему считать своим «долгом» участвовать в международной организации и в конференции в Сан-Франциско: конституционные прерогативы БССР в области международных отношений; заинтересованность белорусского народа, неоднократно подвергавшегося иностранным нашествиям, в обеспечении своих границ и в устойчивом мире; большой вклад республики в дело борьбы Объединенных Наций против гитлеровской Германии и принесенные ею в войне с фашизмом огромные жертвы; стремление БССР вместе с другими свободолюбивыми государствами способствовать делу создания прочного мира и обеспечения безопасности. Правительство БССР, отмечалось в заключении, считает, что принципу наиболее полного и широкого представительства всех миролюбивых стран во всеобщей организации безопасности был бы причинен серьезный ущерб, если бы Белорусская республика не была представлена в этой организации, а также на конференции, призванной создать такую организацию, и если бы решение таких важных проблем, как обеспечение мира и безопасности после войны, принималось бы без участия представителей Белорусской республики[120].

Аналогичным по содержанию, но менее категоричным по выражениям было заявление правительства УССР. Очевидно, что «права» и «основания», приведенные в заявлении белорусского правительства, были хотя и достаточно вескими, но не являлись главной причиной допуска республики в первоначальное членство ООН и на конференцию в Сан-Франциско. Такие же аргументы с успехом могли привести и все остальные советские союзные республики. Главным было, как отмечалось, стремление советского руководства получить дополнительные голоса в Генеральной Ассамблее, воздать должное национальным чувствам белорусов и украинцев, облагородить международный облик и укрепить позиции тоталитарной системы в СССР, готовность правительств Великобритании (в большей мере) и США (в меньшей мере) пойти навстречу требованию СССР.

На заседании 27 апреля советское предложение поддержали в своих кратких выступлениях Стеттиниус,

Иден, Сун, а также главы делегаций Ирана, Франции, Бразилии, Чехословакии и Австралии. Заседание единогласно приняло постановление «поддержать предложение г-на Молотова включить Украинскую и Белорусскую советские социалистические республики в число первоначальных членов организации»[121]. Это решение было единогласно подтверждено в тот же день вторым пленарным заседанием конференции и встречено аплодисментами[122].

Выразив благодарность делегатам за это постановление, Молотов перешел ко второй фазе «белорусско-украинского вопроса»: попросил конференцию удовлетворить просьбу правительств Украины и Белоруссии о приглашении их принять участие в работе конференции. Глава делегации Колумбии Л. Камарго предложил поправку, согласно которой это предложение должно быть рассмотрено сначала в Исполнительном комитете конференции. Он сказал, что общественность путает вопрос принятия этих двух республик и вопрос о предоставлении нескольких голосов одному члену при голосовании в Ассамблее. Выразив поддержку советскому предложению, Камарго предложил, чтобы Руководящий комитет при его одобрении изложил мотивы, которые помогут устранить это недоразумение[123]. Затем после краткой дискуссии по предложению Стеттиниуса было единогласно принято решение о том, чтобы Исполком представил к следующему заседанию Руководящего комитета свое заключение по вопросу о приглашении УССР и БССР стать первоначальными членами организации[124]. С этим решением согласился Молотов, но характерно, что оно вызвало определенные возражения у главы делегации Бельгии П.-А. Спаака, отметившего, что после принятия решения о допущении УССР и БССР в первоначальные члены спустя несколько минут и по причинам, ему не понятным, приглашения этим правительствам на участие в конференции были отложены[125].

В связи с открытием конференции американская пресса вновь обратилась к теме о дополнительных голосах СССР. В редакционной статье «Нью-Йорк таймс» от 27 апреля, называвшейся «Три русских голоса», в целом выражалось положительное отношение к включению Белоруссии и Украины в состав международной организации и указывалось, что делегация США должна выполнить обязательство, данное Рузвельтом в Крыму. Отме-

чалось, что три русских голоса будут крошечным меньшинством среди 46 голосов в Ассамблее. Не ставя под сомнение больший международный вес СССР по сравнению с Эфиопией, Либерией и другими мелкими государствами, газета писала: но верно также и то, что все другие великие державы имеют в Ассамблее только один голос. «Проблемы здесь вообще не было бы, если бы Белоруссия и Украина были бы везде признаны как независимые государства с их собственными посольствами за границей»,— заключала «Нью-Йорк таймс» [126].

Положительное решение вопроса о приглашении двух советских республик страны Латинской Америки хотели связать с одобрением СССР приглашения Аргентины на конференцию [127]. По аргентинскому вопросу возник конфликт между СССР и США. Дело в том, что в Ялте Рузвельт обещал Сталину не поддерживать допуск в Объединенные Нации Аргентины, в которой было сильное фашистское движение и правительство которой в годы войны поддерживало государства «оси». Лишь 27 марта 1945 г. правительство Аргентины объявило войну Японии и Германии и присоединилось к решениям межамериканской конференции в Мехико. По мере приближения конференции в Сан-Франциско латиноамериканские страны усиливали давление на США, настаивая на включении Аргентины в первоначальные члены международной организации. Стеттиниус оказался в трудном положении: с одной стороны, он помнил слова Рузвельта в Ялте об Аргентине, с другой, опасался, что страны Латинской Америки, располагающие 19 голосами, могут проголосовать против Украины и Белоруссии [128]. Эту обеспокоенность, как отмечалось, Стеттиниус высказывал Молотову в их встречах накануне конференции.

28 апреля на встрече представителей «большой четверки» и трех стран Латинской Америки — Колумбии, Мексики и Перу — последние заявили о том, что страны Латинской Америки согласятся поддержать советские республики в обмен на поддержку Аргентины. Молотов предложил другой вариант, связывавший представительство Аргентины с урегулированием польского вопроса. Но Стеттиниус и Кадоган отклонили эту формулу [129]. Результатом данной встречи, как и беседы Молотова с министрами иностранных дел Бразилии и Колумбии от 27 апреля [130], было достижение взаимной договоренности: страны Латинской Америки поддержат предложение

«большой четверки» о приглашении для участия в конференции Белоруссии и Украины, а СССР в свою очередь не будет возражать против приглашения Аргентины [131]. Однако при рассмотрении аргентинского вопроса 30 апреля Молотов не выполнил своего обещания.

Вопрос о приглашении Украины и Белоруссии был положительно решен 30 апреля на заседании глав делегаций, которое единогласно одобрило предложение Исполкома немедленно допустить украинских и белорусских представителей на конференцию [132]. Рекомендация Руководящего комитета затем была единогласно принята пленарным заседанием 30 апреля, т. е. все 47 государств-участников конференции проголосовали за приглашение делегаций УССР и БССР на конференцию. Как отмечают в своей книге американские и английские историки ООН Л. Гудрич, Э. Хамбро и А. Симонс, решения по двум советским республикам были приняты единогласно, «хотя и без энтузиазма» [133]. Латиноамериканские государства дружно голосовали за приглашение Украины и Белоруссии на конференцию в обмен на данное СССР обязательство поддержать приглашение Аргентины [134].

30 апреля рассматривался и вопрос о представительстве Аргентины на конференции. Молотов предложил отложить данный вопрос на несколько дней для изучения [135]. Однако это предложение не получило поддержки, и значительным большинством голосов аргентинская делегация также была приглашена для участия в работе конференции. Выражая позицию латиноамериканских государств и не скрывая их разочарования, член делегации Перу В. Белаунде заявил: «Мы от всего сердца голосовали за принятие Украинской республики и Белорусской республики в качестве первоначальных членов международной организации. Мы ожидали, что советская делегация поддержит аргентинский вопрос» [136]. А уже упоминавшийся представитель Колумбии Камарго отвел характеристику Молотова в отношении Индии и Филиппин, которые, по словам последнего, не являлись «независимыми странами», заметив, что Индия и Филиппины могут рассматриваться наряду с вопросом о принятии в организацию в качестве первоначальных членов Украины и Белоруссии [137]. Иными словами, Камарго приравнял статус Индии и Филиппин к статусу советских республик.

Делегация США, несмотря на сказанные ранее Стет-

тиниусом слова о невозможности «контролировать» голоса других стран, не только сама активно поддержала допущение Украины и Белоруссии в первоначальные члены организации и их приглашение в Сан-Франциско, но и делала все возможное среди государств Латинской Америки для того, чтобы они воздержались от блокирования советского предложения. В противном случае советская делегация могла покинуть конференцию. Результатом дипломатических маневров СССР стал компромисс по вопросу об Аргентине [138]. Как справедливо считает К. Савчук, руководители внешней политики США принимали решения по «белорусско-украинскому вопросу» после болезненных часов сомнений и с большой неохотой. В обоих случаях поддержка, оказанная Вашингтоном, приводила к успеху, но ни в одном из них США не получили для себя дипломатического преимущества [139].

30 апреля на вечернем заседании делегации США Стеттиниус сообщил о том, что представители Украины и Белоруссии уже запросили визы на въезд в США для участия в конференции, и дал указание госдепартаменту выдать эти визы [140]. 1 мая Генеральный секретарь конференции А. Хисс отправил из Вашингтона телеграмму на имя наркома иностранных дел БССР К. В. Киселева, полученную в Минске в тот же день. В ней он информировал правительство БССР о решении конференции Объединенных Наций пригласить Белорусскую ССР стать равноправным членом создаваемой международной организации, а ее представителей немедленно прибыть для участия в конференции, как только они получат приглашение через представителей СССР [141]. Аналогичные телеграммы были направлены в адрес правительств Украинской ССР и Аргентины.

Во время встречи между Сталиным и личным представителем президента США Гопкинсом в мае 1945 г. посол США в СССР Гарриман воспроизвел обстоятельства, связанные с урегулированием в Сан-Франциско «белорусско-украинского» и аргентинского вопросов. Он напомнил о том, что делегация США имела обязательства, данные СССР относительно Украины и Белоруссии, а странам Латинской Америки — относительно Аргентины.

После того как Стеттиниус по просьбе Молотова поставил перед латиноамериканскими странами вопрос о поддержке Крымского решения относительно Украины и

Белоруссии, те в свою очередь попытались связать этот вопрос с принятием в организацию Аргентины. Стеттиниус был против подобной увязки, тем не менее латиноамериканские страны дружно проголосовали в поддержку Ялтинского решения. Что же касалось вопроса о приглашении советских республик на конференцию, то, по мнению Гарримана, если бы Молотов не поднял вопрос о приглашении польского правительства в Варшаве, то США возможно убедили бы латиноамериканские страны отложить вопрос об Аргентине. Стеттиниус считал, что коль скоро эти страны изъявили готовность поддержать Крымское решение и приглашение Украины и Белоруссии, то Молотов обязан был голосовать за допуск Аргентины. Присутствовавший на встрече Молотов не смог ответить ничем более вразумительным, кроме как словами, что в Сан-Франциско ему не предоставили большего времени для выступления. А Сталин заявил, что сделанного уже не поправишь и что вопрос об Аргентине — это дело прошлого [142].

Президиум Верховного Совета БССР по согласованию с бюро ЦК КП(б)Б 30 апреля 1945 г. назначил делегацию БССР на конференцию в составе К. В. Киселева (руководитель делегации), А. Р. Жебрака, В. Н. Перцева, Г. И. Байдукова и Ф. П. Шмыгова. В состав технического персонала делегации вошли: В. И. Формашев (консультант), М. Т. Лыньков (корреспондент), М. И. Петрова (переводчица), Нестерова (переводчица-стенографистка). Делегация получила полномочия подписать окончательный текст Устава Всеобщей международной организации для поддержания мира и безопасности при условии его последующей ратификации в порядке, установленном законами БССР [143].

1 мая Стеттиниус на пресс-конференции сообщил о распределении обязанностей в комиссиях и комитетах конференции, в соответствии с которыми представителям Украины и Белоруссии были поручены важные обязанности в комитетах [144].

5 мая делегации БССР и УССР прибыли в канадский город Эдмонтон, по случаю чего им была оказана торжественная встреча. Делегатов приветствовали американский генерал Гафни и канадский генерал Фостер в сопровождении офицеров местного гарнизона. Руководителям делегаций К. В. Киселеву и Д. З. Мануильскому были переданы письменные приветствия от премьер-ми-

нистра Канады М. Кинга. На обеде в честь белорусской и украинской делегаций генерал Фостер выразил восхищение героизмом и мужеством советского народа в его совместной борьбе с другими Объединенными Нациями против фашизма, а также свободолюбивым духом белорусского и украинского народов, у которых не угасло чувство национальной гордости в дни самых тяжелых и страшных испытаний [145]. Гафни и Фостер произнесли тосты за дружбу и послевоенное сотрудничество между народами США и Канады, с одной стороны, и народами Украины, Белоруссии и других советских республик — с другой.

6 мая правительственные делегации БССР и УССР прибыли в Сан-Франциско и сразу же включились в работу конференции Объединенных Наций. Уже 7 мая Мануильский выступил на пресс-конференции как председатель комитета № 1 комиссии № 1 (1/1). 8 мая глава советской делегации Молотов устроил прием для всех делегатов конференции в честь белорусской и украинской делегаций и их руководителей. На приеме присутствовало более 700 человек, в том числе министры иностранных дел США, Великобритании, Франции, Китая, многие другие делегаты различных государств, представители печати, радио, науки и искусства. Как отмечал Киселев, для белорусской делегации это был первый дипломатический прием. Он прошел в атмосфере дружественного интереса к Советскому Союзу, Белоруссии и Украине. Отдельные тосты со стороны Киселева и Мануильского были произнесены на белорусском и украинском языках [146].

25 июня в предпоследний день конференции делегации БССР и УССР подписали Устав ООН, который был ратифицирован Президиумами Верховных Советов УССР и БССР соответственно 22 и 30 августа 1945 г. Ратификационные грамоты СССР, УССР и БССР были сданы 24 октября 1945 г. и в тот же день Устав ООН вступил в силу. Так юридически был завершен процесс международного признания обеих советских республик в качестве первоначальных членов или учредителей ООН. Вступление БССР и УССР в ряды членов международной организации по поддержанию мира и безопасности означало то, что первоначальные члены ООН, государства, которые впоследствии были приняты в эту организацию, все международное сообщество признавали Бела-

русь и Украину в качестве субъектов международного права. Конференция в Сан-Франциско, можно сказать, санкционировала международную правосубъектность всех советских союзных республик, создав тем самым определенную правовую базу для их последующего приема в ООН. Однако юридический статус БССР и УССР как государств-учредителей ООН и остальных советских республик, принятых в ООН после распада СССР в 1991—1992 гг., будет оставаться различным. Беларусь и Украина не были приняты в ООН, как впоследствии это произошло с более чем ста государствами мира, а были допущены в ее состав в качестве первоначальных членов, основателей организации.

Следует отметить, что и после того, как БССР и УССР стали членами ООН, в США оставались влиятельные политики, сожалевшие о происшедшем. Наиболее заметным из них был Д. Бирнс, сменивший Э. Стеттиниуса на посту государственного секретаря в июле 1945 г. Он был твердым и последовательным противником допущения этих двух, как и других советских, республик в ряды ООН. Бирнс считал, что делегация США в Сан-Франциско должна была требовать, согласно ялтинской договоренности, три голоса для себя. В своих воспоминаниях он писал, что «часто сожалел» о том, что США не потребовали в Сан-Франциско трех голосов для себя, как это было согласовано в Ялте [147]. Бирнс считал ошибкой предоставление СССР трех голосов, что, по его мнению, впоследствии повлияло на ход Парижской мирной конференции в 1946 г.[148]. «Было бы справедливо,— заключал он,— если бы в итоге оба правительства имели по одному голосу. Это было бы лучшим решением» [149]. Что же касалось ратификации Устава ООН сенатом в июле 1945 г., то там вопрос о дополнительных голосах для Украины и Белоруссии, как отмечал Стеттиниус, практически и не затрагивался [150].

Подводя итог относительно короткого, но насыщенного важными политическими и дипломатическими событиями периода подготовки и начальной фазы Сан-Францисской конференции (середина февраля — конец апреля 1945 г.), можно сказать, что советская дипломатия смогла успешно решить две главные задачи, связанные с обеспечением прав Украины и Беларуси на первоначальное членство в ООН: добиться одобрения своего предложения об их включении в число инициаторов этой

организации, а также реализовать идею о приглашении двух республик для участия в работе конференции. Эти задачи были решены в условиях дипломатического противоборства с американскими и английскими представителями, делегациями стран Латинской Америки. Острые дискуссии по проблеме дополнительных голосов в Ассамблее велись в американских общественных и политических кругах, среди членов делегации США на конференции в Сан-Франциско. На стадии подготовки к конференции на дипломатическую арену впервые вышли и сами «главные виновники» событий — правительства УССР и БССР, которые, однако, не играли какой-либо существенной роли в дипломатической активности вокруг «белорусско-украинского вопроса». Совершенно иной была роль УССР и БССР на «комитетской» фазе конференции. Они успешно дебютировали на этом крупном международном форуме и внесли конкретный вклад в разработку Устава ООН. Их участие в работе Сан-Францисской конференции положило начало выходу Украины и Беларуси на международную арену.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Потребовался год: с августа 1944 г., когда вопрос о включении всех союзных республик был впервые поставлен СССР в Думбартон-Оксе, до августа 1945 г., когда Устав ООН был ратифицирован в Москве, Киеве и Минске, чтобы Беларусь и Украина смогли стать первоначальными членами новой международной организации. На всем протяжении пути от Думбартон-Окса до Сан-Франциско советской дипломатии пришлось приложить много усилий и преодолеть ряд серьезных препятствий, чтобы обе республики смогли занять почетное место среди Объединенных Наций.

Поставив в Думбартон-Оксе вопрос о первоначальном членстве всех 16 союзных республик в проектируемой Международной организации безопасности, советское правительство вынуждено было затем преодолевать серьезное сопротивление своих западных оппонентов. Советским руководителям и дипломатам пришлось выслушать немало неприятных, но в то же время справедливых слов в адрес Беларуси и Украины, всех других союзных республик относительно их подлинного суверенитета и независимости, реального государственного статуса в составе унитарного Советского Союза. Проблемы «множественного представительства» СССР на международной арене вообще не существовало бы, если бы союзные республики обладали настоящей, а не мнимой самостоятельностью.

Советские республики не были инициаторами постановки вопроса о своем членстве в Международной организации безопасности, как и в целом предложения о предоставлении им внешнеполитических полномочий. В условиях сталинского режима руководители республик не могли отважиться на выдвижение перед центром столь смелых задач. В допуске республик в новую международную организацию было заинтересовано прежде

всего советское руководство, стремившееся обеспечить себе солидную международную поддержку в их лице. Это стремление было оправдано в виду тех многочисленных союзников, которых имели в международной организации США и Великобритания.

Путь Беларуси в ООН — это итог напряженной, настойчивой и успешной борьбы советской дипломатии с дипломатией США, Великобритании, других стран. Благодаря компромиссам и уступкам, угрозам и ультиматумам, взаимоувязкам и другим искусным ходам советскому руководству удалось добиться минимального представительства союзных республик в ООН. В частности, положительное решение «белорусско-украинского вопроса» в Сан-Франциско стало возможным в результате взаимоувязанной договоренности В. М. Молотова с представителями латиноамериканских стран. Дверь Беларуси в ООН открылась благодаря различным подходам США и Великобритании к проблеме первоначального членства союзных республик.

Допуск Беларуси в ООН был «оплачен» ее общепризнанным вкладом в победу Объединенных Наций над фашизмом, огромными жертвами, принесенными белорусским народом в войне. Вместе с тем дорогу Беларуси в ООН проложили достижения республики в государственном строительстве в предвоенные годы, объединение БССР с Западной Белоруссией, подъем патриотизма и национального движения среди различных общественно-политических сил в годы войны. Все это давало И. В. Сталину основания называть БССР одной из «основных советских республик», добиваясь ее первоочередного включения в организацию.

Включение Беларуси в ООН необходимо рассматривать в контексте целей и средств сталинской внешней политики. Благородная цель — вывод республики на международную арену — была достигнута при помощи средств и методов великодержавной политики, характерной для сталинского режима. О соответствующем подходе И. В. Сталина к Беларуси и Украине, его внешнеполитических расчетах, связанных с их членством в ООН, свидетельствовал его тезис о «двух дополнительных голосах» для СССР. Борьба советского правительства за допуск Беларуси в ООН была продиктована прежде всего интересами центра, геополитическими расчетами Кремля, а не стремлением вывести республику

на международную арену, хотя и это несомненно имело место.

На переговорах между СССР, США и Великобританией, другими странами, непосредственно затрагивающими национальные интересы Беларуси, она выступала не как субъект, а как объект политики «большой тройки». БССР подключилась к усилиям советской дипломатии лишь на этапе подготовки конференции в Сан-Франциско (март—апрель 1945 г.), когда возник вопрос о приглашении обеих советских республик на конференцию. Впрочем, политика великодержавности была характерна не только для СССР, но и для США и Великобритании. Нельзя не учитывать и того, что дипломатия великих держав определялась условиями военного времени.

Допуск Беларуси и Украины в ООН был бы невозможен без поддержки правительств США и Великобритании. Используя свой большой международный вес и влияние, они смогли организовать поддержку советской просьбы у своих многочисленных союзников — британских доминионов, латиноамериканских стран, государств Европы, Азии и Африки. У двух остальных членов «большой пятерки» — Китая и Франции — вопрос о представительстве советских республик не вызвал возражений.

Большое значение для обеспечения допуска Беларуси и Украины в ООН имела царившая в широких кругах общественности и населения США, Великобритании и других государств антигитлеровской коалиции атмосфера восхищения мужеством и героизмом белорусского и украинского народов в борьбе с общим врагом. Эти чувства создавали тот благоприятный для Советского Союза морально-политический климат, который как бы «освящал» и укреплял шаткую почву под советским требованием и против которого было трудно возражать даже самым стойким оппонентам «дополнительных голосов» для СССР.

Как показали последующие события, первоначальное членство БССР и УССР в ООН позволяло СССР иметь твердую и гарантированную поддержку в Генеральной Ассамблее, других главных органах организации, в которые могли быть избраны БССР и УССР, в том числе в Совете Безопасности. Голоса двух советских республик немало значили на Парижской мирной конференции 1946 г.

Белорусская делегация, прибывшая в Сан-Франциско ко времени начала второго, «комитетского» периода работы конференции, активно включилась в работу комитетов и комиссий и внесла конструктивный вклад в разработку Устава ООН. Она отстаивала право вето постоянных членов Совета Безопасности, выступала за включение в Устав положений о самоопределении народов, обеспечении интересов народов колониальных и зависимых стран, возражала против допуска франкистской Испании в организацию, проявляла активность в обсуждении социальных вопросов, прав человека, проблем определения агрессии и применения санкций к нарушителям Устава.

Важную пропагандистско-ознакомительную роль сыграла пресс-конференция главы делегации БССР К. В. Киселева 23 мая 1945 г. На своей первой международной пресс-конференции нарком иностранных дел БССР заявил, что республика будет проводить самостоятельную внешнюю политику, соответствующую ее собственным интересам, но совпадающую во всех принципиальных вопросах с политикой Союза ССР. Он смело говорил о возможности установления Белоруссией в скором будущем дипломатических отношений с зарубежными государствами, в том числе с США. Однако эти оптимические планы не входили в расчеты сталинского руководства, которое не собиралось давать БССР свободу действий во внешнеполитической области.

26 июня 1945 г. в Сан-Франциско представители 50 государств подписали Устав ООН. От имени правительства БССР его подписали члены белорусской делегации К. В. Киселев, А. Р. Жебрак, В. Н. Перцев, Г. И. Байдуков и Ф. П. Шмыгов. После акта подписания К. В. Киселев произнес краткую речь, в которой напомнил об исключительных страданиях, больших жертвах и героической борьбе белорусского народа в годы войны с фашизмом. Он заявил об огромной заинтересованности белорусского народа в международной организации мира и безопасности и выразил уверенность в том, что она при поддержке всего прогрессивного человечества справится с поставленными перед ней задачами. 30 августа 1945 г. Президиум Верховного Совета БССР ратифицировал Устав ООН. 24 октября 1945 г. ратификационная грамота БССР была сдана на хранение. Одновременно были сданы на хранение ратификационные грамоты

СССР и УССР. В этот же день Устав ООН вступил в силу.

Вхождение Беларуси в число государств — учредителей ООН отвечало ее национальным интересам. Будучи признанной согласно Уставу ООН суверенным и независимым государством, она получала все права и привилегии, которыми обладали остальные члены ООН. Перед правительством БССР открывалась возможность доводить свою точку зрения до сведения международного сообщества, принимать участие в обсуждении мировых проблем, вносить предложения по рассматриваемым вопросам. Членство в ООН позволило БССР подключиться к деятельности ЮНРРА (Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций) и получить в 1945—1947 гг. срочную помощь в экономическом восстановлении, обеспечении населения продовольствием, одеждой и медикаментами

Членство БССР в ООН означало международное признание героической борьбы белорусского народа против германского фашизма, его вклада в общее дело Объединенных Наций. Благодаря участию в деятельности ООН республика смогла отстаивать и такие свои национальные интересы, как предотвращение германской агрессии, первой жертвой которой становился белорусский народ в годы первой и второй мировых войн, создание системы безопасности в Европе. Членство в ООН, статус государства — учредителя этой самой широкопредставительной и авторитетной международной организации открывали перед Беларусью благоприятные перспективы широкого выхода на мировую арену, установления дипломатических отношений с иностранными государствами, развития полномасштабных государственных, общественно-политических, торгово-экономических, культурных и научных связей с зарубежными странами.

Однако эти возможности не удалось реализовать ни в первые послевоенные годы, ни в последующие десятилетия в условиях внешнеполитического диктата центра. Холодная война, конфронтация советского и западного блоков в ООН, как и в целом на международной арене, делали невозможным широкое и полноправное международное общение Беларуси, вновь обрекли ее на внешнеполитическую изоляцию, хотя и менее жесткую, чем в 30-е годы.

На протяжении 40—80-х годов внешнеполитическая деятельность БССР не претерпела серьезных, качественных изменений. Практически все вопросы отношений республики с зарубежными странами и международными организациями решались в центре — Москве. Там не только согласовывались внешнеполитические действия, но и обсуждались текущие оперативные вопросы. Конституция СССР 1977 г. и Конституция БССР 1978 г. не внесли ничего принципиально нового в распределение компетенции в сфере международных отношений между республикой и центром. Конституционные положения еще более укрепляли внешнеполитические полномочия союза. Статья 28 Конституции БССР 1978 г. констатировала, что республика «во внешнеполитической деятельности руководствуется целями, задачами и принципами внешней политики СССР, определенными Конституцией СССР».

Новый, активный выход Беларуси на арену европейской и мировой политики, ее полномасштабное международное признание, формирование основ независимой внешней политики и дипломатии, определение национальных интересов и внешнеполитических приоритетов стали возможными и реальными в начале 90-х годов, когда Беларусь встала на путь воссоздания национальной государственности.

ЛИТЕРАТУРА

Предисловие

1. Броўка Ю. П. Да пытання аб удзеле Беларускай ССР у стварэнні Арганізацыі Аб'яднаных Нацый // Весці АН БССР. Серыя грамад. навук. 1963. № 2; Забигайло К. С. К истории участия Украинской ССР в выработке Устава ООН // Советский ежегодник международного права. 1964—1965. М., 1966; Коваль В. С. Міжнародній імперіалізм і Україна. 1941—1945. Київ, 1966; В интересах миру і дружби між народами: Міжнародна-правова діяльность Украïнськой РСР. 1945—1972. Документи і коментарі. Київ, 1974; Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. М., 1987.

Глава I

1. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. V, кн. 1. М., 1970. С. 549—550.
2. Churchill W. The Second World War. Vol. IV. London, 1951. P. 722; Кочеткова Т. Ю. Советский Союз и создание Организации Объединенных Наций // Россия, СССР и международные конфликты первой половины XX века. М., 1989. С. 215.
3. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.: Сб. документов. Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19—30 окт. 1943 г.). М., 1978. С. 329.
4. Там же. С. 347.
5. Новиков Н. В. Воспоминания дипломата: Записки, 1938—1947. М., 1989. С. 123.
6. Aspaturian V. The Union Republics in the Soviet Diplomacy: A Study of Soviet federalism in the service of Soviet foreign policy. Paris—Geneve, 1960. P. 101.
7. Postwar Foreign Policy Preparation, 1939—1945. U. S. Departament of State. Wash., 1949. P. 318; History of the United Nations War Crimes Commission and the Development of the Laws of War. London, 1948. P. 112, 158.
8. History of the United Nations War Crimes Commission. P. 158—159.
9. Daily Herald. 1944. 3. II.
10. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). 9 е изд., доп. и испр. Т. 7: 1938—1945. М., 1985. С. 490.
11. Дзесятая сесія Вярхоўнага Савета СССР. 28 студзеня — 1 лютага 1944 г. Стэнаграфічная справаздача. М., 1944. С. 258.
12. Там же. С. 258, 261.

13. Там же. С. 262—263.
14. Там же. С. 258—259.
15. Там же. С. 264, 266.
16. Там же. С. 270.
17. Там же. С. 281.
18. Там же. С. 286.
19. Там же. С. 288—289.
20. Там же. С. 296—298.
21. Там же. С. 309—310.
22. История советского государства и права. Кн. 3. Советское государство и право накануне и в годы Великой Отечественной войны (1936—1945 гг.). М., 1985. С. 248, 345.
23. Шостая сесія Вярхоўнага Савета БССР. 21—24 сакавіка 1944 г. Стэнаграфічная справаздача. Мн., С. 207, 217.
24. Там же. С. 217—218.
25. Там же. С. 218.
26. Там же. С. 218—224.
27. Там же. С. 206.
28. Там же. С. 218.
29. Там же. С. 228.
30. Там же. С. 237—238.
31. Там же. С. 273.
32. Савецкая Беларусь. 1944. 31 сак.; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. II (1 янв.— 31 дек. 1944 г.). М., 1946. С. 442.
33. Правда. 1944. 3 февр.; Известия. 1944. 3 февр.
34. Известия. 1944. 3 февр.
35. Правда. 1944. 3 февр.; Савецкая Беларусь. 1944. 8 лют.
36. Новый шаг в развитии международных связей Советского Союза // Война и рабочий класс. 1944. № 3. С. 1.
37. Там же. С. 3.
38. Савецкая Беларусь. 1944. 8 лют.
39. Савецкая Беларусь. 1944. 23, 25 крас.
40. Materski W. Kwestia uznania BSSR i USSR za pelnoprawnuch czlonkow Narodów Zjednoczonych (1944—1945) // Dzieje najnowsze. Wroclaw—Warszawa—Kraków—Gdansk. 1979. N 2. S. 77—78; tegoz. Narodziny ONZ. Idea miédzynarodowej organizacji bezpieczenstwa w polityce zagranicznej ZSRR 1941—1945. Warszawa, 1982. S. 144—145.
41. The New York Times. 1944. 30. I.
42. The New York Times. 1944. 3. II.
43. Times. 1944. 15. II.
44. Harriman A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin. 1941—1946. N. Y., 1975. P. 303.
45. Ibid.
46. Foreign Relations of the United States (FRUS): Diplomatic Papers. 1944. Vol. IV: Europe. Wash., 1966. P. 821—822.
47. Правда. 1944. 5 февр.
48. The Manchester Guardian. 1944. 7. II.
49. Правда. 1944. 5 февр.
50. Правда. 1944. 3—5 февр.
51. Правда. 1944. 4 февр.
52. Правда. 1944. 5 февр.
53. Правда. 1944. 9 февр.
54. Правда. 1944. 18 февр.

55. The New York Times. 1944. 6. II.
56. The New York Times. 1944. 3. II.
57. Mainichi. 1944. 6. II.
58. Nippon Times. 1944. 19. IV.
59. The New York Times. 1944. 3, 6. II.
60. The New York Times. 1944. 6. II.
61. The New York Times. 1944. 5. II.
62. The New York Herald Tribune. 1944. 3. II.
63. Globe and Mail. 1944. 3. II.
64. The New York Times. 1944. 3. II.
65. Daily Herald. 1944. 3. II.
66. The New York Times. 1944. 13. II.
67. Ibid; Globe and Mail. 1944. 3. II.
68. The New York Times. 1944. 8. III.
69. The New York Times. 1944. 6. II; Times. 1944. 3. II.
70. The New York Herald Tribune. 1944. 3. II.
71. The New York Times. 1944. 6. II.
72. Ibid.
73. The Manchester Guardian. 1944. 7. II.
74. Daily Herald. 1944. 3. II.
75. The Manchester Guardian. 1944. 3. II.
76. The Manchester Guardian. 1944. 7, 15. II.
77. Daily Herald. 1944. 3. II.
78. The New York Times. 1944. 6. II.
79. The New York Herald Tribune. 1944. 3. II.
80. Globe and Mail. 1944. 5. II.
81. Daily Herald. 1944. 3. II.
82. Times, 1944. 3. II.
83. The New York Herald Tribune. 1944. 3. II.
84. The New York Herald Tribune. 1944. 9. II.
85. История Советского государства и права Кн. 3. С. 344—345.
86. Гриневич В. А. Утворення Наркомату оборони УРСР у 1944 р.: з історії однієй політичной гри // Украинський історичний журнал. 1991. № 5. С. 29—37.
87. Снапковський В. Е. Про статтю В. А. Гриневича «Утворення Наркомату оборони УРСР у 1944 р.: з історії однієй політичной гри» // Там же. 1992. № 1. С. 155—157.
88. Гриневич В. А. Ук. соч. С. 31.
89. Там же. С. 37.
90. Aspaturian V. Op. cit., P. 101.
91. Боффа Д. История Советского Союза. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941—1964. М., 1990. С. 213—214.
92. Другі Усебеларускі Кангрэс. Матэр'ялы, сабраныя і апрацаваныя на падставе пратакольных запісаў камісіяй Беларускай Цэнтральнай Рады пад рэд. праф. Р. Астроўскага. Мюнхен, 1954. С. 63.
93. Урбан П. Беларуская Савецкая Сацыялістычная Рэспубліка (Кароткі гістарычны нарыс) // Беларускі зборнік. Кн. 10. Мюнхен, 1959. С. 36.

Глава II

1. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сборник документов. Т. 3. Конференция представителей СССР, США и Великобритании

в Думбартон-Оксе (21 авг.— 28 сент. 1944 г.) (далее: Конференция в Думбартон-Оксе). М., 1978. С. 31.
2. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. V. кн. 1. С. 559.
3. Postwar Foreign Policy Preparation. P. 318.
4. Ibid.
5. Aspaturian V. Op. cit. P. 102—103.
6. Конференция в Думбартон-Оксе. С. 33—34.
7. Там же. С. 34—35.
8. Там же. С. 36—37.
9. Там же. С. 44—46.
10. Там же. С. 48.
11. Там же. С. 71.
12. Там же. С. 97.
13. Крылов С. Б. История создания Организации Объединенных Наций. Разработка текста Устава ООН (1944—1945). М., 1960. С. 11—13.
14. FRUS. The Conferences at Malta and Jalta, 1945. Wash., 1955. P. 775; Aspaturian V. Op. cit. P. 107.
15. Конференция в Думбартон-Оксе. С. 48.
16. Там же. С. 107.
17. Там же. С. 111.
18. Там же. С. 116.
19. Там же. С. 132.
20. Там же. С. 135—136.
21. Там же. С. 136.
22. Бережков В. М. Ук. соч. С. 401.
23. Там же.
24. Там же; FRUS. 1944. Vol. 1: General. Wash., 1966. P. 737, 742—743.
25. Бережков В. М. Ук. соч. С. 401.
26. Боратынский С. Дипломатия периода второй мировой войны. Международные конференции 1941—1945 годов. М., 1959. С. 271—273; FRUS. 1944. Vol. 1. P. 743, 751—753; Materski W. Narodziny ONZ. S. 217.
27. The Diares of Edward R. Stettinius Jr. 1943—1946. N. Y., 1975. P. 111—114; The Diares of Sir Alexander Cadogan. 1938—1945. London. 1971. P. 658—659; Громыко А. А. Памятное. В 2 кн. М., 1988.
28. FRUS. 1944. Vol. 1. P. 751.
29. Ibid. P. 743.
30. Ibid. P. 744, 752; Kowalski W. Wielka Koalicja. 1941—1945. T. II: Rok 1944. Warczawa, 1980. S. 493—494.
31. Stettinius E. R. Roosevelt and the Russians: The Jalta Conference. N. Y., 1949. P. 17.
32. Hull C. The Memoirs of Cordell Hull. Vol. II. N. Y., 1948. P. 1679; FRUS. 1944. Vol. 1. P. 752.
33. Конференция в Думбартон-Оксе. С. 141. В протокольной записи этой беседы, сделанной американской стороной, сообщалось, что Стеттиниус в начале сказал Громыко о том, что советское предложение неприемлемо, и попросил отозвать его с конференции. Затем Стеттиниус посоветовал Громыко, если его правительство настаивает на допуске 16 республик в Объединенные Нации, по-

ставить этот вопрос после создания организации. (FRUS. 1944. Vol. 1. P. 749, 752—753; Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1679).
34. FRUS. 1944. Vol. 1. P. 746.
35. Конференция в Думбартон-Оксе. С. 141; Бережков В. М. Ук. соч. С. 402.
36. Бережков В. М. Ук. соч. С. 402.
37. Там же. С. 376, 381—382.
38. Конференция в Думбартон-Оксе. С. 149—150.
39. Там же. С. 150.
40. Там же.
41. Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1679—1680.
42. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 2. М., 1976. С. 166.
43. Там же. С. 167.
44. Materski W. Narodziny ONZ. S. 218—219.
45. Боратынский С. Ук. соч. С. 271—272.
46. Sawczuk K. The Ukraine in the United Nations Organization, Study in Soviet Foreign Policy, 1944—1950. New York and London, 1975. P. 6.
47. Stettinius E. R. Roosevelt and the Russians. P. 20.
48. Конференция в Думбартон-Оксе. С. 166—168; Громыко А. А. Памятное. Кн. 1. С. 237.
49. Конференция в Думбартон-Оксе (Вступительная статья). С. 18; Юнин М. М. Конференция в Думбартон-Оксе // Новая и новейшая история. 1977. № 2. С. 100.
50. Конференция в Думбартон-Оксе. С. 183; Крылов С. Б. История создания Организации Объединенных Наций. С. 64—65.
51. Конференция в Думбартон-Оксе. С. 258.
52. Postwar Foreign Policy Preparation. P. 327—328; FRUS. 1944. Vol. 1. P. 839.
53. FRUS. 1944. Vol. 1. P. 843.
54. Roosevelt and Churchill. Their Secret Wartime Correspondence. London, 1975. P. 577.
55. Крылов С. Б. История создания Организации Объединенных Наций. С. 45—46, 64.
56. Конференция в Думбартон-Оксе. С. 166, 255—256.
57. Kowalski W. Wielka Koalicja. T. II. S. 493; Сиполс В. Я. На пути к великой Победе: Советская дипломатия в 1941—1945 гг. М., 1985. С. 288.
58. Конференция в Думбартон-Оксе. С. 142—143, 166; Бережков В. М. Ук. соч. С. 403—404.
59. Известия. 1944. 10 окт.; Конференция в Думбартон-Оксе. С. 215.
60. Конференция в Думбартон-Оксе. С. 206.
61. FRUS. 1944. Vol. 1. P. 743, 751—753, 776.
62. Ibid. P. 868; Postwar Foreign Policy Preparation. P. 334.
63. Postwar Foreign Policy Preparation. P. 318.
64. Ibid. P. 318, 333—334.
65. Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1680.
66. Meigs C. The Great Design: Men and Events in the United Nations from 1945 to 1963. Boston, 1964. P. 20.
67. Правда. 1944. 11 окт.; Известия. 1944. 10, 13 окт.; Война и рабочий класс. 1944. № 20.
68. Materski W. Kwestia uznania BSSR i USSR. S. 81.

69. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. II. С. 47—48.
70. Правда. 1944. 11 окт.
71. Крылов С. Б. История создания Организации Объединенных Наций. С. 70—72; Конференция в Думбартон-Оксе. С. 241—248.
72. Churchill W. The Second World War. Vol. VI: Triumph and Tragedy. Boston, 1953; Eden A. The Memoirs of Anthony Eden. Vol. III: The Reckoning. Boston, 1965.
73. Materski W. Narodziny ONZ. S. 224.
74. Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. London, 1962. P. 462.
75. Ibid.
76. Materski W. Narodziny ONZ. S. 231.
77. Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. Vol. 5. London, 1976. P. 175—177.
78. Ibid. P. 177.
79. Ibid.
80. Ibid. P. 178.
81. Ibid.
82. Ibid. P. 180.
83. Громыко А. А. Памятное. Кн. 1. С. 235.
84. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. 2. М., 1958. С. 557.
85. FRUS. The Conferences at Malta and Jalta. P. 52; Броўка Ю. П. Ук. соч. С. 117.
86. Postwar Foreign Policy Preparation. P. 384; FRUS. The Conferences at Malta and Jalta. P. 48—49, 52, 66.
87. Postwar Foreign Policy Preparation. P. 384.
88. Ibid. P. 385—386.
89. Aspaturian V. Op. citl. P. 113—114.
90. Боратынский С. Ук. соч. С. 272.
91. Sawczuk K. Op. cit. P. 9.
92. Ibid. P. 8—9.
93. Kowalski W. Wielka Koalicja. T. II. S. 494.

Глава III

1. Громыко А. А. Памятное. Кн. 1. С. 246.
2. FRUS. The Conferences at Malta and Jalta. P. 72.
3. Ibid. P. 73.
4. Ibid. P. 75; Sawczuk K. Op. cit. P. 10.
5. Materski W. Narodziny ONZ. S. 243—244.
6. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 2. С. 574.
7. Dallin A. The Soviet Union at the United Nations. An Inqwiry into Soviet Motives and Objectives. N. Y., 1962. P. 107.
8. Aspaturian V. Op. cit. P. 104.
9. Kowalski W. Wielka Koalicja. T. III: Rok 1945. Warszawa, 1980. S. 71.
10. Коваль В. С. Ук. соч. С. 204.
11. Stettinius E. R. Roosevelt and the Russians. P. 55.
12. Materski W. Narodziny ONZ. S. 246.
13. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сборник документов. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных

держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февр. 1945 г.) (далее: Крымская конференция). М., 1984. С. 81—82.
14. Materski W. Narodziny ONZ. S. 249.
15. Крымская конференция. С. 112—113.
16. Там же. С. 111.
17. Там же. С. 112.
18. Materski W. Kwestia uznania BSSR i USSR. S. 83; tegoz. Narodziny ONZ. S. 250.
19. Stettinius E. R. Roosevelt and the Russians. P. 174.
20. Крымская конференция. С. 112; Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 2. С. 573.
21. Крымская конференция. С. 112.
22. FRUS. The Conferences at Malta and Jalta. P. 712; Churchill W. The Second World War. Vol. VI. P. 357.
23. Крымская конференция. С. 112.
24. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 2. С. 573—574.
25. Крымская конференция. С. 112—113.
26. Там же. С. 113; FRUS. The Conferences at Malta and Jalta. P. 722—723.
27. Byrnes J. Speaking Frankly. N. Y., 1947. P. 39.
28. Крымская конференция. С. 113—114.
29. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 2. С. 574.
30. Churchill W. The Second World War. Vol. VI. P. 359.
31. Ibid. P. 359—360; Боратынский С. Ук. соч. С. 305.
32. Сиполс В. Я. На пути к великой Победе. С. 482.
33. Woodward L. Op. cit. Vol. 5. P. 297; Сиполс В. Я. На пути к великой Победе. С. 482.
34. Stettinius E. R. Roosevelt and the Russians. P. 187.
35. Ibid. P. 188.
36. Ibid. P. 187; Боратынский С. Ук. соч. С. 306.
37. Harriman A., Abel E. Special Envoy ... P. 409.
38. FRUS. The Conferences at Malta and Jalta. P. 747.
39. Ibid. P. 746—747. Анализ меморандума США дается в работах: Броўка Ю. П. Ук. соч. С. 119—120; Забигайло К. С. Ук. соч. С. 125.
40. Materski W. Narodziny ONZ. S. 254.
41. Крымская конференция. С. 121—124, 127—128.
42. Там же. С. 122—123.
43. FRUS. The Conferences at Malta and Jalta. P. 736.
44. Крымская конференция. С. 123.
45. Там же. С. 124.
46. Там же. С. 123—124.
47. Коваль В. С. Ук. соч. С. 202—203.
48. Stettinius E. R. Roosevelt and the Russians. P. 196.
49. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 2. С. 574.
50. Stettinius E. R. Roosevelt and the Russians. P. 196; Kowalski W. Wielka Koalicja. T. III. S. 125.
51. Крымская конференция. С. 135, 146.
52. Коваль В. С. Ук. соч. С. 203.
53. Крымская конференция. С. 138.
54. Там же.
55. Там же.; Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 2. С. 574—575.
56. Крымская конференция. С. 255.
57. Исраэлян В. Л. Дипломатия в годы войны (1941—1945). М., 1985. С. 342; Сиполс В. Я. На пути к Великой Победе. С. 323.

58. Byrnes J. Speaking Frankly. P. 40.
59. Ibid.
60. FRUS. The Conferences at Malta and Jalta. P. 857; Бровка Ю. П. Международная правосубъектность БССР. Мн., 1967. С. 116.
61. Byrnes J. All in One Lifetime. N. Y., 1958. P. 261—262.
62. Byrnes J. Speaking Frankly. P. 41.
63. Переписка ... Т. 2. С. 202.
64. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 2. С. 575.
65. Переписка ... Т. 2. С. 203.
66. FRUS. The Conferences at Malta and Jalta. P. 967—968.
67. Ibid. P. 967.
68. Ulam A. The Rivals: America and Russia since World War II. N. Y., 1977. P. 54.
69. Sawczuk K. Op. cit. P. 30.
70. От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. М., 1988. С. 374.
71. Крымская конференция. С. 205.
72. Там же.
73. От «Барбароссы» до «Терминала». С. 373.
74. Byrnes J. All in One Lifetime. P. 263.
75. Крымская конференция. С. 255—256.
76. America as a World Power, 1872—1945. N. Y., 1971. P. 292.
77. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М., 1955. С. 74—80.
78. Materski W. Kwestia uznania BSSR i USSR. S. 93.
79. Dallin A. Op. cit. P. 107.
80. Де Голль Ш. Военные мемуары. Т. 2. Единство: 1942—1944 годы. М., 1960. С. 737.
81. Aspaturian V. Op. cit. P. 102.
82. Subtelny O. Ukraine. A History. Toronto, 1988. P. 487.
83. Бакасюк Я. За пазітыўную плятформу ў барацьбе з бальшавізмам // Змаганьне. Орган Беларускага Антыбальшавіцкага Фронту. Мюнхен, 1952. № 1. С. 18; Lubachko I. Belorussia under Soviet rule, 1917—1957. Kentucky, 1972. P. 184; Kipel V. Byelorussia's seet at the UN // Heritage Review. N. Y., Fall 1972.
84. Lubachko I. Op. cit. P. 184—185.
85. Dallin A. Op. cit. P. 107.
86. Ulam A. Expansion and Coexistence. The History of Soviet foreign policy from 1917 to 1967. London, 1968. P. 373.
87. Kowalski W. Wielka Koalicja. T. III. S. 119.
88. The Meaning of Jalta. Big Three Diplomacy and the New Balance Power. Baton Rouge, 1956. P. 186—187.
89. От «Барбароссы» до «Терминала». С. 375.
90. Byrnes J. All in One Lifetime. P. 305, 401.
91. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 2. С. 595.
92. Верт А. Россия в войне. 1941—1945. М., 1967. С. 713.
93. Stettinius E. R. Roosevelt and the Russians. P. 295—303.
94. Верт А. Ук. соч. С. 713.
95. Коваль В. С. Ук. соч. С. 201.
96. Bohlen Ch. Witness to History, 1929—1969. N. Y., 1973. P. 168.
97. Vandenberg A. The Private Papers of Senator Wandenberg. Boston, 1952. P. 159.

98. Ibid. P. 163.
99. Sawczuk K. Op. cit. P. 30.
100. Werth A. Russia at War 1941—1945. London, 1964. P. 978; Rauch G. Geschichte der Sowjetunion. Stuttgart, 1969. S. 434.

Глава IV

1. Сосинский С. Б. Акция «Аргонавт» (Крымская конференция и ее оценка в США). М., 1970. С. 93; Sawczuk K. Op. cit. P. 33.
2. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сборник документов. Т. 5. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апр.— 26 июня 1945 г.) (далее: Конференция в Сан-Франциско). М., 1980. С. 61.
3. Переписка ... Т. 1. М., 1976. С. 358.
4. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 2. С. 597.
5. Там же.
6. The New York Herald Tribune. 1945. 30. III.
7. The New York Times. 1945. 30. III.
8. The New York Herald Tribune. 1945. 30. III.
9. Ibid.
10. The New York Times. 1945. 30. III.
11. Vandenberg A. Op. cit. P. 159.
12. The New York Times. 1945. 30. III.
13. The New York Herald Tribune. 1945. 11. IV.
14. The New York Herald Tribune. 1945. 30. III.
15. Ibid.
16. Ibid.
17. The New York Times. 1945. 14. IV.
18. The New York Herald Tribune. 1945. 31. III.
19. The New York Herald Tribune. 1945. 30. III.
20. Daily Telegraph. 1945. 20. IV.
21. The New York Herald Tribune. 1945. 31. III.
22. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 2. С. 598.
23. The New York Herald Tribune. 1945. 31. III.
24. FRUS. 1945. Vol. 1. General. The United Nations. Wash., 1967. P. 170.
25. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 2. С. 598.
26. Там же. С. 598—599;
27. The New York Herald Tribune. 1945. 31. III and 3. IV.
28. Ibid. 1945. 3. IV.
29. Ibid.; The New York Times. 1945. 4. IV.
30. The New York Herald Tribune. 1945. 3. IV.
31. От «Барбароссы» до «Терминала». С. 374.
32. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 2. С. 598.
33. The Public Papers and Adresses of Franklin Delano Roosevelt. Vol. XIII. 1944—1945. N. Y., 1950. P. 545.
34. Bohlen Ch. Op. cit. P. 115.
35. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. III (1 янв.— 3 сент. 1945 г.). М., 1947. С. 156—157.
36. Правда. 1945. 5 апр.
37. Там же; Коваль В. С. Ук. соч. С. 224.
38. Правда. 1945. 5 апр.

39. The New York Times. 1945. 4. IV.
40. Правда. 1945; 8 апр.; Materski W. Narodziny ONZ. S. 284.
41. Коваль В. С. Ук. соч. С. 225.
42. Vandenberg A. Op. cit. P. 159, 162.
43. The Public Papers ... P. 610.
44. Ibid. P. 611.
45. Ibid.; Сосинский С. Б. Ук. соч. С. 94.
46. The New York Herald Tribune. 1945. 4. IV.
47. Stettinius E. R. Roosevelt and the Russians. P. 282.
48. Byrnes J. Speaking Frankly. P. 41—42.
49. Забигайло К. С. Ук. соч. С. 127; В інтересах миру і дружби між народами. С. 33.
50. Конференция в Сан-Франциско. С. 76—77.
51. FRUS. The Conferences at Malta and Jalta. P. 990—991.
52. Забигайло К. С. Ук. соч. С. 127; В інтересах миру і дружби між народами. С. 33; Sawczuk K. Op. cit. P. 34.
53. FRUS. The Conferences at Malta and Jalta. P. 990—991.
54. Конференция в Сан-Франциско. С. 77—78.
55. FRUS. 1945. Vol. 1. P. 150—151.
56. Конференция в Сан-Франциско. С. 78.
57. FRUS. 1945. Vol. 1. P. 143.
58. Ibid.
59. Ibid. P. 151.
60. Конференция в Сан-Франциско. С. 83.
61. Крымская конференция. С. 138.
62. Конференция в Сан-Франциско. С. 84.
63. Там же. С. 87—88.
64. Materski W. Narodziny ONZ. S. 282—284.
65. В інтересах миру і дружби між народами. С. 37.
66. Крымская конференция. С. 123—124.
67. Там же. С. 138.
68. Забигайло К. С. Ук. соч. С. 128.
69. Там же.
70. FRUS. 1945. Vol. 1. P. 283.
71. Ibid. P. 294.
72. Ibid. P. 286.
73. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. В 2 т. Т. 2: 1944—1945. М., 1984. С. 367—368.
74. Harriman A., Abel E. Special Envoy... P. 453.
75. Исраэлян В. Л. Ук. соч. С. 392.
76. Memoirs by Harry S. Truman Vol. 1: Year of Decision. N. Y., 1955. P. 82.
77. The New York Times. 1945. 28. IV.
78. Правда. 1945. 29 апр.
79. Вильямс В. Э. Трагедия американской дипломатии. М., 1960. С. 164.
80. Конференция в Сан-Франциско. С. 86.
81. Там же. С. 94—95.
82. Там же. С. 96.
83. FRUS. 1945. Vol. 1. P. 364.
84. Ibid. P. 364—365; Конференция в Сан-Франциско. С. 87.
85. FRUS. 1945. Vol. 1. P. 370.
86. Конференция в Сан-Франциско. С. 100.
87. FRUS. 1945. Vol. 1. P. 382.

88. Ibid. P. 383.
89. Ibid.
90. Правда. 1945. 26 апр.
91. FRUS. 1945. Vol. 1. P. 255—256.
92. Ibid. P. 279—280.
93. Ibid.
94. Ibid. P. 280.
95. Ibid; Vandenberg A. Op. cit. P. 164—165.
96. FRUS. 1945. Vol. 1. P. 386.
97. Ibid. P. 387—388, 392.
98. Ibid. P. 388.
99. Ibid.
100. Ibid. P. 388—389, 401.
101. Ibid. P. 390.
102. Ibid. P. 391.
103. Ibid. P. 397.
104. Ibid. P. 401.
105. Ibid. P. 395.
106. Ibid. P. 410—411.
107. Ibid. P. 411.
108. Ibid. P. 413.
109. Ibid. P. 416—417.
110. Vandenberg A. Op. cit. P. 177—178.
111. Коваль В. С. Ук. соч. С. 227.
112. FRUS. 1945. Vol. 1. P. 405.
113. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 218—219.
114. Там же. С. 219.
115. FRUS. 1945. Vol. 1. P. 444.
116. Конференция в Сан-Франциско. С. 130, 306.
117. Там же. С. 324.
118. Там же. С. 324—325.
119. Там же. С. 403.
120. Там же. С. 403—404.
121. Там же. С. 325—326.
122. Там же. С. 130; Правда. 1945. 29 апр.
123. Конференция в Сан-Франциско. С. 326—327.
124. Там же. С. 327.
125. Там же. С. 330.
126. The New York Times. 1945. 27. IV.
127. Luard E. A History of the United Nations. Vol. 1: The Years of Western Domination. 1945—1955. London, 1982. P. 42.
128. Kowalski W. Wielka Koalicja. T. III. S. 412.
129. Ibid.
130. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 233.
131. Materski W. Narodziny ONZ. S. 325.
132. Конференция в Сан-Франциско. С. 336.
133. Goodrich L. M., Hambro E., Simons A. P. Charter of the United Nations. Commentary and Documents. N. Y., London, 1969. P. 84.
134. FRUS. 1945. Vol. 1. P. 501.
135. Конференция в Сан-Франциско. С. 181—183.
136. Там же. С. 188.
137. Там же. С. 184.

138. Welles S. Where are We Heading. N. Y., London, 1946. P. 211—212.
139. Sawczuk K. Op. cit. P. 47.
140. FRUS. 1945. Vol. 1. P. 501.
141. Архив Министерства иностранных дел Республики Беларусь. Выступления делегатов БССР на конференции в Сан-Франциско, Подготовительной комиссии, 1-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Парижской мирной конференции 1945—1946 гг. Л. 16.
142. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 2. С. 627—628.
143. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4, оп. 61, д. 149. Л. 17—18; Бровка Ю. П. Международная правосубъектность БССР. С. 120.
144. Правда. 1945. 3 мая; Крылов С. Б. История создания Организации Объединенных Наций. С. 99.
145. Сов. Белоруссия. 1945. 9 мая. Характерно, что в мемуарах Киселева дана иная редакция этой фразы канадского генерала, из которой были исключены слова о «национальной гордости» белорусов и украинцев. (Киселев К. В. Записки советского дипломата. М., 1974. С. 55.)
146. Сов. Белоруссия. 1945. 12 мая; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 260—261; Киселев К. В. Записки ... С. 58—59.
147. Byrnes J. All in One Lifetime. P. 263.
148. Byrnes J. Speaking Frankly. P. 42.
149. Ibid. P. 41—42.
150. От «Барбароссы» до «Терминала». С. 373.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научное издание

Снапковский Владимир Евдокимович

ПУТЬ БЕЛАРУСИ В ООН 1944—1945 гг.

Заведующий редакцией *А. И. Валаханович*
Редактор *Б. А. Рогозянский*
Художник *В. В. Савченко*
Художественный редактор *В. В. Савченко*
Технический редактор *Т. В. Летьен*
Корректор *А. Н. Малей*

Сдано в набор 12.11.93. Подписано в печать 11.01.94. Формат 84×108[1]/32. Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 7,56. Усл. кр.-отт. 7,77. Уч.-изд. л. 7,87. Тираж 850 экз. Зак. № 1089.

Издательство «Навука і тэхніка» Академии наук Беларуси и Министерства информации Республики Беларусь. 220141. Минск, Жодинская, 18. ЛВ № 437. Типография им. Франциска Скорины издательства «Навука і тэхніка». 220141. Минск, Жодинская, 18.

Снапковский В. Е.

С 53 Путь Беларуси в ООН. 1944—1945 гг. / Под ред. А. С. Протопопова.— Мн.: Навука і тэхніка, 1994.— 141 с.

ISBN 5-343-01290-6.

Исследуется проблема первоначального членства союзных республик СССР в ООН, трудный путь Беларуси в эту организацию. Написана на основе документов внешней политики СССР, США, Великобритании и других стран, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, мемуарной и монографической литературы, периодической печати. Адресуется работникам науки и высшей школы, дипломатам, студентам, широкому кругу читателей, интересующихся историей международных отношений Беларуси.

С $\frac{9470600000-014}{М\ 316(03)-94}$ 13—93 **ББК 63.3(2Б)**